

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

152

ПАРИЖ — НЬЮ-ИОРК — МОСКВА

№ 152

I - 1988

Édité par l' Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Алексей Князев,
прот. Кирилл Фотиев, Ю. Кублановский, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н.А. Струве.

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

Условия подписки на 1988 год (3 выпуска) :

.....	240 фр.
(ail)	270 фр.
(L)	320 фр.

Цена подписки в год 30 фр. / 15 долл.
(без пересылки)

ISSAGE»
601-57 U Paris).

4001522

~~СПРАВОЧНИК~~

КОГО ДВИЖЕНИЯ

A.C.E.R.,
1.42.50.53.66).
RUVE.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

ER

Книж. пред. выдач.

1/10

И
ИАНСКОГО
I

152

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4001522

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

От редакции

988—1988

Тысячелетие крещения Руси не только и не просто памятная дата, как в прошлом году отпразднованное во Франции тысячелетие династии Капетингов. Это живая, животрепещущая история, приобретающая в наши дни особое, таинственное значение. Оглядываясь назад, нельзя не изумляться, как изумлялись киевляне второго поколения после Владимира Святого, неисчислимым дарам, излившимся, через принятие христианства, на русскую землю (что бы там ни говорили вопреки современные историки-скептики). Нельзя не изумляться и дальше, сквозь века, сиянию русской святости, от страстотерпцев Бориса и Глеба до новейших мучеников, от св. Феодосия Печерского до о. Иоанна Кронштадтского, но не менее и сиянию русской православной культуры от митр. Илариона Киевского и Владимира Мономаха до о. Павла Флоренского, Ахматовой и Солженицына. Россия с православием сроднилась, без него невысказима, и даже великое отступничество 17-го года и последующих десятилетий, рационально необъяснимое, эту связь окончательно порвать так и не могло. Штурм небес бумерангом обратился на землю, разорил ее, завалил трупами и глыбами мертвой материи. Шла ночь, которая, казалось, "не ведает рассвета". Но сквозь тьму, из-под глыб обвала не переставали раздаваться голоса, как в России, так и за рубежом, возвещая высшую правду и вселяя надежду на будущее воскресение.

На грани юбилея, с какой-то стихийной, таинственной силой (пусть и с разрешения властей!) прорвалась на страницах отечественной (советской!) печати мощная духовная струя (что бы там ни говорили современники-скептики). В первых номерах юбилейного года, в журнале, перешедшем с полумиллионного тиража на полтора миллиона, печатается один из крупнейших евангельских романов XX-го столетия; там же огненные, пророческие стихи М. Волошина о русской Голгофе; в "Вопросах литературы" публикуются соловецкие письма священномученика Павла Флоренского и давняя статья К. Чуковского о "последнем и единственном поэте православия" А. Ахматовой; в "Социологических исследованиях" (уж, казалось бы, они должны придерживаться марксистской ориентации) — софийные мысли того же о. Павла Флоренского "о живой идее совокупной твари, она же — Церковь". Газета "Московские Новости" зовет неверующую часть населения финан-

Copyright © Le Messenger. Paris 1988

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

сово поддержать восстановление Толгского монастыря, недавно заодно с Оптиной возвращенного Церкви. Богу, Господу, Богоматери постепенно возвращается большая буква, упраздненная в 1922 году. Все чаще обличается банкротство нового *homo sovieticus*, раздаются слова покаяния, призывы вернуться к испытанным нравственно-религиозным ценностям...

Не стоим ли мы на пороге нового крещения России, охватившего культурные слои населения, а в народных массах никогда собственно и не прекращавшегося (за исключением 30-х годов, когда крещение было фактически невозможным)? "Наука и Религия" (№11, 1987), чей тираж, в отличие от "Нового Мира", стабилен, сообщила интереснейшие данные о религиозной обрядности: в 1986г. было крещено 775.000 душ (из них 90.000 взрослых или детей школьного возраста) — цифра внушительная, тем более, что она занижена, так как учитывает лишь официально зарегистрированные крещения. В одной из статей второго выпуска самиздатского журнала "Выбор" автор скорбит о внерелигиозных причинах, побуждающих часто неверующих родителей крестить своих детей ("чтобы был, как все", говорят одни; "чтобы не болел", слышно от других). Но вряд ли в 988 году население, пошедшее по повелению Владимира Святого креститься в днепровские воды, отдавало себе четкий отчет в происходящем... Конечно, Киевская Русь кормилась тогда от богатейшей византийской культуры, ныне же Советская Россия должна питаться от самой себя, от заваленных глыбами своих вековых сокровищ. К тому же, христианство в мире переживает сейчас, в отличие от X-го века, не расцвет, а упадок. А главное, новое иго, чуждое русскому историческому бытию, еще далеко не преодолено.

В начале 30-х годов Г.Н. Федотов первый заговорил о новом крещении России как о непереносимом условии ее восстановления. В юбилейные дни, с основаниями большими, чем полвека назад, будем, вместе с Федотовым, надеяться, что "освобожденная от семи бесов Россия, как Магдалина, вернется к ногам навсегда возлюбленного ею Христа".

Никита Струве

В. З. (Москва)

О ТОМ, ГДЕ И КОГДА КРЕСТИЛСЯ СВЯТОЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР И О ВРЕМЕНИ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

На истории обращения св. Владимира от ее начала до конца лежит печать некоторой тайны, как то и бывает там, где в делах человеческих совершаются дела Божии.

И.И. Малышевский¹

Крещение Руси, являясь краугольным камнем русской истории, привлекло большое внимание как древних летописцев, так и исследователей нового времени. Об этом свидетельствует внушительный объем, уделенный обращению Владимира и крещению Руси в древнейшем сохранившемся летописном памятнике — *Повести временных лет (ПВЛ)*, а также обширная библиография работ по этому вопросу, написанных за последнее столетие.² Но тем не менее, и по сей день среди ученых нет согласия относительно даты этих событий. Разные исследователи определяли их по-разному, исходя из имевшихся в их распоряжении материалов, и, до некоторой степени, — симпатии к одним источникам и недоверия к другим, противоречащим их гипотезам. Это и определило полемический характер почти всей литературы, посвященной отмечавшемуся в прошлом веке юбилею 900-летия крещения Руси.

Также спор и о месте крещения св. Владимира весьма давний. Летописец в *ПВЛ* отмечает: "Се же, не сведуще право, глаголють, яко крестился есть в Киеве; инии же реша: в Василеве; друзии же инако скажут..."³ Сам же летописец, отвергая эти мнения, утверждал, что крещение Владимир принял в Корсуни.

В дальнейшем историки принимали, как правило, одну из названных версий. В конце XIX в. было высказано предположение о возможности крещения Владимира в Константинополе, воплотившее последнее мнение, упоминаемое летописцем, то есть "третьи же иначе говорят".

В 980 г. младший сын князя Святослава, Владимир, с помощью варяжской дружины захватил великокняжеский киевский престол.⁴ Начало его правления ознаменовалось реформой языческого культа. Прийдя из Новгорода, где язычество имело более сильные позиции, он решил утвердить почитание языческих богов и в Киеве, установив на холмах идолов Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога, Симарыгла, Мокоши. Но языческий мир переживал серьезный кризис, из которого нельзя было выйти с помощью княжеских указов. Европейские народы тянулись ко Христу. К середине X в. почти вся Европа была христианской, в 966 г. крестилась Польша, Венгрия и Скандинавия были готовы к этому шагу. В Киеве ко времени вокняжения князя Владимира уже существовала христианская община, состоявшая, в основном, из варягов.⁵ Вскрившись и Владимир, почувствовав тщету богов, являющихся изделием рук человеческих, обратился к поиску истинного Бога. И вот, когда кончалось тысячелетие со времени пришествия и воплощения Сына Божия в вертепе вифлеемском, Господу было угодно восстановить из среды народа, сидящего в сени смертной, пастыря в образе св. Владимира.

В христианском мире, еще не расколотом окончательно схизмой 1054 г., уже отчетливо наметились два центра: Константинополь и Рим. Но удаленная от Вечного Города Русь издревле тяготела к Византии, с которой она к концу X в. уже имела обширные торговые связи и политические договоры. И много слышал Владимир "о благоверней земли Гречестей, Христолюбивой и сильной верою, как единого Бога в Троице чтут и кланяются; как в них деются силы и чудеса и знамения".⁶

Критическая политическая обстановка, сложившаяся в Византийской империи, по промыслу Божию, благоприятствовала крещению Руси.

В 976 г. скончался император Иоанн Цимисхий, опекун малолетних порфирородных правителей Василия и Константина. Фактическая власть в стране перешла в руки паракимомена, евнуха Василия,⁷ побочного сына императора Романа I.⁸ В том же году, опираясь на военную аристократию, поднял мятеж Варда Склир, один из претендентов на императорский трон. Поддерживаемый армянскими князьями, а также мусульманами пограничных с Византией районов, он вскоре занял всю Малую Азию. В 977 г. он нанес полное поражение императорским войскам. Паракимомену

Василию пришлось возвратить из ссылки талантливого военачальника Варду Фоку, уже участвовавшего в мятеже в борьбе за императорский трон. В марте 979 г. Варда Фока в поединке ранил Склира, который после этого сражения бежал в Багдад. Мятеж был подавлен.

Спустя несколько лет в императорском дворце произошли неожиданные изменения: внезапно на политическую арену вышел старший сын Романа II, законный император Василий II. В 985 г. был сослан евнух, Варда Фока удален от двора, командование армией Василий II взял в свои руки. В следующем году молодой император отправился в поход в Болгарию. Но первый самостоятельный шаг его был неудачным: 17 августа византийская армия потерпела ужасное поражение, которого не знала уже более четверти века.

Начало 987 г. ознаменовалось новыми неприятностями: поражение в Болгарии дало толчок к неутрачиваемому недовольству македонской династией, в пределах империи вновь появился Варда Склир. Василию II ничего не оставалось, как вернуть Варду Фоку из опалы, и ему был доверен пост доместика схол Востока. Но Варда Фока, выступив против мятежников, преследовал, прежде всего, свои личные цели. Сговорившись сначала с Вардой Склиром, а затем при тайной встрече арестовав его и заключив в темницу, Варда Фока в 987 г. провозгласил императором себя. Мятеж принял огромный размах и охватил всю восточную часть империи. На стороне узурпатора оказалась наиболее сильная часть греческой армии и наемные армянские и грузинские войска, а также флот. В западных пределах Византии вспыхнуло восстание болгарского царя Самуила. В начале 988 г. войска Варды Фоки подошли к Константинополю. Положение Василия II стало трагическим. Спасение императора, оставшегося без империи, было в одном — призвание иностранного войска. В этих условиях был заключен договор между Византией и Русью, в результате которого из Киева в Константинополь была отправлена шеститысячная дружина, а Русь вместе со своим князем приняла крещение. Также договор предусматривал свадьбу Владимира с принцессой Анной, сестрой императора Василия II.

Русский отряд принял участие в сражении у Хрисополя, где непобедимому полководцу Варде Фоке было нанесено первое поражение. 13 апреля 989 г., с помощью русской дружины, у Авидоса, Василий II полностью разгромил армию узурпатора, который и

сам погиб в этом сражении. Гражданская война в Византии закончилась. Империя под властью Василия II вновь приобретала свое былое величие.

А в это время, далеко на север от царственного града, из святой купели вышло новое христианское государство — Русь. В ней же "нача вера хрестьянска плодитися и раширати, и черноризьцы почаху множитися, и монастыреве починаху быти".⁹

Источники

Источники, сообщающие сведения о крещении Руси, подразделяются на три большие группы: русские, византийские и арабские. В качестве дополнительных можно рассматривать сочинения армянского историка Стефана из Тарона, хроникера Мерзбургского епископа Титмара и Историю Польши Длугоша.

Приступая к рассмотрению русских источников, необходимо отметить, что известия, современные крещению, полностью отсутствуют, а наиболее ранние датируются XI в. Давая оценку русским источникам, академик А. Шахматов писал: "Наша древняя письменность представляет любопытное собрание разноречивых данных о крещении Владимира. Древние летописи умалчивают обо многих подробностях, известных летописям позднейшим. Некоторые жития и сказания не согласуются с показаниями *Повести временных лет* и *Начального Киевского свода*, в пределах одной и той же летописи встречаем противоречивые сообщения".¹⁰

Основным источником по начальному периоду русской истории является *ПВЛ*, которая дошла до нас в составе нескольких списков, самый древний из которых, Лаврентьевская летопись, датируется XIV в. Последняя редакция *ПВЛ* была осуществлена игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром, но его авторство распространяется только на заключительную часть повести. Ту форму, в которой она известна сейчас, придал ей преп. Нестор.

Как известно, древнерусские летописи являются сводами, то есть составитель, продолжавший летопись своего предшественника, часто выступал и в качестве редактора имевшегося у него текста, а также дополнял его новыми сведениями об уже упоминавшихся событиях.¹¹ Как было выяснено Шахматовым, *ПВЛ* предшество-

вал так называемый *Начальный свод* 1093-1095 гг. Шахматов выделил текст *Начального свода* из *ПВЛ*, но в дальнейшем он пришел к выводу, что этому своду предшествовал свод 1073 г.,¹² причем и в этот свод был включен более ранний, составленный в 1037-1039 гг., который он назвал *Древнейшим киевским сводом*.¹³ Полвека спустя после открытия Шахматова академик Лихачев выделил из состава *Древнейшего свода* еще более древний текст, который он назвал *Сказание о начале распространения христианства на Руси*.¹⁴

Согласно *ПВЛ*, ко двору князя Владимира прибыли посольства из четырех стран, исповедовавших разные религии: магометанскую, иудейскую и христианскую, причем последнюю представляли два проповедника, один из Рима, а второй из Византии. Владимир сразу отверг предложение принять ислам и иудейство, отказал и папскому легату, ссылаясь на то, что раньше на Руси не принимали римских священников. Греческий же философ произнес перед князем длинную речь и, показав ему картину Страшного суда, убедил его принять христианство по восточному обряду. Но осторожный Владимир решил немного повременить и испытать еще раз эти вероисповедания на месте, направив своих доверенных бояр в разные страны. После их возвращения, окончательно убежденный принять веру от греков, он отправился добывать ее в Корсунь. Завоевав город, Владимир в 988 г. принял крещение, обвенчался с принцессой Анной, сестрой византийского императора Василия II, и в том же году крестил киевлян.¹⁵

С середины XIX в. русская историография имеет четыре древних источника, проливающих некоторый свет на крещение Владимира. Первый относится к середине XI в., но дошел до нас в списках XV-XVI вв. Это *Слово о законе и благодати* митрополита Илариона.¹⁶ Вторым является *Чтение о Борисе и Глебе* преп. Нестора, написанное около 1080 г.¹⁷ В этих произведениях ничего не говорится ни о приходе к Владимиру миссионеров, ни о его крещении в Херсонесе. Согласно *Слову и Чтению*, Владимир, вдохновленный свыше, открыл истину сам собою, причем *Чтение* крещение Владимира датирует 6495, то есть 987 г. Третий памятник, *Память и похвала Владимиру монаха Иакова*, написанный около 1070 г., сохранился в рукописях; самая древняя из которых датируется XV в.¹⁸ В ней также говорится, что Владимир принял христианство по вдохновению свыше. В конце *Похвалы* приводится хронология основных событий жизни князя. "По святом же крещеньи

поживе блаженный князь Володимир 28 лет. На другое лето по крещеньи к порогом ходи, на третье лето Корсунь город взя... Успе с миром месяца июля в 15 день, в лето 6523..." То есть крестился Владимир в 987 г., и при этом за два года до корсунского похода. В четвертом памятнике, анонимном *Житии св. Бориса и Глеба*, составленном около 1072 г., указывается также, что Владимир по святом крещении жил 28 лет.¹⁹

Такое несовпадение данных приводило в смущение исследователей. И одни отдавали предпочтение хронологии *ПВЛ*, другие *Памяти и похвале монаха Иакова*.

В недоумение приводил историков и тот факт, что византийские писатели вообще нигде не упоминают о просвещении светом Евангелия русского народа и их князя. Все, что сообщают византийские источники об интересующих нас событиях, содержится в сочинениях только трех авторов: Пселла, Скилицы и Льва Диакона. Пселл упоминает о прибытии русского отряда на помощь императору Василию II и его участии в сражениях против войск взбунтовавшегося Варды Фоки.²⁰ У Скилицы мы находим почти тождественное сообщение, к которому он добавляет сведения о женитьбе Владимира на сестре императора.²¹ Лев Диакон в небольшом отступлении в своей *Истории* сообщает о взятии Херсонеса русскими.²²

Сочинения Пселла и Скилицы были написаны во второй половине XI в., современником крещения Руси был только Лев Диакон.

Среди арабских источников мы также находим хронистов, повествующих о событиях 987-989 гг. Это Аль-Макин, Ибн-Эль-Атир и Яхья Антиохийский. Хроника Аль-Макина, написанная в XVII в., и Ибн-Эль-Атира, составленная в XIII в., перестали иметь самостоятельное значение после открытия академиком Р.В. Розеном в середине прошлого столетия истории Яхьи Антиохийского, жившего в конце X-начале XI вв.²³ Розен установил, что источником двух вышеназванных авторов был Яхья, араб-христианин, родом из Антиохии.

Хотя научному миру хроника Яхьи известна уже ровно столетие, учитывая ее особое значение для уяснения обстоятельств крещения Руси, считаем целесообразным привести отрывок, посвященный русско-византийским отношениям конца X в., полностью.

"И взбунтовался открыто Варда Фока, и провозгласил себя царем в среду, день праздника Креста, 14 Айлуля (сентября) 1298

(987), то есть 17 Джумады 1377, и овладел страной греков до Дорилей и до берега моря, и дошли войска его до Хрисополя. И стало опасным дело его и был им озабочен царь Василий по причине силы войск и победой над ним. И истощились его богатства и побудила его нужда послать к царю русов — а они его враги, — чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении. И согласился он на это. И заключили они между собой договор о свойстве и женился царь русов на сестре царя Василия, после того, как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий. И не причисляли себя русы тогда ни к какому закону и не признавали никакой веры. И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов и они окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране русов. И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска русов также и соединились с войсками греков, которые были у царя Василия..."

Армянский историк Стефан из Тарона, прозванный Асохиком, который был почти современником крещения Руси, в своей *Всеобщей истории* сообщает о том, что русский шеститысячный корпус прибыл на помощь императору Василию II, когда Василий выдал свою сестру за русского князя, и что тогда же русы уверовали во Христа.²⁴

Современные крещению Руси западно-европейские источники ничего не говорят об этом событии.²⁵ Только в хронике Титмара Мерзебургского, единственного современного западного летописца, имеется указание на то, что Владимир принял крещение по убеждению своей жены — гречанки. Но супругой русского князя у Титмара является не Анна, а Елена, к тому же брак, а следовательно и крещение, относится ко времени после 996 г.²⁶

Заслуживают внимания сведения, приводимые польским историком Яном Длугошем. Хотя его *История Польши* была написана во второй половине XV в., он использовал для составления своей хроники древние русские летописи. Как было установлено Е. Перфецким, основным русским источником Длугоша был *Перемышльский свод* 1225 г., который до наших дней не сохранился.²⁷ В основе этого свода лежал более древний свод, чем *ПВЛ* и *Начальный свод*, не имевший погодных записей и датировавший крещение Руси на третье лето по крещении Владимира. Длугош,

вставляя не датированные русские известия в свою историю Польши, имеющую хронологию, отнес крещение Владимира к 990 г., а крещение русского народа, соответственно, к 992 г.²⁸

Основные направления эволюции историографии в вопросе крещения св. Владимира и Руси

До середины прошлого столетия летописное сказание о крещении Владимира и Руси в русской историографии не подвергалось никаким сомнениям, так как другие источники, иначе освещающие эти события, были неизвестны.²⁹ В 1849 г. высокопреосвященным Макарием была опубликована открытая им рукопись *Память и похвала Владимиру монаха Иакова*. Хотя данные этого памятника не совпадают с историей крещения, описанной в летописи, митрополит Макарий остался верен традиционной хронологии в этом вопросе.³⁰

Работы академика В. Г. Васильевского по исследованию русско-византийских отношений, с привлечением греческих, арабских и армянских источников, позволили ему по-новому взглянуть на крещение Руси. Васильевский был первым, кто связал крещение Руси с политическими событиями того времени. Также первым он обратил внимание на показания Асохика. В 1876 г. Васильевский опубликовал статью, в которой установил, что Херсонес был взят русскими не в 988 г., как это сказано в *Повести временных лет*, а в 989 г.³¹ Лев Диакон сообщает о появлении кометы и огненных столбов, предвещавших взятие этого византийского города русскими и захват Веррой болгарами. Указанное явление датировано у Аль-Макина 7 апреля 989 г., следовательно, Херсонес не мог быть взят раньше этой даты.

Далее, *Память и похвала Владимиру монаха Иакова* свидетельствует о том, что крещение Владимир принял за два года до Корсунского похода. Поэтому Васильевский отверг летописное сказание о крещении русского князя в Херсонесе и, основываясь на показаниях *Повести о латынях*,³² которую он предположительно датировал XIII в., выдвинул гипотезу о личном участии Владимира в военных действиях против Варды Фоки и посещения им Цареграда. Исходя из этого, он не исключал возможности и

крещения Владимира в Константинополе. Вслед за Васильевским это мнение в дальнейшем разделял и академик Ф. И. Успенский.³³

Следующий шаг в изучении вопроса крещения Владимира и Руси был сделан академиком Е. Е. Голубинским, который в I томе своей *Истории Русской Церкви*, вышедшей в 1880 г., также подверг критике летописное сказание.³⁴

Голубинский обстоятельства крещения Руси представил в следующем виде. Владимир был расположен к вере не греческим проповедником, а христианами варяжской дружины, и крестился на Руси, в Киеве, или, скорее, близ него, в г. Василеве, о чем свидетельствует и приведенная исследователем исландская сага, в которой рассказывается, что Олав, конунг норвежский, крестившись в Византии, убедил потом и Владимира принять христианство.³⁵ На основании показаний монаха Иакова, крещение князя он датировал 987 г., оно совершилось при заключении военного союза с Византией, и притом тайно от народа. Крещение Руси было совершено Владимиром уже после взятия Херсонеса и женитьбы на греческой принцессе в 989 или 990 г.

Но эти выводы оказались далеко не бесспорными. Известный востоковед, академик Р. В. Розен, в примечании к опубликованной им в 1883 г. хронике Яхьи Антиохийского высказал мнение, что данные Яхьи и византийцев не "подрывают в корне авторитет русского летописания", как считал Васильевский, но наоборот, подтверждают его правильность по сравнению с сообщениями монаха Иакова, на которых основывали свои построения Васильевский и Голубинский.³⁶ Розен полагал, что хронологическая последовательность событий, описанных в летописи, то есть: прибытие посольств из разных стран, в том числе греческого философа, отправка русских послов в Константинополь, поход на Херсонес, приезд принцессы Анны и крещение Владимира епископом корсунским, — совпадают с данными византийских и арабских источников. Он считал, что совпадение будет полным, если допустить в русской летописи ошибку на один год: приезд в Киев посла из Византии в 987 г., русского посольства в 988 г., взятие Херсонеса и крещение в 989 г.

Розен уточнил время взятия Херсонеса, определенное Васильевским. Лев Диакон сообщает, что после захвата русскими Херсонеса и Веррой болгарами появилась комета, предвещавшая новое бедствие — землетрясение в Константинополе. Это явление было точно датировано у Яхьи Антиохийского и Асохика. Сопоставив данные,

Розен сделал вывод о том, что Херсонес был взят Владимиром в период 7 апреля-27 июля 989 г. Относительно причины похода на Херсонес, он выдвинул гипотезу, которую поддерживает большинство исследователей и по сей день. Император Василий II, в отличие от Владимира, направившего шеститысячный отряд в Константинополь, не выполнил своего обязательства и не выдал свою сестру замуж за русского князя. Чтобы заставить Василия II выполнить условия договора, Владимир завоевал византийский форпост в Крыму и послал послов в Константинополь, с угрозой, что в случае дальнейшего промедления со свадьбой он предпримет поход на царственный град.

В 1886 г. против гипотезы Голубинского о крещении Владимира на Руси варягами-христианами выступил и проф. И. А. Линниченко.³⁷ В своей статье он доказывал, что исторически не оправдано хронологически разрывать два события — крещение Владимира и крещение Руси, и отнес и то и другое к 989 г., то есть ко времени после взятия Херсонеса. Ввиду противоречий источников он соглашался с компромиссным решением И. И. Мальшевского: в 987 г. было оглашение Владимира в Киеве, а само крещение состоялось в Херсонесе.

Наступил юбилейный 1888 г.³⁸ Хотя все историки единогласно высказывались за празднование юбилея именно в этом году, освященном традицией, мнение о действительном времени крещения Руси продолжало оставаться спорным.

Версию Голубинского отстаивал проф. В. З. Завитневич, который также большое значение придавал хронологическим данным *Памяти и похвалы* монаха Иакова.³⁹ Приезд императорских послов в Киев он датировал 987 г. Тогда же Владимир принял крещение, возможно даже из рук духовного лица, находящегося в составе посольства. Но так как, в отличие от Владимира, Василий II не выполнил обязательств договора, русский князь осадил и взял в 989 г. Херсонес. В том же году состоялась свадьба Владимира с принцессой Анной, а с наступлением весны 990 г. он вместе с молодой женой возвратился в Киев и окрестил народ.

За статьей Завитневича вскоре же последовал критический отзыв, который был написан проф. А. И. Соболевским, выступившим в защиту 988 г. — как года крещения Руси.⁴⁰ Он указал, что, во-первых, *Память и похвала Владимиру*, а также *Сказание и Чтение о Борисе и Глебе*, на которых основывал свои построения

Завитневич, уступают в древности летописи. Во-вторых, он привел примеры того, как высчитывались в Древней Руси годы от события до события, то есть в число их включались оба события. Следовательно, в хронологии монаха Иакова из 1015 г. нужно вычесть не 28, а 27 лет, поэтому год крещения будет 988. В заключение Соболевский подчеркнул, что летопись содержит множество дат истории Руси, верность которых не вызывает никакого сомнения, тем более было бы странным, если бы она ошибалась в годе крещения русского народа.

Традиционного взгляда на крещение Владимира и Руси придерживался и И. П. Матченко, который также выступил с критикой положений Голубинского.⁴¹ Сообщение монаха Иакова о взятии Херсонеса после крещения Владимира он рассматривал как вторичное взятие этого города.

С изложением этой традиционной версии в юбилейном году выступили многие церковные историки и духовные лица.⁴²

Новый шаг в изучении вопроса о крещении Руси был сделан академиком А. А. Шахматовым. Огромная работа по исследованию русских летописей, предпринятая Шахматовым, привела его к выводу о том, что в XI в. было известно две повести о крещении Владимира, которые не дошли до нас в первоначальном виде.⁴³ Наиболее ранний рассказ был записан в *Древнейшем летописном своде* 1039 г. и говорил о крещении Владимира от греческого философа, прибывшего в Киев. Образцом для этой повести послужило болгарское сказание о крещении царя Бориса.⁴⁴ Второе сказание, так называемая вслед за Шахматовым, *Корсунская легенда*, было составлено в XI в. и сообщало о крещении Владимира в Херсонесе. Оно было написано греком-корсунянином и отражало роль корсунцев как просветителей Руси в христианской вере. В *Начальном своде* 1095 г. и происшедшей из него *ПВЛ* оба сказания были соединены в один рассказ.

Шахматов показал, что после проповеди греческого миссионера было бы логично ожидать немедленного крещения Владимира, слова Владимира "пожду еще мало" звучат неожиданно и необоснованно.

Сам Шахматов хотя и писал, что отказывается от всякой попытки решить вопрос о месте крещения Владимира, все же предпочтение отдавал более древней версии о его крещении на Руси в 987 г.

Такого же мнения придерживался и проф. С. П. Шестаков, опубликовавший в 1908 г. рецензию на труд Шахматова.⁴⁵

В 1911 г. проф. М. Д. Приселков высказал предположение, что после заключения договора с Византией произошло не только крещение князя вместе с семьей и боярами, но и всего народа.⁴⁶

Независимо от Приселкова, эту же гипотезу, но более уверенно и притом связав ее с хронологией, высказал В. Пархоменко.⁴⁷ Полемизируя с Голубинским, так как все же именно его версия о крещении вызывала самые горячие споры, Пархоменко считал, что крещение Владимира тайно от народа, а главное, от дружины — факт невероятный, ссылаясь при этом на характер взаимоотношений дружины и князя на Руси в ту эпоху, а также явную невозможность скрыть такое событие, каким явилась перемена вероисповедания князя. Исходя из показаний Яхьи, который сообщает, что мятеж Варды Фоки начался 14 сентября 987 г., Пархоменко датировал прибытие Византийского посольства в Киев декабрем-январем мартовского 987 г. Примерно два-три месяца шли переговоры, а крещение в такой обстановке, какой она изображена в летописи, возможно только летом или в конце весны, но это будет уже новый 988 г. Поэтому Пархоменко утверждал, что необходимо крещение Руси отнести к традиционному 988 г.

В несколько ином виде представлял крещение А. Бертье-Делагард.⁴⁸ Он считал, что Владимир крестился в Киеве после заключения договора с Византией, которое состоялось, по его мнению, в 986 г. В отличие от предыдущих исследователей, Бертье-Делагард предполагал, что Владимир не отправлял своего войска на помощь Василию II до свадьбы с принцессой Анной и, напрасно прождав ее в устье Днепра, в 988 г. взял Херсонес и только после свадьбы направил вспомогательный отряд императору. Сообщениям Льва Диакона о небесных знамениях, на основании которых исследователи датировали взятие Херсонеса, Бертье-Делагард не придавал серьезного значения, как не заслуживающим доверия свидетельствам человека, верящего в астрологию, сны и прочее.

Все исследователи, занимающиеся изучением Древней Руси, принимали одну из названных версий о крещении Владимира и русского народа. Но были ученые, которые не принимали участия в этой дискуссии,⁴⁹ а также и те, кто не признавал крещения Руси в том торжественном виде, каким оно представлено в летописи, указывая при этом, что христианство медленно и на протяжении многих веков проникало в Россию с юга и с запада.⁵⁰

После 1917 г. отечественная историография неоднократно обращалась к исследованию темы крещения Руси. Но, как правило, исследователи не рассматривали специально вопроса хронологии этого события,⁵¹ а некоторые авторы вообще отрицали необходимость массового крещения русского народа, настаивая на том, что для византийцев, из рук которых Русь приняла христианство при заключении политического договора, было достаточно крещения русского князя.⁵²

Глубокому изучению этой проблемы посвятил главу своей книги *Очерки по истории русско-византийских отношений*, изданной в 1956 г., М. В. Левченко.⁵³ Он указал на следующие моменты. Первое — все русские источники свидетельствуют о том, что Владимир при крещении получил христианское имя Василий, в честь византийского императора Василия II, также как и княгине Ольге при крещении было дано имя Елены в честь современной ей императрицы. Исходя из этого, он заключил, что крещение Владимира совершилось при участии византийского двора, а не как представлял себе Голубинский, то есть при посредничестве христиан-варягов. Второе — не один древнерусский источник не сообщает о христианизации Владимиром Руси до 989 г., а активная христианизация начинается только после возвращения из корсунского похода. Из этого Левченко сделал вывод, что завоевание Херсонеса предшествовало введению христианства на Руси. Взятие Херсонеса он, вслед за Васильевским и Розеном, датировал 989 г. А покинул Владимир стены этого византийского города только весной 990 г., так как он вряд ли мог предпринять путешествие зимой со своей молодой женой. Следовательно, крещение Руси Левченко отнес к 990 г.

Такой же хронологии придерживался и В. Т. Пашуто.⁵⁴

А. Г. Кузьмин, исследуя хронологию русского летописания, обратил внимание на то, что в перечне княжений, помещенном в летописи под 6360 г., расчет лет не совпадает с *ПВЛ*, что в свое время заметил еще И. И. Срезневский.⁵⁵ Кузьмин показал, что отдельные относительные датировки *Памяти и похвалы* монаха Иакова находят соответствие в летописных текстах, связанных с перечнем княжений, причем этот счет он нашел более точным. Так, если из даты кончины Владимира по перечню 6522 г. вычесть 28 лет, а такое количество лет жизни князя после крещения указано не только в *Памяти и похвале* монаха Иакова, но и в анонимном житии Бориса и Глеба, то получится 6494 г., то есть 986 г., под

которым в *ПВЛ* помещен рассказ о приходе миссионеров. Эту дату Кузьмин и принял за год крещения Владимира.

Зарубежная историография, разрабатывавшая тему крещения Руси, основывалась в основном на фундаментальных исследованиях этого вопроса, проведенных в России в конце XIX - начале XX в.

Так, мнение Голубинского о крещении Владимира продолжал отстаивать Баумгартен. В своих статьях, опубликованных в 30-х годах этого века, он пытался показать роль Скандинавии в христианизации Руси, и прежде всего роль норвежского конунга Трюггсана в обращении Владимира.⁵⁶ Подвергнув летописный рассказ критике, он, опираясь на сведения исландских саг и русских источников (*Память и похвала* монаха Иакова, *Житие Бориса и Глеба*), отстаивал мнение о крещении Владимира на Руси в 987 г. Баумгартен повсеместно подчеркивал западное латинское влияние на христианизацию Руси, показывая при этом заинтересованность византийского посольства прежде всего в политических выгодах, а не в просвещении Руси светом Христовым. Баумгартен поставил вопрос, разрешить который он, правда, не пытался: кем был крещен Владимир, епископом ли, прибывшим вместе с посольством из Константинополя, или же английским священником, находившимся при Олаве? Крещение народа Баумгартен относил к лету 990 г., то есть после завоевания Херсонеса.

Е. Перфецкий, исследуя хронику Яна Длугоша, пришел к выводу, что древнейший свод, лежащий в основе *Перемышльского свода*, который был в распоряжении польского историка, придерживался относительной хронологии и относил крещение Руси на третье лето по крещении Владимира. Перфецкий указал, что такая датировка имеет соответствие с датировкой *Памяти и похвалы* монаха Иакова, в которой сообщается, что Владимир взял Херсонес на третье лето после своего крещения. Исходя из этого Перфецкий принял за дату крещения Владимира 987 г., а крещения русского народа — 989 г., то есть после взятия Херсонеса.⁵⁷

В 1938 г., в честь юбилея 950-летия крещения Руси, в Белграде был выпущен сборник статей, в одной из которых рассматривалась хронология событий, связанных с крещением Владимира и Руси. Ее автор, Г.А. Острогорский, склонялся к мнению о крещении Владимира в 987 г., согласно данным монаха Иакова, но по мартовскому календарю, значит в 988 г. Отделять события крещения

Владимира и крещения Руси он считал нецелесообразным и второе из них датировал также 988 г., то есть до Корсунского похода.⁵⁸

Летописную версию о крещении Владимира в Херсонесе поддерживал Г. Вернадский, но датировал это событие 989 г., а крещение народа относил к 990 г.⁵⁹

Фр. Дворник, исследуя миссионерскую деятельность Византии в славянских землях, также разделял мнение о крещении Владимира в Херсонесе в 988 или 989 г.⁶⁰

В 1976 г. А. Поппэ выступил с новыми гипотезами относительно событий, связанных с крещением Руси.⁶¹ Исследование хронологических показаний, предпринятое Поппэ, привело его к выводу о большей достоверности дат, сообщаемых монахом Иаковом, по сравнению с хронологией *ПВЛ*. Он показал, что крещение князя Владимира по мартовскому календарю в 6495 г. (март 987-февраль 988) и взятие Херсонеса в 989 г. точно перекликаются с политическими событиями того времени. Поппэ считает, что договор с Византией был заключен не позднее сентября 987 г. (6495), крещение Владимира было совершено в Киеве на праздник Богоявления 6 января 988 г. (но того же 6495), а крещение киевлян последовало на Троицын день 27 мая 988 г.

В отношении причины похода Владимира на Херсонес Поппэ выдвинул новую версию, до некоторой степени противоположную излагавшимся ранее, заключающуюся в том, что этот поход не был направлен против Византии. Владимир предпринял его против мятежного города Херсонеса, отложившегося от императора и вставшего на сторону узурпатора Варды Фоки.

Современное состояние вопроса

Источниковедческие работы Шахматова убедительно показали позднейшее происхождение Корсунской легенды, которая затем была включена в летописный текст. Рассматривая более древние памятники русской письменности, рассказывающие о св. Владимире, можно констатировать, что они ничем не намекают на крещение русского князя в Херсонесе, а это, хотя и косвенно, но все же свидетельствует о его крещении на Руси.

Древнейшее из дошедших произведений древнерусской литературы, *Слово о законе и благодати* митрополита Илариона, было

написано в середине XI в. Иларион, бывший священник церкви загородной резиденции Ярослава Мудрого, был поставлен в митрополиты в 1051 г.⁶² Если даже Иларион не был современником крещения Руси, то это событие должно было быть свежо в памяти его родителей, причем не исключено, что, будучи мальчиком, он и сам стоял в Днепре по колена в воде, когда Владимир крестил киевлян. Характеристика, данная в летописи Илариону, — “муж благ, книжник и постник”,⁶³ — как и само составленное им *Слово*, говорит о высокой его образованности и начитанности, что исключает возможность незнания им того факта, каким явилось бы крещение Владимира в Херсонесе.

Первое произведение по русской истории, *Сказание о начале распространения христианства на Руси*, которое было выделено из состава *ПВЛ* Лихачевым, также ничего не сообщает о крещении Владимира в Херсонесе. Оно состоит из шести рассказов: о крещении и кончине св. княгини Ольги, о первых русских мучениках варягах-христианах, о крещении Руси (включая *Речь философа и Похвалу Владимиру*), о князьях Борисе и Глебе и обширной похвалы Ярославу Мудрому под 1037 г.⁶⁴

Исландские саги, на что указывал Голубинский, говорят о крещении Владимира на Руси, Корсунская версия была им неизвестна. Достоверность исландских саг не раз подвергалась сомнению, но работы Баумгартена во многом реабилитировали их от критических замечаний определенной части историков.⁶⁵

Названные произведения, говоря о крещении Владимира, не определяют даты этого события. Монах Иаков дает относительную хронологию крещения Владимира — за два года до взятия Херсонеса и двадцать восемь лет до кончины. Но в *Памяти и похвале* приводятся и абсолютные даты: это вокняжение Владимира — 11 июля 6486 г. и кончина Владимира — 15 июля 6523 г. Если из даты смерти Владимира 6523 вычесть 28, то получится 6495 (987 г.). Сообщение о том, что Владимир после крещения жил 28 лет, имеется также в *Сказании о Борисе и Глебе*, а крещение его датируется 6495 (987 г.) в *Чтении о Борисе и Глебе*.

Кроме этого, в *Памяти и похвале* приводится молитва Владимира перед взятием Херсонеса: “Господи Боже, Владыко всех! Сего у Тебе прошю, даси нам град, да прииму и да приведу люди христианы и попы на свою землю, и да научат люди закону крестьянскому”. Исследователи уже обращали внимание на то, что такая молитва не могла быть вложена в уста язычника.

Взятие Херсонеса Владимиром монах Иаков относит к 989 г., что соответствует показанию Льва Диакона об этом событии, которому предшествовало небесное знамение — появление копьевидной звезды. Это знамение точно датировано у Асохика и Яхьи Антиохийского — 989 г.

Но при сопоставлении хронологии древнерусских памятников с современным летосчислением необходимо учитывать, что на Руси существовали разные календарные системы.

Летосчисление на Руси, принятое вместе с христианством, велось по константинопольской эре, от Сотворения мира,⁶⁶ которое определяется от Рождества Христова расстоянием в 5508 лет.⁶⁷ Новый год на Руси до конца XVIII в. начинался или 1 марта, что связано с языческими представлениями славян, или 1 сентября, как было принято в Византии, при этом до XIV в. преобладал мартовский календарь. Сентябрьский год начинался на полгода раньше мартовского.⁶⁸

Крещение Владимира в 6495 г. (987) по мартовскому стилю, причем на Руси, точно согласуется с событиями того времени, как это было показано в работах Поппэ.⁶⁹ Варда Фока, назначенный domestikом Схол Востока в апреле 987 г., не сдержал священной клятвы в верности императору и стал тайно налаживать контакты с Вардой Склиром. Василий II, получив весть об измене, в мае-июне должен был отправить посольство в Киев. Путь из Константинополя в Киев занимал около пятидесяти дней. Прибытие послов к Владимиру состоялось не ранее и не позднее летних месяцев 987 г. В интересах Василия II было действовать как можно скорее, поэтому можно предположить, что договор был заключен в августе-сентябре 987 г. Дата крещения Владимира, сообщенная монахом Иаковым, 987 г. по мартовскому календарю, то есть март 987-февраль 988 г. Крещение Владимира с большой вероятностью могло состояться на праздник Богоявления, что согласуется с существовавшей традицией крещения государей, 987 мартовского года или 988 сентябрьского.

О том, что крещение народа не отделено от крещения Владимира интервалом в несколько лет, можно судить на основании показаний Яхьи, во всяком случае он свидетельствует, что крещение русских предшествовало женитьбе на принцессе Анне. Вызывает сомнение и возможность длительного расхождения в вероисповедании князя и его народа.

Что же касается данных Длугоша, то видимо в своде, лежащем в основе *Перемышльского свода* и который был гипотетически реконструирован Перфецким, уже была допущена хронологическая путаница, так как в его состав была включена Корсунская легенда и составителю необходимо было согласовать ее с более древней относительной хронологией, которую использовал и монах Иаков. Также маловероятно, что Владимир, захватив в 989 г. Херсонес, в том же году вернулся в Киев и летом успел окрестить народ, так как крещение киевлян в таком виде, как оно описано в летописи, могло быть совершено только летом.

Исходя из этого, с большой степенью уверенности можно предполагать, что крещение Владимира и Руси приходится на 988 г., что освящено и церковной традицией. На точную хронологию этих событий может пролить свет только открытие новых источников, а это уже находится в воле Божией, так как Он есть истинный свет, просвещающий мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малышевский И.И. Речь, сказанная в торжественном собрании Киевской Духовной Академии 14 июля 1888 г. по случаю исполнившегося 900-летия со времени Крещения Руси. *Труды Киевской Духовной Академии*, №6, 1888, с. 761.
2. В *ПВЛ* рассказ об обращении и крещении Владимира и крещении Руси, то есть о трех годах 986-988, занимает шестую часть летописи, которая охватывает период от 852 до 1110 г., не считая вступления, не имеющего погодных записей. А подтверждением второго тезиса является хотя бы приводимая ниже библиография, касающаяся только одного аспекта крещения — определения его времени и места крещения Владимира.
3. Полное собрание русских летописей (*ПСРЛ*). Л. 1926 — М. 1962, т. 1, стб. III.
4. *ПСРЛ* ст. 75-84.
5. О христианстве на Руси до св. Владимира см., например: Макарий, архиеп. Харьковский. *История христианства в России до св. Владимира*. СПб, 1868; Голубинский Е.Е. *История Русской Церкви*, том 1, первая половина тома. М. 1901, с. 1-104; Пархоменко В. *Начало христианства на Руси*. Полтава, 1913.

6. Слово *О законе и благодати* митрополита Илариона. Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава. Изданы Горским А.В. М., 1844, с. 39.
7. Паракимомен — высокий придворный чин, начальник китонитов. Китониты охраняли императорские покои (китон).
8. Литаврин Г.Г. Внутренняя и внешняя политика Византии во второй половине X-первой четверти XI вв. Русь и Византия в IX-X вв. В книге: *История Византии*, т. 2, М., 1967, с. 217-219, 235-236.
9. *ПСРЛ*, т. 1, стб. 151.
10. Шахматов А.А. Один из источников летописного сказания о крещении Владимира. Харьков 1904. Отдельные оттиски из сборника статей по славяноведению, посвященных проф. М.С. Дринову, с. 63.
11. Как правило, в летописях и других произведениях древнерусской литературы выступает "коллективный автор", который мог принадлежать сразу нескольким столетиям и национальностям. См. Лихачев Д.С. *Великое наследие*. М., 1975, с. 44.
12. Предполагается, что составителем этого свода был игумен Киево-Печерского монастыря, преп. Никон Великий, и что именно он ввел в летопись погодные записи. Лихачев Д.С. *Ук. соч.*, с. 75-81.
13. Шахматов А.А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб, 1908, с. 527-532.
14. Лихачев Д.С. *Ук. соч.*, с. 61-64. Нужно отметить, что "Сказание" не сохранилось в виде отдельного произведения, поэтому окончательно быть уверенным в его существовании невозможно. См. Водовозов Н.В. *История древнерусской литературы*. М., 1972, с. 25.
15. *ПСРЛ*, т. 1, стб. 84-121.
16. Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава, изданные Горским А.В., М., 1844.
17. Чтение о житии и о погублении и о чюдесах святуу и блаженую страсто-терпцю Бориса и Глеба. *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских*, кн. 1, ч. 3, М., 1859, с. 21-67.
18. Память и похвала Владимиру. *Христианские чтения*, 1849, т. 2, с. 316-328. Новое издание текста по списку 70-х годов XV в. опубликовано Зиминным А.А.: *Краткие сообщения института славяноведения*, №37, 1963.
19. Сказание и страсть и похвала святуу мученику Бориса и Глеба. *Успенский сборник XII-XIII вв.* М., 1971, с. 43, стб. 8 в.
20. Михаил Пселл. *Хронография*. М., 1978, с. 10.
21. Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ab Immanuele Bekkero suppletus et emendatus. Bonnae, 1839, t. II, p. 444.

22. *История Льва Дякона Каллойдского*. Переведена Поповым. СПб, 1820, с. 108.
23. Розен Р.В. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. *Записки Императорской Академии Наук*, т. 44, приложение №1, СПб, 1883, с. 23-24.
24. Всеобщая история Стефана Таронского, Асохика по прозванию, переведена Н. Эминым. М., 1864, с. 200.
25. Фортинский Ф.Я. Крещение князя Владимира и Руси по западным известиям. *Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца*, кн. 2, отдел. II, Киев, 1888, с. 93-128.
26. Фортинский Ф.Я. *Титмар Мерзебургский и его хроника*, СПб, 1872, с. 197.
27. *Joannis Dlugosii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae*. Varsaviae, 1964, с. 203-204, 206-208.
28. Perfeckij E. *Historia Polonica Jana Dlugosze a ruske letopisectvi*. Praha, 1932.
29. См. например, Татищев В.Н. *История Российская*, т. 1, М.-Л., 1962, с. 106; Карамзин Н.М. *История Государства Российского*, т. 1, СПб, 1818, с. 208-218; Соловьев С.М. *История России с древнейших времен*, т. 1, М. 1959, с. 179-185.
30. Макарий, архиепископ Харьковский. *История Русской Церкви*. СПб, 1868, с. 4.
31. Васильевский В.Г. Русско-византийские отрывки. К истории 976-986 гг. *Журнал Министерства Народного Просвещения*, ч. 184, №3, 1876, с. 117-162. Васильевский В.Г. *Труды*, т. 2. Из истории 976-986 гг. СПб, 1909, с. 56-124.
32. Попов А.Н. *Историко-литературный обзор древнерусских сочинений против латынян*. М., 1875, с. 178-188.
33. Успенский Ф.И. Рецензия на книгу "Император Василий Болгаробойца". Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. Издал, перевел и объяснил барон Р.В. Розен. СПб, 1883, *ЖМНП* №4, 1884, с. 282-315.
34. Голубинский Е.Е. *История Русской Церкви*, т. 1, первая половина тома, М. 1901, с. 105-170.
35. Извлечения из саги Олава, сына Триггиева, короля норвежского. Перевод и примечания протоиерея Стефана Сабина. *Русский исторический сборник Общества Истории и Древностей Российских*, т. 4, кн. 1, 1840, с. 8-116. Новый перевод отрывков из скандинавских саг, повествующих о Владимире Святом, см. Рылзевская Е.А. — Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв., в кн. *Древние государства на территории СССР*. М., 1978, с. 29-40.
36. Розен Р.В. *Ук. соч.*, с. 214-219.
37. Линниченко И.А. Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси. *Труды КДА*, №12, 1886, с. 587-606.
38. Нужно отметить большую работу, проведенную Киевской Духовной Академией по случаю юбилея 900-летия Крещения Руси. Об этом см. Н.П. — Обзорение, сделанное Киевской Академией по изучению эпохи св. Владимира. *Труды КДА*, №6, 1888, с. 365-376.
39. Завитневич В.З. О месте и времени крещения святого Владимира и о годе крещения киевлян. *Труды КДА*, №1, 1888, с. 126-152. Владимир Святой как политический деятель. *Труды КДА*, №8, 1888, с. 636-689.
40. Соболевский А.И. В каком году крестился св. Владимир? *ЖМНП*, №5, 1888, с. 396-403.
41. Матченко И.П. *Святой равноапостольный кн. Владимир просветитель Руси*. СПб, 1889, с. 160-297.
42. См. например: Малышевский И.И. *Житие св. князя Владимира*. СПб, 1888; Занков П.М. *О крещении Руси*. СПб, 1888; Преображенский В. *Св. равноапостольный кн. Владимир и крещение русского народа*. СПб, 1887; П.Л. Когда и где свершилось крещение киевлян при св. Владимире. *Киевская старина*, №9, 1887, с. 176-185; Кирпичников А.И. Очерк истории Херсонеса и его участие в крещении Руси. *Исторический вестник*, т. 33, №7-9, СПб, 1888, с. 610-612; Игнатий, архимандрит. *Святой славный равноапостольный князь Владимир*. 1888.
43. Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира. Отгиск из *Сборника статей в честь В.И. Ламанского*. СПб, 1906. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб, 1908, с. 133-161.
44. Шахматов А.А. *Один из источников летописного сказания о крещении Владимира*. Отдельные отгиски из сборника статей по славяноведению, посвященных проф. Н.С. Дринову. Харьков, 1904.
45. Шестаков С.П. К вопросу о месте крещения св. Владимира. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете*, т. 23, вып. 5, Казань, 1908.
46. Приселков М. Л. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. *Записки историко-филологического ф-та Императорского Санкт-Петербургского Университета*, СПб, 1913, с. 24-33.

47. Пархоменко В. *Начало христианства на Руси*. Полтава, 1913.
48. Бертье-Делагард А. Как Владимир осаждал Корсунь. *Известия Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук*, 1909, т. XIV, кн. 1, с. 241-307.
49. Платонов С. Ф. *Лекции по русской истории*. СПб, 1910, с. 78-79.
50. Кирион епископ. *Культурная роль Иверии в истории Руси*. Тифлис, 1910, с. 290-294.
51. См. например: Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси. *Историк-марксист*, кн. 2, 1937, с. 40-47.; Греков Б. Д. *Киевская Русь*. М., 1949, с. 476; Рыбаков Б. А. *Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв.* М., 1982, с. 397.
52. Будовниц И. У. К вопросу о крещении Руси. *Вопросы истории религии и атеизма*. Сб. III, М., 1955, с. 412. Это мнение вслед за Будовницем разделяет также Кузьмин А. Г. Кузьмин А. Г. *Русские летописи как источник по истории Древней Руси*. Рязань, 1969, с. 124.
53. Левченко М. В. *Очерки по истории русско-византийских отношений*. М., 1956, с. 340-385.
54. Пашуто В. Т. *Внешняя политика Древней Руси*. М., 1968, с. 74.
55. Кузьмин А. Г. Хронология Начальной летописи. *Вестник Московского университета. История*. М., 1968, №6, с. 49-50; Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 272-274.
56. Baumgarten Nicolas de. *Olaf Tryggwason, roi de Norvège et ses relations avec saint Vladimir*. Roma, 1931. *Saint Vladimir et la conversion de la Russie*. Roma, 1936. *Chronologie ecclésiastique des Terres Russes du X au XII s.* "Orientalia Christiana", № 58, 1930.
57. Perfeckij E. *Historia Polonica Jana Dlugosze a ruske letopisectvi*. Praha, 1932.
58. Острогорский Г. А. *Владимир Святой и Византия. Владимирский сборник*. Белград, 1938, с. 31-40.
59. Vernadsky G. *Essai sur les origines russes*. Paris, 1959, t. II, pp. 269-273.
60. Dvornik Fr. *Byzantine missions among the Slavs*. New-Jersey, pp. 269-273.
61. Poppe A. The political backround to the baptisme of Rus. *Byzantine-russian relations between 986-989. Dumbarton Oaks Papers XXX*, 1976, pp. 197-244. Rus i Bizancjum w latach 986-989. *Kwartalnik Historyczny*. Warszawa, 1978,

№1, s. 3-22. Поппэ А. В. О причине похода Владимира Святославича на Корсунь в 988-989 гг. *Вестник Московского Университета. Серия – История*. №2, 1978, с. 45-58.

62. *ПСРЛ*, т. 1, стб. 155.
63. *ПСРЛ*, т. 1, стб. 156.
64. Лихачев Д. С. *Ук. соч.*, с. 61-62.
65. Baumgarten N. de. *Olaf Tryggwison, roi de Norvège et ses relations avec saint Vladimir*. Roma, 1936.
66. Кузьмин А. Г., исследуя хронологию древнерусских летописей, пришел к выводу о применении в этих памятниках летосчисления и по александрийской эре, которая от сотворения мира до Рождества Христова насчитывала 5500 лет. Кузьмин А. Г. *Начальные этапы древнерусского летописания*. М., 1977, с. 223.
67. Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. *Хронология*. М. 1981, с. 87.
68. На Руси, кроме мартовского, как показал Н. В. Степанов, использовался другой стиль, также начинавшийся с 1 марта, который был назван ученым ультрамартовским. Степанов Н. В. Таблица для решения летописных задач на время. *Известия Отделения Русского Языка и Словесности Императорской Академии Наук*. 1908, т. 13, кн. 2.
69. Poppe A. Rus i Bizancjum w latach 986-989. *Kwartalnik Historyczny*, 1978, №1, s. 7-10, 18-21.

ПАТРИАРХ ФИЛОФЕЙ И РУСЬ *
(1364-1376)

О тех переменчивых обстоятельствах, при которых Византийская империя просуществовала после прихода генуэзцев в 1352 г. в течение еще целого столетия, вплоть до окончательного распада в 1453 г., писалось часто, хотя конкретные подробности, позиции, занимаемые различными участниками этих событий, и сложные маневры вовлеченных в них государств подчас выпадали из поля зрения исследователей. Как бы то ни было, не вызывает сомнений тот факт, что дипломатическая и церковно-административная деятельность Византии на Руси развивалась под влиянием и в зависимости от того, какие перемены происходили в ее столице, Константинополе. Как мы видели выше, эта связь отчетливо подтверждена императором Иоанном VI Кантакузином в документах, касающихся Руси и увидевших свет в 1347 г.: правительству Анны Савойской и патриарху Иоанну Калекасу (1341-46) адресован упрек в попустительстве разделению русской митрополии. Подобным же образом, посвящение Романа в сан митрополита в 1354-55 гг. может быть объяснено лишь в свете событий, связанных с отречением Иоанна Кантакузина от престола и отстранением патриарха Филофея (ноябрь 1354). Запутанные события истории византийско-русских связей второй половины XIV века следует постоянно рассматривать в этом контексте.

Поощряемые внутренними раздорами в Византии и соперничеством западных держав друг с другом, турки деятельно расширяли свой контроль над византийскими территориями в Малой Азии. В марте 1354 г. был взят Галлиполи, расположенный на европейском берегу Дарданелл, что положило начало оттоманским владениям в Европе. Мощная Сербская империя Стефана Душана могла бы противостоять продвижению турок, но Душан умер в

*) Глава из книги "Byzantium and the Rise of Russia", Cambridge, 1981.

1355 г., а его слабые и разобщенные наследники не сумели удержать от раздела разнородные части Сербской империи. Турки продолжили аннексию греческих, сербских и болгарских территорий, захватив Дидимотих (1361) и Адрианополь (1362), где султан Мурад I (1362-89) основал свою резиденцию.

Оказавшись практически в окружении, Византия пользовалась, тем не менее, поддержкой генуэзцев и венецианцев, заинтересованных в защите Константинополя, который интересовал их, разумеется, не сам по себе, а как выгодная и удобная фактория, жизненно необходимая для торговли на Черном море. В этой обстановке правители империи были вынуждены прибегать к всевозможным ухищрениям, которые в конечном счете еще более ослабляли ее, — использовать в своих интересах жестокую конкуренцию между Венецией и Генуей, либо платить дань султану, становясь таким образом *de facto* вассалами турок, или же стараться заручиться военной помощью Запада, который, впрочем, всегда был связан официальным признанием примата папы римского. Лишь Константинопольской патриархии удавалось поддерживать и даже укреплять свой престиж и административный авторитет на огромных пространствах Среднего Востока и Восточной Европы, несмотря на ту напряженность, которую создавали события внутренней жизни в столице, оказывавшие влияние на избрание патриархов и проводимую ими политику.

Император Иоанн V Палеолог (1341-91) был человеком безвольным и слабохарактерным. Придя к власти при активной поддержке генуэзцев в 1354 г., он стал в итоге их марионеткой и равно не преуспел ни в совершенствовании, ни в последовательном проведении своей политики. Одной из особенностей его долгого правления было, как показали недавние исторические разыскания, то, что в роли государственного советника при нем выступал добровольно отрекшийся от престола и принявший в 1354 г. монашество под именем Иоасафа Иоанн Кантакузин. На протяжении второй половины XIV века империей правили так или иначе члены семейств Палеологов и Кантакузинов, которые не только распределяли между собой власть в самом Константинополе, но делили ее и в пределах других византийских городов и территорий. Так, при формальном императоре Иоанне V политику в действительности определял его тесть Иоанн-Иоасаф Кантакузин, который даже не скрывал этого. И если Иоанн V руководствовался в своих государ-

ственных решениях требованиями текущего момента, то Кантакузин выступал в роли хранителя имперской идеологии и религиозного ригоризма. Серьезных разногласий между ними, впрочем, не возникало, поскольку Иоанн V никогда открыто не поднимал голос против традиционных византийских идеологических устоев, а Кантакузин снисходительно смотрел на конкретные действия своего зятя, не упуская случая указать на их неэффективность. Даже официальное обращение Иоанна V в римско-католическую веру в 1369 г. не было принято слишком всерьез старым императором-монахом, которого не было в Константинополе, пока Иоанн V ездил в Рим. Позднее Кантакузин даже помог Иоанну V в борьбе против Андроника IV, захватившего в 1376 г. власть при поддержке генуэзцев. У Иоанна V не было ни возможностей, ни, вероятно, охоты навязывать Церкви объединение с Римом, а его собственное обращение в иную веру не вызвало в Константинополе ни возмущения, ни анафем, лишь равнодушие, — какой контраст событиям эпохи Михаила VIII! Можно предположить, что личный авторитет Кантакузина, бывшего в дружеских отношениях как с Иоанном V, так и с неколебимо приверженным православию патриархом Филофеем, способствовал тому, что этот эпизод предали забвению.

Личные отношения между Иоанном V и Филофеем не совсем ясны и определялись хрупким равновесием. Патриарх не выступал против переговоров об объединении церквей, а следовательно и против попыток заручиться помощью Запада, при условии, что объединение будет достигнуто на официальном церковном Соборе, где обе стороны смогут свободно обсудить вопрос. Со своей стороны, и Иоанн V никогда публично не оспаривал богословских позиций византийской Церкви. Он оставался лояльным к решениям паламитских Соборов 1341, 1347 и 1351, не пренебрегая, впрочем, дипломатическими услугами Димитрия Кидона, который, начиная с 1348 г., стал убежденным антипаламитом, сторонником томизма и римско-католической Церкви. В целом православная позиция Иоанна V, сколь бы этому ни противоречило его обращение в 1369 г., засвидетельствована Григорием Акиндином, самим Григорием Паламой и патриархом Филофеем.¹

В личных взаимоотношениях Иоанна V и Кантакузина можно также найти объяснение тому, что дела патриархии и, в частности, дела русской Церкви во время вторичного патриаршества Филофея (1364-76) целиком оставались под его контролем. Сам Филофей

в трудах, написанных в этот период, подчеркивает роль старого императора-монаха в общественно-политической жизни Византии:

“Помимо истинного и изначального величия, кое исходит от Бога, [бывший император Иоанн-Иоасаф Кантакузин] в избытке располагает тем человеческим величием, кое исходит снизу: те, кто были его противниками в прошлом, ныне благосклонны к нему, а те, что некогда несправедливо ненавидели его, ныне по справедливости воздают ему любовью, освободившись от своей ненависти и заблуждений, жертвой коих он был, таким образом истина восторжествовала сама собою. В прошлом подвластные ему услужливо склонялись перед ним в поклоне, как перед своим господином, хотя не все делали это искренне по причинам, упомянутым выше, теперь же почти всякий приветствует его искренне, движимый доброй волей и приязнью, и прежде других — императоры и императрицы,² вся семья, облаченная в золото, любящая его, как дети любят отца своего... Это относится и к тому, кто ныне является правящим императором Иоанном V... Он видит [в бывшем императоре Кантакузине] опору своего правления, божественного советника, душу своей политики и самого своего существования, защитника и учредителя своего собственного господства и господства своих детей, руководителя, отца и хранителя”.

Далее, говоря об Иоанне V, Филофей утверждает, что, помимо того, происходя от добродетельной матери, император “признал Церковь Христову своей матерью и, следуя отцам Церкви с благочестием и усердием, склоняясь пред ними разумом и душою, он открыто исповедует святую веру...”

Даже с учетом по видимости риторических преувеличений, такого рода утверждения со стороны правящего патриарха не могут не отражать реального положения вещей, по крайней мере в плане официального отношения Иоанна V к патриархии, к тому времени постоянно управлявшейся патриархами-исихастами, равно как и в плане оценки Кантакузина, близкого друга Филофея. Мы вправе, разумеется, предположить, что эти славословия Иоанну имели место до его поездки на Запад и его обращения (1369), однако надо также признать, что Филофей был свободен в своих действиях в сфере церковного управления как до этой поездки, когда он в 1368 г., к примеру, предал анафеме Прохора Кидона и канонизировал Григория Паламу,³ так и после возвращения императора из Италии. Так или иначе, Филофей не сделал официального заявления в связи с отречением его повелителя от православия.

Между тем, в некоторых монашеских кругах отношение к личности Иоанна V было в высшей степени критическим. В "Похвальном слове св. Евфимию Тырновскому" Григорий Цамблак, излагая события 1364-65 гг. — время посещения Евфимием Константинополя, — говорит об Иоанне как о человеке, в котором "златолюбие пуше христолюбия": император и идолопоклонник, и душевнобольной, и нецеломудрен, однако в конце концов под воздействием чудесного случая он раскаивается и испрашивает прощения.⁴

Эти и многие другие аспекты жизни византийского двора в последние годы империи создают впечатление оторванности его от окружающей реальности. За исключением узкого круга приспешников и свиты, большинство византийцев игнорировали Иоанна Палеолога и его начинания, в то время как патриархия, с ее влиянием, распространявшимся далеко за пределами империи, все еще оставалась мощным и в значительной степени самостоятельным организмом, продолжавшим проводить собственную политику, в частности, на Балканах и на Руси.

1. ПАТРИАРХ ФИЛОФЕЙ

Русские источники не только XIV столетия, но также и позднейших эпох отводят патриарху Филофею необычайную, почти легендарную роль в судьбах Московского государства. Тщательное изучение личности патриарха Филофея — церковного деятеля, богослова и писателя — могло бы способствовать пониманию событий, характеризующих историю Восточной Европы в годы его жизни. Исследование такого рода может быть основано как на греческих, так и на славянских источниках, многие из которых остаются неопубликованными.

Прозвище Kokkinos ("Рыжий"), которое носил Филофей, относится Никифором Григорой к "его огнеподобному и дикому облику". В действительности же можно предположить, что это была его фамилия. Родился он в Фессалониках около 1300 г. в семье еврейского происхождения, — факт, который смаковался в явно недоброжелательном смысле его идеологическими противниками Димитрием и Прохором Кидонами, а также Никифором Григорой.⁵ В те годы, когда он был монахом и одно время настоятелем Большой Лавры на Афоне, Филофей поддерживал Григория Паламу в его богословском ратоборстве в период гражданской войны

(1341-47). После победы Кантакузина он был избран митрополитом Гераклейским во Фракии.

События политической и религиозной жизни периода 1351-54 гг.; похоже, оставили существенный след в душе Филофея. В 1351 г. генуэзцы, во главе которых стоял Паганино Дориа, подвергли разграблению его епархию в Гераклее. Митрополит, которого во время этого нападения не было в городе, потом потратил немало сил и энергии, помогая своей пастве, и сохранил твердую личную неприязнь к генуэзцам на всю остальную жизнь. В качестве митрополита Гераклейского, Филофей 10 июня 1350 г. возглавлял поставление Каллиста в патриархи, хотя расхождения во взглядах на внутреннюю и внешнюю политику вскоре сделали их противниками. Конфликт, обозначившийся между двумя бывшими афонскими монахами и видными исихастами, имел некоторые неблагоприятные последствия на Руси. Отказавшись короновать Матвея Кантакузина в качестве императора, Каллист вынужденно покинул патриарший престол в августе 1353 г. и нашел убежище сначала у генуэзцев в Галате, а позднее в Тенедосе, где Иоанн V жил в уединении под крылом тех же генуэзцев. В 1353 г. Филофей был избран патриархом и короновал Матвея. Однако ровно через год он должен был последовать за Кантакузином в отставку и смириться с возвращением Каллиста на патриаршество, несмотря на то, что Синод выразил свою поддержку Филофею, не отступив от прежнего решения о смещении Каллиста. Сам собой напрашивается вывод, что при этих обстоятельствах положение последнего во время его второго патриаршества не было спокойным, особенно если учесть, что изгнанный Филофей не признавал его избрание законным.

Между Каллистом и Филофеем не было богословских расхождений какого бы то ни было рода,⁶ но не исключено, что разногласия, коренящиеся в личных качествах и характерах и восходящие к их афонскому прошлому, имели место: Каллист был учеником св. Григория Синаита в Магульском ските и писал его житие, равно как и "Житие Феодосия Тырновского", болгарского последователя Синаита, в то время как Филофей (и сам Палама) были более связаны с Большой Лаврой. Нет свидетельств о каких-либо личных контактах между Григорием Синаитом и Григорием Паламой на Афоне, а агиографические сочинения Филофея и Каллиста различаются как по стилю, так и по направленности. Дальнейшее изучение этих текстов может по-новому осветить причины и корни антагонизма, существовавшего между двумя патриархами. Что

касается политической ориентации, то ясно, что Каллист был не только более строгим легитимистом, нежели Филофей, и сопротивлялся удалению Иоанна V в 1352 г., но что он способствовал развитию связей с балканскими славянами и Литвой, в отличие от Филофея, симпатии которого были на стороне Москвы.

Вновь став патриархом в 1363 г., после того, как Каллист скончался во время своего дипломатического визита в Сербию, Филофей продолжал оказывать очень заметное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Византии. Тесно связанный с Кантакузином, высоко ценившим не только его личную преданность, но и всестороннюю образованность,⁷ которая отличала его от других патриархов-исихастов этого времени — Исидора и Каллиста — и которую он сочетал с неоспоримым богословским мастерством, Филофей окончательно оформил паламизм, осудив томистский вариант антипаламизма в лице Прохора Кидона, опубликовав несколько трактатов в защиту учения Паламы, канонизировав Григория Паламу в 1368 г. и составив в его честь службу, с намерением включить ее в богослужебные книги в качестве литургии, совершаемой во второе воскресение Великого Поста. Филофей был также автором большого числа других литургических текстов, многие из которых позднее увидели свет в славянских переводах, он же систематизировал литургические службы в том порядке, который вскоре стал принят в славянских землях. Роль Филофея в организации православного крестового похода против турок, в создании оппозиции западническим проектам Иоанна V в 1369–70 гг. была, на мой взгляд, преувеличена О. Халецким.⁸ Документами подтверждается лишь существование текущей переписки между Филофеем и патриархами Антиохийским и Александрийским, а также официальное принятие Филофеем в юрисдикцию вселенской патриархии нескольких епархий в северной Греции, присоединенных во время правления Стефана Душана к патриархии Печа.⁹ Эта акция оказалась возможной благодаря усилиям местного сербского вождя Ивана Угleshа, который предложил союз Византии. В военном отношении инициатива союза принадлежала именно ему, а не патриарху, и вскоре все это закончилось сокрушительным разгромом сербов султаном Мурадом I в битве на реке Марице (сентябрь 1371 г.). Нет никаких свидетельств тому, что патриарх Филофей лично сыграл какую-либо роль в выработке практических альтернатив западническим проектам Иоанна V,

включавшим переход императора в римско-католическую веру. Вместе со своим другом Кантакузином он скорее предпочитал не замечать и даже камуфлировать эти намерения, во всяком случае нам ничего неизвестно о протестах патриарха по этому поводу либо о его конфликтах с правящим императором.

Разумеется, Филофей твердо держался православного единства, но высокое положение, занимаемое им, неизбежно принуждало его к действительному участию в переговорах с Римом об объединении церкви. Так, в 1367 г. он вместе с Иоанном Кантакузином усиленно пытался обеспечить возможно более широкое церковное представительство на Вселенском Соборе, который предполагалось созвать в 1369 г., и писал к главам различных церквей, добиваясь их участия в Соборе. Поскольку одним из препятствий к созданию единого православного фронта был раскол, разделивший, начиная с 1346 г., патриархии Константинополя и Печа, Филофей в 1376 г. призвал последнюю и тем самым восстановил единство.

Аналогичная заинтересованность в сохранении православного единства будет преобладать и в очень активной и изобретательной политике Филофея на Руси. Вряд ли приходится сомневаться в том, что он разделял в их основе принципы, выраженные в актах Кантакузина, восстановивших митрополию в Киеве в 1347 г. После своего возвращения к патриаршеству после смерти Каллиста (1363) Филофей энергично утверждал те же самые принципы. Однако, поскольку политическая ситуация на Руси изменялась быстро, Филофей провел необходимую дипломатическую реорганизацию, показав, что даже поддержка Москвы, которая составляла основу внешней политики Кантакузина, не являлась сама по себе целью, но, скорее, служила инструментом для сохранения целостности митрополии под контролем Византии и что московские интересы следовало сдерживать, в случае если они вступают в противоречие с высшими интересами византийского государства. Именно эта дипломатическая деятельность Филофея во время его второго патриаршества и стала подлинной легендой на Руси, неоднократно всплывая впоследствии в целом ряде исторических, политических и агиографических документов.

2. ДИНАСТИЧЕСКИЕ РАЗДОРЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И УСИЛЕНИЕ МОСКВЫ

В течение двадцати четырех лет, следовавших за смертью хана Чанибека, погибшего от руки собственного сына и непосредственного преемника Бердибека (1357 г.), кипчакское ханство переживало полосу кровавых внутренних распрей между членами правящей династии. Раздоры продолжались вплоть до 1381 г., когда власть захватил хан Тохтамыш. Во всех этих событиях как в капле воды отразились те драматические процессы, которые происходили на обширной территории некогда могущественной Монгольской империи Чингисхана, такие, как конец монгольского ига в Китае, установление правления династии Мин (1368 г.) и возвышение Тимура, или Тамерлана, который создал новую монгольскую империю и позднее нанес поражение утвердившемуся было в Сарая Тохтамышу.

Династические раздоры в Орде, в результате которых за двадцать четыре года сменились один за другим двадцать пять ханов, подточили татарский контроль над Русью. Благодаря беспорядкам в Орде, о чем часто упоминается в летописях, русским князьям все с большим успехом удавалось отстаивать свои права. Литва и Москва вступили в ожесточеннейшую борьбу за господство на Руси. Однако после 1362 года власть в Орде попала в руки темника Мамаю. Не являясь членом правящей династии, формально он не мог стать ханом, но сумел приобрести такую силу, что смена властителей не могла производиться без его участия. Он лично контролировал положение дел на пространствах, лежащих к западу от Волги, как это делал Ногай в конце XIII в., и от его прихотей существенно зависело все, что происходило на Руси. Направляемая Мамаем монгольская доктрина по-прежнему следовала отработанному принципу: поощрять не прекращающееся соперничество между русскими князьями, сохраняя тем самым равновесие между ними, и не допускать ни одного из них до достижения абсолютного преимущества. Но монгольское влияние на Руси уже ослабевало, Литва и Москва постепенно обрели такую силу, что монголы начали терять контроль над событиями.

Приблизительно до 1362 г. поддерживая продолжавшуюся с 1352 г. литовскую экспансию, Орда позволила великому князю литовскому Ольгерду подчинить не только Киевское, но даже и Новгородское княжество. Родственнику Ольгерда, великому

князю суздальско-нижегородскому Дмитрию, было отдано великое княжество Владимирское. В тот же период кандидату в митрополиты Роману, которого поддерживал Ольгерд, были предоставлены полномочия не только взять в свои руки церковную власть во владениях Ольгерда, но и оспаривать права Алексия в качестве митрополита "всая Руси". Впрочем, около 1362 г., после смерти Романа, Ольгерд столкнулся с враждебностью со стороны монголов. Князь московский Дмитрий получил великокняжеский ярлык, а Новгород снова попал в сферу московского влияния.

Все возрастающая мощь Москвы и жестокое соперничество между Ольгердом и Дмитрием за контроль над Тверью привели к новому сдвигу татарских симпатий. Правда, Москва была теперь уже готова к схватке не только с Литвой, но и с самой Ордой. Князь тверской Михаил, вызванный митрополитом в Москву, попал в заточение (1368 г.) и был освобожден лишь под прямым нажимом из Сарая. Воодушевленный татарским благоволением, Ольгерд решился на окончательный поход против Москвы: его многочисленная рать дошла до стен города и расположилась под ними с трехдневной осадой, подвергая грабежам окрестные слободы и деревни. Однако могущественный и состоятельный московский князь сумел отразить нападение и уже в 1369 г. возобвил наступление на Тверь, несмотря на то, что тверской князь Михаил вновь получил в Орде подтверждение своего великокняжеского титула.

После еще одной безуспешной попытки литовских войск захватить Москву, Ольгерд и Дмитрий пришли к заключению, что мирное сосуществование будет во взаимных интересах обоих княжеств. Летом 1371 г. был даже заключен брак между дочерью Ольгерда и двоюродным братом Дмитрия Владимиром Андреевичем. Урегулирование разногласий в высшей степени приветствовалось патриархом Филофеем. Орда же усмотрела в этом союзе чрезвычайную опасность для монгольского господства на Руси: чтобы вызвать зависть Ольгерда, московский князь Дмитрий был приглашен к Мамаю, где получил ханский ярлык на великое княжение. Военные действия снова вспыхнули было между Литвой и Тверью, однако в 1373 г., возможно, благодаря посредничеству патриаршего посланника Киприана, дело кончилось заключением мира. Между тем, монголы продолжали терять контроль над политической ситуацией на Руси. В 1374 г. в Нижнем Новгороде, стольном граде связанного с Москвой Суздальского княжества, посол

Мамая Сары-ака был схвачен, а его свита — конная тысяча — изрублена, что не вызвало мгновенных ответных репрессий. В 1375 г. московский князь и его союзники встретились в Переяславле и договорились о захвате Твери силой. Операция увенчалась успехом, и князь Михаил и его приверженцы официально капитулировали. В 1375-78 гг. Мамай, явно встревоженный могуществом Москвы, предпринял несколько вторжений на Русь, но все они остались без последствий для Москвы. Ольгерд, с другой стороны, вплоть до своей смерти в 1377 г., ограничивался незначительными набегами, подобными нападению на Смоленск в 1376 г. Враги Московского княжества, очевидно, уступили, по крайней мере временно, предприимчивости и все возрастающей силе Дмитрия, не будучи в состоянии препятствовать ему.

Такое развитие событий воздействовало на основы дипломатической и государственной деятельности Византии на Руси. И здесь задача патриарха Филофея, который, как мы видели выше, свободно распоряжался церковными делами в годы правления слабого и непоследовательного императора Иоанна V, была не из простых. Промосковская позиция, с начала века занимаемая византийцами и проводившаяся затем Кантакузином и его советниками, вырабатывалась с оглядкой на неколебимое и всеохватывающее господство над Русью монголов, как это было при ханах Тохте и Узбеке. Сколь бы тираническим и непопулярным ни было это господство, оно все же обеспечивало известную стабильность, которая с выгодой использовалась московскими князьями и церковной иерархией. С другой стороны, господство монголов на Руси способствовало экономическому процветанию итальянских колоний на Черном море, от которых всецело зависела собственная экономика Византии. Наметившаяся с 1357 г. полоса династических раздоров в Орде расширила возможности как Москвы, так и Литвы в проведении в жизнь их собственных интересов и привела к возникновению прямых и практически беспрерывных столкновений между ними. Административное единство митрополии уже не могло быть сохранено путем простого урегулирования противоречий в Сарае и через посредничество местного епископа. *Pax mongolica* больше не удовлетворяла ни одну из сторон. Бывшие вассалы ханов стали в значительной степени независимыми. Требовалось изыскивать новые средства для сохранения православного единства под водительством Византии. Кроме того, как Кантакузин, так и Филофей испытывали глубокую неприязнь к генуэзцам и не были потому

расположены каким бы то ни было образом способствовать интересам этих союзников Золотой Орды.

В этих условиях действия митрополита "всея Руси" оказывались необычайно актуальными, и Византия продолжала очень тщательно планировать и направлять их.

Кризис в митрополии, последовавший за двойным посвящением в сан митрополита как Алексия (1354 г.), так и Романа (1355 г.), пошатнул престиж Византии на Руси. Все решилось, впрочем, само собой после кончины Романа (1362 г.), у которого не было преемника. Единство было вновь восстановлено под началом Алексия. Личность и деятельность митрополита Алексия (1354-78 гг.) оказала влияние на решение тех проблем, с которыми столкнулась Константинопольская патриархия на Руси во время второго патриаршества Филофея (1364-76 гг.).

Сын боярина, приехавший в Москву из Чернигова, Алексей стал митрополитом в возрасте 56 лет, после того как прослужил пятнадцать лет в церковной администрации митрополита Феогноста. Его незаурядность и опыт позволили ему оказывать воздействие на политическую жизнь Московского княжества на протяжении всех двадцати четырех лет пребывания митрополитом Московским. В 1359 г. великий князь Владимирский и Московский Иван II Иванович Красный скончался, оставив наследником девятилетнего князя Дмитрия и назначив регентом при нем митрополита. Греческие синодальные документы подвергают сомнению законность политических функций, которые Алексей принял на себя в Москве. "Иван, великий князь Московский, перед смертью доверил [Алексию] образование и воспитание своего сына Дмитрия, после чего митрополит незамедлительно и всецело посвятил себя заботам о князе". В действительности, принимая на себя эту обязанность, Алексей следовал давней византийской традиции, согласно которой глава Церкви почти автоматически становился ответственным за судьбу государства в тех случаях, когда государственная власть не могла более осуществляться обычным порядком. Примеры, когда византийские патриархи становились регентами, многочисленны (патриарх Сергей при Гераклии, патриарх Николай Мистик в X веке и патриарх Иоанн Калекас в XIV веке). В случае Алексия проблема, однако, заключалась в том, что Дмитрий не был правителем всей Руси, в то время как церковная власть Алексия распространялась на польские, тверские и литовские земли, чьи

вожди были вовлечены в борьбу, с их точки зрения вполне законную, против первенства Москвы.

В начале своего патриаршества, во время правления Ивана I Калиты и хана Чанибека (1342-57 гг.), когда мощь Орды казалась еще совершенно незыблемой, Алексей следовал по отношению к татарам политике лояльности и умиротворения, как поступали и его предшественники. Он не видел другого пути урезонить своего соперника — митрополита Романа. Дважды Алексей ездил в Орду, равно как и в Константинополь (1354-56 гг.), привозя грамоты, получаемые через епископа Сараевского. Помолившись на могиле св. митрополита Петра в Москве, он еще раз отправился к ханскому двору в 1357 г. ради исцеления влиятельной Хатуни Тайдулы, вдовы Узбека. Во время пребывания в Сарае митрополит вел богословские споры с мусульманами, одновременно он оказался свидетелем убийства Чанибека и начала династических неурядиц в Орде. Дипломатические контакты с татарами привели его к получению ярлыков на привилегии для православной Церкви как от Тайдулы, так и от хана Бердибека.

Укрепив в Орде свою позицию, Алексей отправился на территории, контролируемые Ольгердом, — факт, указывающий на то, что власть Романа не являлась неоспоримой в этих местностях. В январе 1358 г. Алексей выехал из Москвы в Киев и пробыл во владениях Ольгерда вплоть до 1360 г. То обстоятельство, что он не возвратился в Москву тотчас же после кончины великого князя Московского Ивана II (13 ноября 1359 г.), как будто свидетельствует о том, что он отдавал себе отчет в двусмысленности сложившейся ситуации и не спешил принять на себя регентство в Москве, завещанное ему покойным князем, а предпочел продолжить выполнение своих пастырских обязанностей за пределами московских земель. Показательно, что сразу же после возвращения Алексея во Владимир в 1360 г. митрополит Роман захватил киевскую кафедру и даже — по стопам отрядов Ольгерда — распространил свою власть на Брянск. Эти агрессивные акции, вызванные, вероятно, тем, что Алексей приступил к выполнению новых политических обязанностей в Москве, похоже, подтолкнули его еще дальше по пути соединения интересов Церкви с интересами московского князя.

Так, в последующие годы, в качестве регента Московского княжества, он предпринял шаги в сторону расширения независи-

мости Москвы от татар и в то же время решительного противопоставления ее другим княжествам, в особенности Твери и Литве.

Участие митрополита Алексея в завлечении князя Тверского Михаила в Москву (1368 г.) с целью пленить его — один из примеров двусмысленности политической роли митрополита Алексея.¹⁰ А когда Михаил бежал ко двору Ольгерда и подтолкнул его к первому крупному вторжению в московские земли, митрополит Алексей, по примеру своего предшественника Феогноста, официально отлучил от Церкви православных князей, выступивших в союзе с Ольгердом, включая, в частности, великого князя Тверского Михаила Александровича и князя Смоленского Святослава Ивановича.

Не вызывает сомнений, что общая политика Алексея проводилась в том же направлении, что и политика его предшественников, ставивших Москву выше соперничавших с ней княжеств, и точно также отчетливо ориентировалась на позицию Константинопольской патриархии. Однако, позднее Алексей начал понимать двойственность своего положения. Он был тесно связан с монашескими кругами — греческими, южно-славянскими и русскими — и в особенности со св. Сергием. В то время как митрополит Петр и Феогност были озабочены главным образом строительством каменных церквей, повышением престижа Москвы как столицы, Алексей основал четыре монастыря, в том числе Спасо-Андрониевский, воздвигнутый в честь его чудесного спасения во время бури на Черном море (1355 г.), когда он второй раз ездил в Константинополь (его первым настоятелем был Андроник, ученик св. Сергия) и Симоновский монастырь, игуменом которого стал Феодор, племянник св. Сергия и неутомимый поборник византийско-русских связей. Св. Сергий был лично близок к великокняжескому двору (в 1375 г. он крестил сына князя Дмитрия) и к митрополиту Алексию, предполагавшему назначить его своим преемником. Эти факты указывают на то, что Алексей в своих промосковских настроениях не мог не принимать во внимание наказов, которые получал после 1370 г. от патриарха Филофея, чей посланник Кириан, будущий митрополит, также присутствовал при крещении в 1375 г. в Переяславле. Эти наказания, как мы увидим ниже, вполне критически оценивали безоговорочную поддержку Алексием московской позиции в 1368 г. и рекомендовали митрополиту принять во внимание многочисленные законные жалобы православного населения юго-западной Руси.

Когда 8 октября 1364г. Филофей во второй раз стал патриархом, Алексей, которого он назначил митрополитом Киевским и всея Руси, уже единолично управлял митрополией, поскольку Роман умер в 1362г. Между 1364 и 1370гг. Филофей без колебаний поддерживал прерогативы митрополита Алексея, подкрепляя престижем патриархии все его действия, церковные и гражданские. Вероятно, наиболее показательной акцией, выразившей неприязнь и недоверие митрополита по отношению к князю Литовскому Ольгерду, был случай с торжественной канонизацией трех литовских мучеников — Антония, Иоанна и Евстафия, которые были крещены священником Нестором в Вильне и замучены по приказанию Ольгерда в 1347г. По всей видимости, эти новые святые были канонизированы Алексием и их культ ставил целью дискредитацию Ольгерда как потенциального лидера православной Руси. В 1374г. частицы их мощей были даже доставлены в Константинополь, выставлены для поклонения в храме св. Софии по распоряжению патриарха Филофея и прославлены в официальном греческом панегирике, сочиненном ритором Михаилом Бальзамоном. Этот необычный жест Филофея ставил задачей не только поддержать дело Москвы, но одновременно выразил переориентацию политики патриарха, все более озабоченного судьбой православных верующих в Литве.

Реестр документов патриархии за этот период содержит ряд текстов, которые помогают нам не только удостовериться в полной поддержке, оказывавшейся Филофеем политике Москвы, но также определить точную дату, когда именно произошел явный поворот. Реестр включает шесть документов (все они датированы июнем 1370г.), которые являлись ответами патриарха на срочные просьбы, исходившие от Дмитрия из Москвы через его посла Даниила и от митрополита Алексея, отправившего в Константинополь посланника по имени Аввакум, во время двух попыток Ольгерда и его тверских и смоленских союзников захватить Москву.

В этот перечень входят:

1) Письмо "великому князю всея Руси" Дмитрию, где засвидетельствовано почтение молодому князю, "сыну" патриарха, за его любовь и приверженность к Церкви и его покорность митрополиту Алексею: "Митрополит, назначенный мною, — пишет Филофей, — является образом Божиим и моим личным представителем, так что всякий, кто покорен ему, платя ему любовью, уважением и повиновением, в действительности покорен Богу и нам смиренным".

2) Письмо митрополиту Алексею, из которого явно следует, что митрополит, а не молодой князь, принимает в Москве решения. Алексею воздаются почести за отправление в Константинополь письменного отчета и ему предлагается либо посетить византийскую столицу лично, либо писать туда почаше. Речь в письме ведется о "делах Церкви, общества и империи". Далее Алексею адресуются уверения в любви и доверии патриарха и обещается помощь в любом из его начинаний. Разговорная интонация письма как бы напоминает о существовании личного знакомства между Филофеем и Алексием, произошедшего во время поездок Алексея в Константинополь (1354-56гг.). Поскольку Алексей сообщал о неповиновении ряда русских князей, патриарх извещает его о содержании своих писем к ним (см. ниже) и торжественно подтверждает принцип единой русской митрополии. " [Русский] народ велик и многочислен; он нуждается в попечении и заботах, кои целиком ложатся на вас".

3) Окружное послание русским князьям, призывающее их питать "страх, почтение, смирение и повиновение" к "святейшему митрополиту Киевскому и всея Руси, *hypertymos*, брату и сподвижнику нашему во Святом Духе", как если бы он был сам Бог, и как к представителю патриарха.¹¹ Адресаты письма не поименованы, но они, разумеется, представляют группу князей, по-прежнему находящихся в союзе с Москвой; их поощряют как "возлюбленных сынов", с тем чтобы поощрить их преданность митрополиту и патриарху.

4) Письмо епископу Алексею Новгородскому, представляющее собой не что иное, как суровую угрозу низложения на двух основаниях: епископ присвоил привилегию ношения знака отличия, который был пожалован его предшественнику Василию лишь в качестве личного поощрения; он же не повинуется ни митрополиту, ни великому князю Московскому Дмитрию. В этом письме патриарх обращается к Алексею Новгородскому как к епископу, а не архиепископу, намекая на то, что у того нет преимуществ перед другими викарными епископами Киевской митрополии. В этом письме, должно быть, отразилась попытка новгородцев, находившихся в центре ожесточенной борьбы с ливонским ордемом, искать союза и помощи у Ольгерда, а не у Москвы, которая сама подвергалась нападениям литовских войск.

5) Торжественный акт анафемы против тех князей, во главе с князем тверским Михаилом Александровичем, которые "объеди-

нились с нечестивым Ольгердом". Эти князья призываются раскаяться перед митрополитом, после чего они автоматически будут прощены и патриархом.

6) Особый акт анафемы против князя Смоленского Святослава, которого митрополит Алексей уже "справедливо" предал анафеме.

Безоговорочная поддержка московской политики, содержащаяся в этих письмах, находится в противоречии с другим имеющимся в патриаршем реестре документом, который обнаруживает — в том же 1370 г. и, возможно, в том же самом месяце июне — совершенно неожиданный образ действий Филофея. Речь идет о патриаршем акте, подготовленном канцелярией для подписания патриархом, с копией, помещенной в реестре, и официально упраздняющем литовскую митрополию с последующим переводом литовского "епископа" в подчинение митрополиту Киевскому.¹² Однако в последний момент патриарх отказался поставить свою подпись под этим документом: архивист должен был вычеркнуть этот документ из реестра и добавить объяснительную запись в установленном месте.¹³ Неожиданное получение дополнительных сведений в ту минуту, когда письма к Алексею и князьям уже были подписаны и отосланы, кажется, единственно могло бы послужить причиной этой аннуляции, которая знаменует, между прочим, более беспристрастную позицию Филофея в конфликте между Москвой и Литвой. Первостепенная цель патриархии состояла в сохранении единства, и тут Филофей обнаружил, что цель эта не могла быть достигнута простой и неразборчивой поддержкой Москвы. В Тверском княжестве, великом княжестве Литовском и в королевстве Польском проживало значительное количество православного населения, которое нуждалось в постоянном пастырском надзоре и назначении новых епископов. Митрополит, который, подобно Алексею, распоряжался политической властью в Москве, не мог больше выполнять эти обязанности. Нам неизвестно, какие конкретные обстоятельства вызвали аннулирование акта, проект которого был составлен в июне 1370 г. Возможно, что письмо Ольгерда, которое мы обсудим ниже, прибыло как раз в этот момент.¹⁴ Так или иначе, письменные документы, увидевшие свет в последующие месяцы, помогают понять те причины, которые привели к перемене позиции Константинопольской патриархии в 1370 г.

3. ПРИТЯЗАНИЯ ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ

Выше мы видели, что после длительного соперничества с сыновьями Гедимины за контроль над Галицией и Волынью польский король Казимир в 1366 г. добился наконец присоединения всей Малой Руси к Польше. В 1370 г., незадолго до своей смерти (5 ноября 1370 г.), он писал непосредственно патриарху Филофею, требуя назначения митрополитом Галицким некоего епископа Антония. Письмо Казимира, в котором приводится список четырех предшествовавших митрополитов как иллюстрация его другого неподтвержденного заявления, что Галицкая митрополия существовала "во все времена", сохранилось в очень несовершенном переводе на греческий язык, составленном писарем, чей родной язык был явно славянский. Отдавая дань вежливости, Казимир, "король Польский и Малой Руси", именуется себя "сыном" патриарха, сообщает ему, что он овладел русскими землями и озабочен тем, что "русский закон" (т.е. православное христианство) может перестать существовать, если в Галицию не будет назначен митрополит. Ибо, если такое назначение не состоится, он решится на "обращение в латинскую веру".

Последняя угроза, совпавшая по времени с переходом в римско-католическую веру собственного суверена Филофея — Иоанна V, произвела необходимый эффект. Антоний, предпринявший поездку в Константинополь и пробывший там несколько месяцев, в мае 1371 г. был назначен митрополитом Галицким. Синодальное постановление о его назначении подтверждает опасность, подчеркивавшуюся самим Казимиром, всеобщего церковного распада в этом регионе: Антоний — единственный православный епископ, оставленный на территориях, находящихся под властью Польши, и, следовательно, ему понадобится содействие соседнего "митрополита Угровалахии" при исполнении епископских функций и обслуживании пустующих епархий.¹⁵ Рамки юрисдикции, в которых действовали полномочия Антония, оговорены в документах 1370 г. не слишком отчетливо: его права в волыньских епархиях (Холм, Туров и Владимир) и даже в Перемышльской епархии Галиции обозначены как временные, "вплоть до окончания происходящих здесь неурядиц",¹⁶ т.е. до достижения стабильной политической ситуации в этих местах. Разъясняя в письме к Алексею свои действия в Галиции и, как мы увидим ниже, на территориях, подвластных Литве, патриарх Филофей говорит об этом в извиняющемся и

чистосердечном тоне. Он подтверждает свое доверие митрополиту "всея Руси", но одновременно сожалеет о том, что Алексей "забросил всех имеющихся там (в Галиции) христиан", что "он находится в одном месте (в Москве) и оставляет другие без пастырского попечения, без наставлений и духовного присмотра". Поскольку он "не посещал Малую Русь и не присматривал за нею так долго", король Казимир, "который также правит Малой Русью", выступил с протестом, угрожая "обратить русских в латинскую веру". Образование Галицкой митрополии объясняется, таким образом, очевидными интересами православной Церкви. "Если бы правитель этого края был православным и принадлежал к нашей вере, мы, возможно, повременили бы с этим делом и отложили его, мы поступили бы так ради вас, даже ежели бы сие было неблагоприятно. Поскольку же он не нашей веры, но латинской, как могли бы мы не принять его требование? Он тотчас же назначил бы римского митрополита, как грозился, и обратил бы русских в католическую веру... Я благодарю Бога, что Казимир не решился на это, но написал нам и потребовал митрополита... По этой причине мы были принуждены посвятить его кандидата в сан, ибо мы не могли поступить иначе".

Дальнейшее развитие событий покажет, что относительное доверие и признательность, проявленные Филофеем к польскому королю, не оправдаются. Последовавшая вскоре польская экспансия сопровождалась установлением и расширением римской церковной власти на юго-западных русских территориях и жестокими дискриминационными мерами по отношению к православному населению.¹⁷ Однако Филофей, вероятно, был прав, назначая Антония, который, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, добился успехов в поддержании православной веры в этом регионе, а также в назначении православных епископов в Молдавию, где польское и римско-католическое давление было не менее сильным и где отдельная митрополия была создана лишь в 1401 г.

Перемены в русской политике патриарха Филофея в 1371 г. были вызваны не только польским давлением в Малой Руси, что, в сущности, носило частный характер, но также и прежде всего куда более очевидным и более мощным утверждением господства Ольгерда и его притязаниями править всей Русью. Поддержка, оказывавшаяся Филофеем Московскому княжеству до июня 1370 г., не скрываемая также в письмах, адресованных самому

Ольгерду,¹⁸ вызвала резкий ответ великого князя Литовского.¹⁹ Набросанная, как это было и в случае с письмом Казимира, славянским челядином, эпистола Ольгерда перечисляет злобные акции московского правительства во главе с Алексием, в частности, те, что касались его родственников — князя Тверского Михаила и князя Нижегородского Бориса, и выступает с личными нападками как на патриарха, так и на митрополита. "С вашего благословения, — пишет он Филофею, — их митрополит по сию пору благословляет кровопролитие. Никогда, даже во времена наших отцов, не бывало митрополитов, подобных этому: он благословляет москвитян проливать кровь, но никогда не бывает в наших краях и даже в Киев не ездит. И кто бы ни давал обет преданности мне (целуя крест), а затем перебежал к ним, он освобождает перебежчика от этого обета..."

В дополнение к этим вполне обоснованным жалобам Ольгерд указывал также на возможность общего фронта против латинской опасности: "Митрополиту, — писал он, — следовало бы благословить москвитян на помощь нам в борьбе против немцев (т. е. Тевтонских рыцарей), ибо мы воюем с ними в интересах москвитян". Это был, разумеется, пункт, который Филофей не мог оставить незамеченным, так как с воинственным духом латинского Запада он сталкивался и в других регионах, в частности, в Галиции и в Болгарии.²⁰ Многочисленные факты, свидетельствовавшие о реально существовавшем антагонизме между Литвой и тевтонским орденом, естественно, обеспечивали Ольгерду немалый кредит в глазах византийцев, в связи с чем примирение двух крупнейших русских княжеств на основе их общих интересов перед лицом тевтонского ордена, с одной стороны, и монголо-татар, с другой, должно было стать как раз около 1370 г. одной из наиболее важных и первоочередных дипломатических задач для Филофея и его преемников.

Однако в заключение своего письма Ольгерд просил патриарха о невозможной уступке: основании второй митрополии, в юрисдикцию которой входили бы не только традиционные территории прежней "Литовской митрополии", существовавшей в первой половине столетия, но и всех княжеств, союзных Ольгерду. "Дайте нам другого митрополита, — писал литовский князь, — для Киева, Смоленска, Твери, Малой Руси, Новосила, Нижнего Новгорода". Ясно, что требуемый Ольгердом митрополит оказался бы куда в большей степени митрополитом "всея Руси", нежели Алексей:

он правил бы не только традиционной Киевской кафедрой, не только такими епархиями, как Тверская и Смоленская, которые никогда не были связаны с Литовской митрополией, но даже Нижегородской и Новосильской, которые располагались далеко на восток и на юг от Москвы. А поскольку в 1370 г. в намерения Ольгерда входил захват самой Москвы, то русскую Церковь он хотел подчинить своему полному контролю.

Возможно, великий князь Литовский предполагал также свое личное обращение в православную веру, поскольку, согласно Никифору Григору, он намеревался креститься уже в 1354 г. и поскольку большинство членов его династии уже перешли в православие, но ни византийские, ни русские источники этого периода определенно не упоминают о такой возможности. Так или иначе, Филофей, который как раз в это время вторично принял патриаршество (1364 г.), торжественно канонизировал литовских мучеников, казненных Ольгердом, был, похоже, не расположен доверять ему до такой степени, чтобы предоставить Литве полный контроль над православной Церковью и, соответственно, препоручить Ольгерду все византийские интересы на Руси. Но никогда ранее Вильна не оказывалась столь близка к тому, чтобы заменить Москву в качестве столицы будущей объединенной Руси. Дипломатические усилия патриарха Филофея, возможно, оказались решающим фактором, который предотвратил это.

Быстро сменявшие одно другое события 1370–72 гг. трудно описать подробно. Что, впрочем, вполне определенно — это то, что Филофей не уступил давлению Ольгерда и решительно ускорил мирное урегулирование противоречий, которое одно могло бы в известной мере восстановить пошатнувшийся престиж его подопечного — митрополита Алексия — в землях, враждебных Москве. Патриарх написал Ольгерду, призывая его "любить и почитать [митрополита Алексия], согласно заведенному обычаю и как это делают другие русские князья, и оказывать уважение, внимание и великую любовь [митрополиту], когда он посетит литовские земли, с тем чтобы [митрополит] мог без трудностей путешествовать по этим землям".²¹ Подобные наказания, в самом деле, не были излишни, так как в 1359 г. в Киеве митрополита Алексия встречали весьма недружелюбно. Но патриарх дал также строгие инструкции и Алексию по отношению к Ольгерду, которого он, по-видимому, признал к этому времени уже не в качестве "нечестивого идолопоклонника", но изрядного русского князя: "Вы также, — писал

Филофей Алексию, — поскольку это возможно, выказывайте ему явную приязнь и доброе расположение; относитесь к нему, как вы относитесь к другим князьям, ибо христиане, чада Господни, коими он управляет, нуждаются в вашем присмотре и советах; а посему крайне необходимо, чтобы между вами и им была любовь, чтобы вы могли встречаться с ним и его народом и учить их. Выполняйте это со всяческим тщанием и без каких бы то ни было оговорок". Иоанн Докиан, посланник патриарха, был направлен в Москву с дополнительными устными наказами.

Имели ли эти увещания какой-нибудь успех? Как будто да. Потому что русские летописи свидетельствуют, что после безуспешной литовской кампании против Москвы послы Ольгерда в 1371 г. прибыли в Москву и договорились о браке между двумя младшими представителями московской и литовской династий. Вплоть до кончины Ольгерда (1377 г.) больше не было крупных литовских операций против москвитян, и непредвиденное назначение в 1375 г. нового митрополита в контролируемые Литвой русские земли не стало, как мы увидим ниже, тем решительным маневром, с каким столкнулся Ольгерд в 1370 г., но скорее дипломатическим шагом *ad hoc*, ставившим целью сохранение единства митрополии.

Покуда шел обмен письмами между Ольгердом, Алексием и Филофеем, патриарх оказался вовлеченным также в борьбу между Москвой и Тверью. Представляется вполне вероятным, что именно дипломатические усилия патриарха, оказывавшие смягчающий эффект на взаимоотношения Москвы и Литвы, лишили князя Тверского Михаила Александровича безусловной поддержки Ольгерда. Как бы то ни было, неудачливый князь, обведенный вокруг пальца Москвой и отлученный от Церкви Алексием, официально воззвал к Константинополю. Поддержанный собственным епископом Василием, которого в свое время назначал именно митрополит, Михаил послал архимандрита Феодосия в византийскую столицу искать справедливости. Его положение отчасти укреплялось тем, что Золотая Орда, обеспокоенная возрастающей мощью Москвы, только что пожаловала ему ярлык на великое княжение. По получении официальной жалобы, в сентябре 1371 г., Филофей взял на себя роль верховного судьи для разбирательства, которое должно было состояться в сентябре 1372 г. Однако, как это было и в случае с Литвой, он также призвал Алексия выступить беспристрастным пастырем своей паствы, оставив в стороне политические пристрастия. "Не вижу ничего хорошего, — писал Филофей,

— в том, что вы способствуете скандальным конфликтам с князем Тверским Михаилом и что оба вы прибегаете к церковному суду. Попытайтесь примириться с ним, как отец его и учитель, и если он в чем-то неправ, вы, как отец, простите его и отнеситесь к нему, как к своему сыну... Но и он должен раскаяться и искать прощения, в чем я увещаю его в своем письме... Ваше святейшество превосходно знает, что когда мы посвящали вас в сан, мы сделали вас митрополитом Киевским и всея Руси — не какой-то одной ее части, но всея Руси. И вот ныне до меня доходит, что вы не навещаетесь ни в Киев, ни в Литву, но пребываете постоянно в одном месте... Сие противоречит заведенному порядку святых канонов. В вашу обязанность входит бывать по всей Руси, оделять своей любовью и отеческим расположением всех князей поровну... ”

Призывая таким образом митрополита решать конфликты миром, патриарх отправляет аналогичное послание и великому князю Михаилу. ”Избегайте злословия и судебных разбирательств; поезжайте и помиритесь со своим отцом, митрополитом, добейтесь его прощения... И когда вы обоюдно порешите миром, в согласии с моими наставлениями, каждый из вас, вы и митрополит, отрядит ко мне посланцев, чтобы меня о том уведомить. Чтобы я мог любить вас, молиться за вас, благословить вас, простить вас и видеть в вас своего преданного сына”.

Похоже, что ни одна из сторон не вняла уветам патриарха. Ни единый источник не указывает на то, что их поверенные лица побывали в Константинополе. И все же, на фоне захватывающих коллизий в борьбе между Тверью и Москвой, описанных выше, политические наказания Филофея на Руси осуществлялись весьма действенно и искусно особым патриаршим посланником, болгарским монахом Киприаном, одной из ярчайших фигур восточного православия в XIV веке.

В конце 1373 г. он прибыл в подвластные Ольгерду земли и быстро нашел общий язык с великим князем Литовским. Весьма примечательно, что уже в конце того же года князь Тверской Михаил и князь Московский Дмитрий также пришли к мирному урегулированию разногласий. Михаил отказался от великокняжеских амбиций, и, предположительно, церковно-канонические санкции митрополита Алексия по отношению к нему были приостановлены. Это соглашение явилось крупным поражением Орды, дипломатические усилия которой были рассчитаны как раз на сеяние разногласий. Тверской летописец, между тем, приветствует

эти события как ”облегчение для христиан, которые возрадовались великой радостью, в то время как их [монгольские] враги были посрамлены”. В тот же год опасность военной конфронтации между Москвой и Литвой была улажена мирным соглашением под Любечем.

Нам неизвестно, участвовал ли Киприан лично в заключении этого мира, который очень скоро привел к тому, что один историк недавно назвал антиатарским союзом, объединившим Москву, Тверь и Ольгерда, но можно допустить, что это имело место, поскольку 9 марта 1374 г. он находился в Твери одновременно с самим митрополитом Алексием, который посетил мятежный город и посвятил в сан нового епископа Евфимия. В том же году друг Киприана Дионисий был посвящен в сан епископа Суздальского. Позже Киприан сопровождал митрополита в Переяславль, где в 1375 г. состоялась важная встреча князей, а епископ Дионисий присутствовал при избении татарского посланца Сара-аки в Нижнем Новгороде.

После отъезда митрополита и патриаршего посла князь Тверской Михаил Александрович снова оказался вовлеченным в анти-московский заговор, который был организован загадочным человеком по имени Некомат Сурожский, представлявшим генуэзские интересы, и в котором принимали участие татары и литовцы. Столкнувшись с этой последней попыткой сепаратизма, Дмитрий и его союзники пошли на Тверь и в конце августа 1375 г. принудили Михаила капитулировать. Неприкрытое генуэзское и татарское участие в этих событиях на стороне Твери оказалось достаточным для того, чтобы скомпрометировать Михаила в глазах патриаршего посла Киприана, чей патрон в Константинополе, патриарх Филофей, как и его друг Кантакузин, возглавляли антигенуэзскую оппозицию в Византии. Снова Москва оказалась более надежным союзником, чем другие русские князья. Недолговечная попытка Филофея по справедливости разрешить конфликт между Москвой и Тверью была пресечена Тверью, вследствие чего окончательный перевес в пользу Москвы оказался неизбежным.

В свете всех этих фактов становится очевидным, что перемены в политике Константинопольской патриархии в 1370 г. были тактическими, а не идеологическими. Принцип единства, которому следовала византийская церковная администрация, не был нарушен, лишь приспособлен к новым условиям. Восстановление митрополии

в Галиции было условием для сохранения православной Церкви в Польше и явилось временной мерой. Победы Ольгерда на Руси следовали одна за другой в 60-ые гг. так быстро, что митрополит, пребывающий в Москве и вдобавок сам возглавляющий московское правительство, уже не мог больше справляться со своими обязанностями на подвластных Литве территориях. Тенденция к разделению митрополии, установленной Каллистом в 1355 г., намечалась все острее. Однако Филофей не поддавался этому нажиму. Он лишь советовал Алексию более беспристрастно, без учета политических соображений относиться к противникам Москвы и добился известных результатов в этом направлении. Война с Литвой утихла, и тверской вопрос был разрешен. Но, поскольку Алексей был уже почти восьмидесятилетним старцем, ключевой в видах ближайшего будущего стала срочная проблема подыскания ему преемника, и Филофей решил взяться за ее разрешение таким образом, чтобы исключить самую возможность разделения митрополии. Мастер дипломатической игры, он постарался добиться, чтобы этим кандидатом стал болгарский монах Киприан, посол Филофея на Руси в 1372-73 гг. и человек, близко связанный с монастырскими кругами северной Руси. Его яркая фигура выделяется в церковной, культурной и политической жизни Руси после 1370 г. Византийско-русские связи, отношения с римско-католическим Западом, историографическая, агиографическая и литургическая практика эпохи отмечены его личностью и идеями, которые, подобно идеям Филофея и Иоанна Кантакузина, основывались на принципе единства Византийской православной империи и будущей Руси — от Карпат до Волги — как неделимого целого. Главными препятствиями, стоявшими на пути осуществления этой программы, были, с одной стороны, соперничество между Москвой и Литвой и, с другой, Золотая Орда, чье деспотическое иго тяготело над Русью из-за продолжавшихся междоусобиц русских князей.

Новая политическая ситуация, естественно, требовала мира и, быть может, союза между Москвой и Литвой. Очевидно, это шло вразрез с рядом застарелых предубеждений, принятых на веру в Москве. Московские правители ожидали от православной Церкви всесторонней поддержки в любых своих предприятиях, как это повелось еще со времен митрополитов Петра и Феоноста и достигло кульминации в период регентства Алексея. Влиятельными кругами в Москве поощрялись и отдающее провинциальностью местничество, питаемое неприязнью к литовской династии, и

традиционный сервиллизм в отношениях с Ордой. Эти круги не только предпринимали решительные шаги, пытаясь организовать оппозицию Киприану, но даже исхитрились найти союзников в прогенуэзской партии в Константинополе.

Назначение Киприана митрополитом оказалось последней крупной акцией Филофея в русских делах, но оно лишь обозначило начало нового кризиса...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1346 г., когда Иоанну Палеологу было всего четырнадцать лет, Акиндин с сожалением писал, что юный император, чье законное право наследования он признавал, отказывая в таковом Кантакузину, "не уступает в упрямстве и мракобесии" паламитам. Полное критическое издание "Писем" Акиндина — важного исторического и богословского источника эпохи — осуществлено Анджелой Хироу и публикуется отдельными выпусками. Тексты Паламы, свидетельствующие о паламитских взглядах Иоанна V, содержатся в его трактатах против Григория, написанных в 1356-58 гг. Опровергая сведения, распространявшиеся Григорием, — будто бы Иоанн V подписал "Tomos" 1351 г. под давлением Кантакузина, — Палама, с одной стороны, еще раз подтверждает законные права императора из династии Палеологов, а с другой, напоминает о его приверженности к православию и оппозиции акиндинистам в 1346 г., что признавалось самим Акиндином. Согласно Паламе, Иоанн Палеолог, будучи еще ребенком, унижал Варлаама и приказал акиндинистам убраться из дворца. Палама вспоминает также о присутствии Иоанна V на литургиях, которые он сам отслужил в качестве архиепископа Фессалоникийского, и о том, что он следовал религиозным убеждениям своего отца Андроника III, своей матери — императрицы Анны и своего тестя — Иоанна Кантакузина.
2. Титул "император" принадлежал не только Иоанну V, но также его сыновьям Андронику и Мануилу, равно как Матвею и Мануилу Кантакузинам, сыновьям Иоанна VI.
3. Димитрий Кидон в письме к Филофею выражает свое негодование в связи с осуждением своего брата, что, по его мнению, привело к нарушению обязательств, данных Филофеем Иоанну V. Однако, нет свидетельств, что император предпринял какие-либо действия против патриарха.
4. Взгляды Цамблака на коррупцию византийского двора следует рассматривать в свете условий, при которых он сам мог быть назначен митрополитом Киевским.

5. Григора сожалел о том, что Иоанн V не применил против Филофея репрессивные меры, предпринятые против евреев Константином I.
6. В последние годы жизни сам Григорий Палама, в то время архиепископ Фессалоникийский, поддерживал дружеские отношения с обоими претендентами на патриаршество.
7. Жития св. Саввы Ватопедийского, св. Германа и патриарха Исидора, написанные Филофеем, а в особенности его "Похвальное слово" Григорию Паламе, как нельзя лучше иллюстрируют высокий профессионализм, риторическое мастерство Филофея и изобилуют ссылками на античных авторов.
8. Идея союза между византийцами и сербами возникает только в риторических трактатах Димитрия Кидона, разочарованного провалом прозападной дипломатии, инициатором которой он был.
9. Постановление Синода от мая 1371 г.
10. По свидетельству современника, подвергнутый заточению князь Михаил "был очень рассержен и жаловался в особенности на митрополита, к которому он испытывал любовь и доверие как к епископу".
11. Именно в этом письме и в этом контексте Филофей определяет вселенскую власть патриарха словами, которые папа римский применил в XIX веке.
12. Вспомним, что на протяжении XIV столетия литовская митрополия полагалась "вакантной", когда там не было митрополитов. Так произошло после смерти Романа (1362 г.).
13. Поскольку на документе отсутствует подпись, на нем нет также и даты, и некоторые историки относят его к 1364 г. Однако изучение рукописи другими специалистами показало, что текст постановления был переписан в реестр той же самой рукой, которой переписаны все другие письма от июня 1370 г., очевидно, в то же самое время. Однако на всех других документах подпись патриарха имеется, в то время как на акте об упразднении литовской митрополии ее нет. Предполагают, что аннулирование этого акта могло быть вызвано внезапными новостями из Руси.
14. Письмо Ольгерда не датировано в патриаршем реестре, но в переписке Филофея и Алексия за май-август 1371 г. оно упоминается.
15. Православный канон содержит строгое требование, согласно которому "два или три" епископа принимают участие в любом епископском посвящении. "Угровалашская митрополия" была установлена в 1359 г. и была, несомненно, куда менее доступна Москве, нежели Галиции.
16. Любопытно, что, сообщая митрополиту Алексию о восстановлении Галицкой митрополии, Филофей опускает Туров в списке епархий, подчиненных Антонию; он также недвусмысленно оставляет Луцк, находящийся за пределами территорий, завоеванных Казимиром, в

юрисдикции Киева. Это показывает, что границы Галицкой митрополии не были стабильными. Так, имеются сведения о том, что в 1376-77 гг. епископ Владимира-на-Волыни был посвящен в сан митрополитом Киевским Киприаном, а не Антонием. Впрочем, к этому времени последний мог уже скончаться.

17. В 1372 г. папа Григорий XI приказал архиепископу Краковскому назначить католических епископов в Галич, Перемышль, Владимир и Холм и сместить "епископов-еретиков", которые, "как говорят, там находятся". В 1375 г. папский приказ был выполнен. Митрополит Антоний был вынужден покинуть Галич.
18. Эти письма не сохранились, но они упоминаются в ответе Ольгерда и в письме Филофея Алексию.
19. Письма Казимира и Ольгерда благополучно достигли Константинополя почти одновременно, так как Филофей сообщает о их содержании Алексию в одном и том же письме от августа 1371 г.
20. В 1365-66 гг. Страшимир, сын болгарского короля Иоанна-Александра, был перекрещен францисканскими монахами вместе с тысячами болгар в городе Видин, который был захвачен Людовиком Венгерским.
21. Подлинный ответ Филофея Ольгерду, к сожалению, не сохранился. Приведенная цитата взята из письма к Алексию.

**ПРОТ. СЕРГІЙ
ЧЕТВЕРИ-
КОВЪ
СТАРЕЦЪ
ПАИСІЙ
ВЕЛИЧ-
КОВСКІЙ**

**YMCA-PRESS
PARIS**

Прот. Сергей ЧЕТВЕРИКОВ

- СТАРЕЦ ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ, 2-ое изд.,
YMCA - PRESS, 1988, 307 стр. (Цена : 100.- фр.)
- ОПТИНА ПУСТЫНЬ (Новое дополненное издание),
(В печати), YMCA - PRESS, 1988, (100.- фр.)

Заказы направлять по адресу : «LES EDITEURS REUNIS»,
11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris.

Прот. Сергей ЧЕТВЕРИКОВ (1867-1947)

ПОДЪЕМ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ В XVIII и XIX ВЕКЕ *

Одновременно с широким распространением в высших образованных наших классах западной светскости и безбожия, а также и нездорового западно-европейского мистицизма (откуда же было и взяться там здоровому мистицизму?), усиливается у нас, в противовес им, и здоровое течение духовной жизни, как в высших, так и в низших слоях русского общества, имеющее свои корни в православных традициях русской религиозной жизни, восходящих к преданиям славянских стран, Афона и Византии. Эти два течения вступают в борьбу между собою, и победа оказывается то на той, то на другой стороне. В этом сказывается инстинктивный протест здорового русского религиозного духа против нездорового увлечения западно-европейским рационализмом и материализмом, а также и мистицизмом. Святыня Православия не перестала господствовать в сознании и в духе коренной массы русского православного народа. В многих местах не перестали проявляться обнаружения русского православного чувства. С любовью и торжественно совершались многочисленные и многолюдные крестные ходы с особенно чтимыми чудотворными святыми иконами Божией Матери — Казанской, Владимирской, Тихвинской, Калужской, Горбаневской, Смоленской, Коренной-Курской и другими. Монастыри не оскудели мудрыми старцами и усердными молитвенниками, подвижниками и подвижницами, какими были преп. Серафим Саровский, Парфений Киевский, Амвросий Оптинский, святитель Иоасаф Белгородский, Тихон Задонский, Феодосий Черниговский, Митрофан Воронежский и др. Сотни и тысячи мирян, мужчин и женщин, приходили к ним, прося благословения и молитвы, наставления и утешения, исповедуя перед ними грехи свои.

Конечно, все это были проявления индивидуального, единоличного религиозного чувства и духа, но они охватывали души тысяч

*) Из неизданной работы "Тысячелетний путь русского православного народа со Христом 988-1988", представленной в виде докладной записки патриарху Алексию.

людей. Церковь, как единое целое, потеряла возможность и свободу соборного голоса и молчала, не могла авторитетно высказать своего руководящего слова, осудить темные явления жизни, благословить светлые и радостные. Как на одно из особенно замечательных явлений религиозной жизни русского народа в XVIII, а затем и в XIX веке нельзя не указать на духовное движение в русских монастырях и в русском народе (во всех его слоях), созданное знаменитым молдавским старцем, уроженцем Полтавы, настоятелем Нямецкого монастыря в Молдавии, архимандритом Паисием Величковским.

Сын полтавского протоиерея, настоятеля полтавского Собора, воспитанник Киевской Духовной Академии, он в ранней юности покинул академию и родину и предался странствованию сперва по украинским монастырям, потом по монастырям и скитам молдавским и, наконец, ушел на Афон, где и положил начало собственному братству. С этим братством он перешел потом в Молдавию, где и утвердился окончательно в древнем Нямецком Вознесенском монастыре XV века. В монашестве его особенно привлекала к себе его внутренняя сторона, внутренний подвиг духовного делания, подвиг молитвы и борьбы с помыслами. Знакомая с этим внутренним подвигом "умного делания", он перечитал древнюю христианскую аскетическую литературу, перевел ее на общедоступный язык и стал учить своих учеников "умному деланию". Необходимым условием успешности этого подвига он считал прохождение его под руководством опытного наставника. Пройдя многолетним подвигом "путь" такого делания, проверяя и направляя себя руководством опытных наставников, Паисий, стоя во главе знаменитой Нямецкой Лавры, имея вокруг себя до тысячи преданных учеников, и в том числе очень многих вышедших из России, старец занялся переводом на русский язык с греческого трудов древних греческих подвижников, так называемого "Добротолюбия". Старый, больной, слабый, но бодрый духом, он совершал свой труд, лежа в постели, обложенный грамматиками, словарями и сочинениями переводимого автора. Его труды в рукописных списках получили широкое распространение по русским монастырям, изучались и переписывались во многих списках. Большой комплект его переводов оказался и в одном из монастырей Калужской епархии — знаменитой впоследствии Оптиной Пустыни. Сам архимандрит скончался в 1796 г. и похоронен в главном Вознесенском

храме Нямецкого монастыря в Молдавии. От старца Паисия, от его литературных трудов и от его духовного подвига началось широкое духовное движение во многих русских монастырях и в русском православном народе всех классов, как высших, так и низших, как образованных, так и необразованных. Паисиевское движение XVIII и XIX века явилось протестом русской верующей души против религиозного опустошения, шедшего к нам с Запада под обаятельным видом просвещения, возглавляемого громкими именами Вольтера, Руссо и других западных просветителей. И хотя этот протест русской православной верующей души не принял никакой организованной формы всенародной церковной борьбы с неверием (да и не мог принять за отсутствием у нас организованной церковной соборности) и совершался без определенного плана, усилиями не Церкви, а отдельных лиц, все же он не остался бесплодным и не потерял своего значения для русского общества и народа как в восемнадцатом, так еще более в девятнадцатом столетии, когда переводы старца Паисия были изданы Оптиной Пустынью. Паисиевская литература и все паисиевское движение явилось протестом не только против рационалистического безбожия, известного у нас в то время под именем вольтерьянства, но и против нездорового ложно-мистического и пиетического, хлыстовского и скопческого движения конца XVIII-начала XIX века, которое в те годы многих привлекало к себе как противовес атеистической пустоты вольтерьянства. Паисиевское движение имело тем большее значение и тем большую ценность, что оно имело свои корни в родных и близких русскому сердцу афонских и византийских традициях преп. Нила Сорского, преп. Максима Грека и их учеников. В предпринятом Оптиной Пустынью издании трудов старца Паисия и древних православных подвижников приняли живое участие выдающиеся иерархи Церкви и русские ученые. Митрополит Филарет Московский даже сам просматривал печатаемый текст и делал поправки, митрополит Киевский с любовью следил за изданием и давал руководственные указания. Непосредственное участие в трудах издательства принимали профессор Московской Духовной Академии прот. Голубинский и проф. Московского университета Шевырев, а также известные литературные деятели — братья Киреевские, имение которых находилось по соседству с Оптиной Пустынью. В их деревенском доме и положено было начало издательству: приехал к ним из Оптиной Пустыни

старец иеросхимонах Макарий, и в их доме, помолившись, написал предисловие к книге преп. Исаака Сирина.

С началом этого издания в 40-х годах XIX столетия и с развитием в Оптиной Пустыни "старчества" по преданию и заветам старца архим. Паисия, с появлением в Оптиной трех ее знаменитых старцев — иеросхимонаха Льва (Леонида), иеросхимонаха Макария и иеросхимонаха Амвросия (изображенного Достоевским в "Братьях Карамазовых" под именем старца Зосимы) и знаменитых оптинских настоятелей, архимандритов Моисея и Исаакия, сама Оптина Пустынь получила широкую известность. Со всех сторон потянулись к ней люди разного общественного положения, от простых крестьян и крестьянок до знаменитых писателей и ученых, желавших повидать старцев, получить их благословение, и услышать их мудрое слово, растворенное ласкою и шуткой. Оптина Пустынь на десятки лет стала средоточием широкого православного духовного движения. И это имело огромное воспитательное значение в деле воцерковления наших образованных классов и их сближения с традициями русской православной Церкви. В Оптину съезжались и профессора высших учебных заведений, и наши известнейшие писатели, философы и публицисты — Н.В. Гоголь, братья Киреевские, проф. Шевырев, Аксаковы, гр. Ал. Толстой, гр. Л.Н. Толстой, Вл.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский, вел. кн. Константин Константинович, В.В. Розанов, митр. Иоанникий и многие другие известные духовные и светские писатели и люди.

Под влиянием оптинских старцев оживилась, приняла новый характер и широко развилась жизнь и деятельность женских монастырей, руководимых старцами: старец Макарий, как и Леонид, был духовником многих женских монастырей. Под руководством старца Амвросия возникла и возросла знаменитая Шамординская Казанская женская обитель, в которой он и скончался в 1891 г. Устроительницею и первою настоятельницею обители была известная своими трудами и подвигами схимонахиня София (из известного рода Болотовых), брат которой был иеромонахом Оптиной Пустыни, о. Даниил. Он был известен как иконописец. При игуменье Софии в Шамордине возникли приют и школа для девочек, больница и богадельня для престарелых, больных и слабых, иконописная мастерская, золотарня и типография для печатания листков и книг духовного содержания, находившаяся в заведовании и под руководством одной из сестер с университетским образованием. В те же приблизительно годы возник в западном крае известный

Леснинский женский монастырь под управлением игуменьи Екатерины (графини Ефимовской) с таким же молитвенно-просветительным характером, как и Шамордино, а в Москве возникла обитель вел. княгини Елизаветы Федоровны.

Большую известностью пользовался в Москве среди университетской интеллигенции духовник Гефсиманского Скита Троице-Сергиевской Лавры игумен Герман, а среди лаврских богомольцев вообще — духовник Черниговского Скита старец Варнава, напавший своим характером оптинского старца Амвросия. В Москве был широко известен протоиерей о. Валентин Амфитеатров, по мнению многих — второй о. Иоанн Кронштадтский. А что же сказать о самом о. Иоанне, слава которого, как молитвенника и чудотворца, проникла даже за пределы русской земли. Да что говорить об о. Иоанне, когда и иеросхимонах Оптиной Пустыни о. Амвросий вел переписку с инославными по разным волновавшим их вопросам духовной жизни. О самом о. Иоанне Кронштадтском мы могли бы много рассказать по своим личным воспоминаниям о нем, но едва ли есть в этом нужда, так хорошо он всем известен и без наших воспоминаний, хотя я ему обязан и благословением на брак, и благословением на священство. Так расцветала и ширилась духовная христианская жизнь на нашей родине в конце XIX и начале XX столетия.

* *
*

Здесь кстати будет рассказать и о замечательном опыте Православного Трудового Крестовоздвиженского Братства, основанного помещиком Глуховского уезда Черниговской губернии Николаем Николаевичем Неплюевым в его имени, недалеко от местечка Янполя, на хуторе Воздвиженском. Этот опыт настолько интересен, и я сам, автор этих строк, так близко стоял к нему, что не могу не рассказать о нем подробнее.

Ник. Ник. Неплюев был единственным сыном дворянина Черниговской губернии Ник. Ив. Неплюева. Отец предназначал его к дипломатической карьере. Но судьба решила вопрос иначе. Окончив университет, Ник. Ник. некоторое время служил в одном из наших маленьких посольств в Германии. Светская жизнь и дипломатическая карьера не привлекали его. Однажды, возвратившись домой с придворного бала в особенно угнетенном состоянии духа, Неплюев заснул тяжелым сном. И вот, ему снится, будто он

находится в своем черниговском имении, из которого он был увезен полугодовым ребенком и с тех пор в него не возвращался, и сидит в крестьянской хате, в толпе крестьянских мальчиков, и читает им Евангелие. В окне он видит местную приходскую церковь и священника, идущего от церкви к его избе. Этот сон привел его в светлое и радостное настроение и повторялся совершенно одинаково три ночи подряд.* Неплюев понял этот сон как Божие указание своей дальнейшей судьбы и деятельности и решил бросить дипломатическую службу, переехать на жительство в деревню и заняться, по примеру С.А. Рачинского, христианским воспитанием крестьянских ребят. Отец не противился его намерению. Неплюев приехал в черниговское свое имение, Янполь, где у него был собственный барский дом, нанял в селе крестьянскую избу и стал собирать там крестьянских ребят-мальчиков и рассказывать им евангельскую историю, дела, притчи и чудеса Господа. Он собирал ребят и в своем барском доме, занимал их музыкой и рассказывал им о своей жизни за границей, о своих путешествиях, а также рассказывал им о России. Своим евангельским беседам с детьми он сразу придавал практический характер: это не были простые пересказы евангельской истории, а уроки практической христианской жизни. Все беседы направлялись к этой главной цели — каким должен быть христианин и какова должна быть его христианская жизнь.

Из тех мальчиков, которые понимали его и готовы были жить по евангельским заповедям, он образовал два кружка — младший и старший; младшие были распределены между старшими, которые сделались ближайшими помощниками Неплюева по воспитанию младших, воспитываясь при этом и сами. У старшего была своя группа младших, ему порученных, с которыми он вел работу под наблюдением и руководством Неплюева. Сам Неплюев вел отдельные беседы с младшими и отдельные со старшими, а также общие беседы с теми и другими, и притом не только религиозного характера, но и общеобразовательного. Он много им рассказывал о своих путешествиях по разным местам Европы и о разных ее достопримечательностях, занимал мальчиков музыкой, приучал их

*) Этот рассказ мы слышали от самого Н.Н. Неплюева непосредственно.

любить и понимать ее, знакомил мальчиков с русской и иностранной поэзией и прозой. Вместе с мальчиками он в своем саду на хуторе Воздвиженском насыпал земляную горку в память своего любимого поэта А.С. Хомякова, многие стихотворения которого переложил на музыку, их пела одна из сестер Неплюева, получившая специальное музыкальное образование. Из более или менее шумного Янполя Неплюев переселился на уединенный Воздвиженский хутор, где и положил основание двум специальным сельскохозяйственным школам — для мальчиков и девочек. Преподавателями в школе сначала были приглашены со стороны специалисты, а потом собственные воспитанники, выдержавшие специальные экзамены в казенных школах. К Николаю Николаевичу переехала на постоянное жительство одна из его сестер, которая и приняла на себя заведование женской школой. Тогда же была выстроена на хуторе и церковь во имя Воздвижения Честного Креста Господня, и мне, автору настоящих строк, пришлось быть ее первым настоятелем и законоучителем обеих школ, куда меня направил, по окончании мною Московской Духовной Академии, мой ректор — архим. Антоний Храповицкий. Когда я, по окончании курса, приехал в Чернигов принимать священство, то некоторые старики-священники, узнав, куда я назначаюсь, качали головами и вздыхая говорили: "Боже мой, Боже мой!", но я не придавал этим вздохам никакого значения. С течением времени и преподавательские должности в школах, и хозяйственные должности по хутору стали замещаться оканчивающими школу воспитанниками и воспитанницами, и из них составилось официально утвержденное "Трудовое Крестовоздвиженское Братство", устав которого был утвержден соответствующими властями, как духовными, так и гражданскими. Братство было принято под высочайшее покровительство государыни императрицы Александры Феодоровны. Во главе Братства стояла Дума, возглавляемая Неплюевым. Члены Думы в парадных случаях надевали на себя небольшие серебряные крестики на серебряных цепочках, а сам Неплюев — золотой крестик с бриллиантовой звездочкой в центре. Шли разговоры, что вся земля Крестовоздвиженского хутора (который был около 6000 десятин) отойдет в собственность Трудового Братства. Идея Неплюева и ее осуществление стали широко известны в русском обществе и за границей и многих заинтересовали, и отовсюду приезжали многие лица знакомиться с его опытом. В печати появля-

лись разнообразные о нем отзывы, как благоприятные, так и отрицательные. Известный писатель для молодежи проф. В.П. Вагнер напечатал о нем восторженный отзыв, если не ошибаюсь, в журнале "Неделя", под заглавием "Оазис в пустыне", сотрудник "Нового Времени" Меньшиков, наоборот, дал о нем в своей газете крайне резкий отрицательный отзыв. Интересовались делом Неплюева и сектанты, но их отталкивал его церковный характер. По некоторым вопросам произошло и между нами расхождение, и я предпочел уйти на обычный церковный приход, а потом, по слабости здоровья, на законоучительство в среднюю школу. Братство пережило революцию, и его представители участвовали во всероссийском церковном Соборе 1917 года. С приходом к власти Советов Братство было закрыто правительством "за ненадобность", ввиду его несоответствия идеологии большевизма.

Мы рассказали об опыте Неплюева как об интересной попытке христианизации русской общественности в лоне Православия, как о практическом разрешении вопроса о православно-христианской общественности. Самому же Н.Н. Неплюеву, как искреннему и самоотверженному христианскому работнику в лоне православной Церкви, да будет вечная благодарная память.

* *
*

Во второй половине XIX века широкую издательскую деятельность предприняла Троице-Сергиева Лавра в лице своего энергичного казначея, архимандрита Никона, в миллионах экземпляров распространившего по всей России свои знаменитые "Троицкие Листки" и более крупные издания. Его примеру в менее широких размерах следовали другие издательства, например фирма Тузова, редакция "Русского Паломника", редакция "Душеполезного чтения", редакция "Кормчего" и т. д. Обращала на себя внимание издательская деятельность (научно-богословская) Мих. Алекс. Новоселова и его друзей. Журналы "Русский Паломник", "Кормчий", "Душеполезное чтение", академические журналы, харьковский журнал "Вера и разум", "Отдых христианина" и проч. имели свой круг читателей. Но вся эта литературно-просветительная работа русских монастырей, духовных академий и семинарий, отдельных лиц и частных фирм была лишь проявлением частной инициативы, и это было, конечно, очень ценно, но это не был авторитетный голос всероссийской Церкви, в ее соборном обнаружении

всероссийская Церковь, как единое целое, себя не проявляла, и не имела возможности себя проявить за отсутствием церковных соборов, а потому и не могла с достаточным авторитетом, силою и успехом влиять на русскую общественную жизнь и бороться с темными явлениями и течениями русской церковной и общественной жизни. А таких было у нас немало и в жизни, и в литературе, и в зрелищах. Русская Церковь как бы боялась и робела и не решалась подняться во весь свой рост и заговорить от имени всего русского верующего народа и его вековых церковных традиций, по заветам и преданию святых апостолов и мучеников и святых вселенских соборов и русского церковного прошлого, хотя Синод, как преемник святейшего патриарха всероссийского, и имел на это полное и бесспорное право, и имел власть авторитетно осудить все темные стороны и явления русской церковной и общественной жизни. Синод проявил в этом случае печальное малодушие.

Приведенные примеры церковной самодеятельности показывают, что в народном сознании в XIX веке уже начинало пробуждаться все более и более сознательное отношение к своей христианской жизни, к сознательному и правильному ее устройению. Самый рост сектантства, хотя и был уродливым явлением, свидетельствовал о том же. О том же свидетельствовали и такие церковные торжества, привлекавшие десятки и сотни тысяч участников со всех концов православной России, как открытие святых мощей и прославление памяти святителя Феодосия Черниговского, преп. Серафима Саровского, святителя Иосафа Белгородского, привлекавшие богомольцев со всех концов русской земли. Эти торжества естественно пробуждали в умах и сердцах их участников сознание того, какою должна быть наша церковная христианская жизнь. Недостаточно только преклоняться перед святостью праведников и просить их молитв и помощи, но надо и самим по их примеру и завету облагораживать и свою личную и свою общественную жизнь, изгонять из нее все уродливое — пьянство, порнографические зрелища и литературу, и если в этом деле оказывался бессильным голос отдельных иерархов Церкви, или даже и самого Святейшего Синода, то надо было прибегнуть к голосу и авторитету всероссийского церковного Собора как выразителя всероссийского православного сознания. Не полицейские должны были следить за образом нашей литературы и наших зрелищ, а наше собственное всенародное христианское самосознание и чувство. Все это особенно

ясно почувствовалось, когда открылся всероссийский церковный Собор 17-го года. В нем почувствовалась та здоровая и могучая народная нравственная сила, которая могла оздоровить и очистить нашу общественную атмосферу от нравственной грязи и порчи. И стало особенно грустно и жалко, что в течение десятилетий и столетий мы пренебрегали и не пользовались этой нравственно-оздоровляющей нашу общественность духовной силой.

Только такими соборами во всероссийском масштабе и можно было и осознать, и преодолеть всякое возникавшее в нашей земле духовное и общественное зло. Очевидно, нам нужно было пройти сквозь все еще предстоявшие нам испытания.

Если бы всероссийские церковные соборы, как орган нашего всероссийского христианского самосознания, устраивались у нас постоянно (как им положено быть по правилам Церкви, а не по усмотрению государственной власти), то вся картина русской общественности приняла бы иной вид: все темные пятна русской общественности были бы у всех перед глазами, и была бы возможность организовать во всероссийском масштабе планомерную борьбу со всеми темными явлениями нашей жизни средствами и силами самого верующего общества. И эта задача и эта работа остались нерассмотренными и неосуществленными.

Виктор АКСЮЧИЦ

70 ЛЕТ ВАВИЛОНСКОГО ПЛЕНЕНИЯ К судьбам русской Церкви

Все, происходящее в современной России, определяется противостоянием двух мировых сил: *реальности* и *небытия*, т. е. русского Православия и исторической России, с одной стороны, коммунизма и СССР, с другой. Отсюда и положение русской Церкви складывается как результат борьбы коммунизма с духовными основаниями реальности.

В чем сущность *коммунистического атеизма*? Это, прежде всего и по существу, радикальнейшая в мировой истории богоборческая сила. Коммунизм, как идеология разрушения Божьего творения, есть стремление к небытию и концентрация в человеческой культуре антибытийных сил. Это внедрение "духов злобы поднебесных" (Еф. 6, 12) в реальность через социальный план жизни, порабощение и разложение человека через социум.

На что нацелен коммунизм в глобальном масштабе? Он мог бы физически уничтожить цивилизацию. Но, во-первых, всеобщему истреблению противостоит сила, которую можно назвать инстинктом жизни человечества, т. е. стремление человечества сохраниться как род. Эта интегральная натуральная сила действует и в тех, кого уничтожают, и в тех, кто уничтожает — в палачах. Коммунизм и стремится обойти непреодолимое сопротивление всеобщей силы жизни и столкнуть мир на тот путь, который, с одной стороны, легче достигим, с другой же, больше соответствует эзотерической его цели. Как небытийная сила, коммунизм нацелен не столько на истребление человечества, сколько на духовную гибель человека. Духовно же человек гибнет не с физической смертью, а продавая свою душу в жизни.

Таким образом, конечной целью коммунизма является установление во всемирном масштабе таких форм существования, которые были бы разрушением Божьего творения и установлением дьявольского царства на земле. Полное отсутствие подлинной жизни и есть духовное небытие. Вечное адское прозябание на земле можно вообразить себе, представив, что сталинизм охватил

весь мир и установился навечно, или же представив полную реализацию утопии Орвела. Это был бы фантом жизни, дьявольский мираж, вечное наваждение. Физически люди продолжали бы существовать, но это абсолютно механическое, натуральное существование и было бы формой небытия.

В свете этого становится понятным злоедейский смысл эпитафии к "Коммунистическому манифесту": "Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма". На что нацелен коммунизм, видно там, где ему удалось зайти достаточно далеко: в сталинском СССР — "первой в мире стране социализма", в Албании — "первой в мире стране полного атеизма", в Камбодже Пол-Пота. Этот опыт показывает, что установлению призрачных форм существования люди сопротивляются меньше, чем полному физическому истреблению, ибо человека легче обольстить иллюзией жизни, нежели отобрать у него жизнь. Коммунизм допускает человека к существованию для того, чтобы создать условия его духовной гибели. Оставляя обломки жизни и остатки связей, которые человек боится потерять, коммунизм шантажирует смертью и заманивает в ловушку. Грозя отобрать последние ценности жизни, коммунизм заставляет человека все больше предавать своих близких, отказаться от высших идеалов, продавать себя. Пугая смертью, коммунизм отбирает душу. Сильные же духом приговорены к физическому истреблению. Это попытка всеобщей селекции небытия. Но убитый — умирает мучеником, душа его не тронута, он оказывается силой духовного противостояния небытию. Обольщение же ведет к духовной смерти. В плане вечности и спасения прельщение адской жизнью опаснее, чем физическая гибель.

Таким образом, противостоять мировой злой силе можно только силой духа, беззаветной верой в божественные основы жизни и непреклонным мужеством перед лицом смерти. Только когда мы готовы пожертвовать всем, в том числе и собственной жизнью, ради сохранения своего божественного достоинства и свободы, только тогда мы способны сохранить и саму жизнь и высший ее смысл. Продав душу, человек теряет все; сохранив душу, он все приобретает.

Отсюда понятно, почему основной удар коммунизм сосредотачивает на духовной сердцевине бытия: *полном уничтожении Церкви*, как тела Божия в мире, и *окончательном искоренении религиозного чувства и веры*, как связи человека с божественными своими основаниями. Все реальности жизни последовательно

захватываются коммунизмом, чтобы быть обращенными на разрушение божественного достоинства человеческой личности как персоналистического стержня бытия. Поскольку христианство есть высшее откровение личности — явление личности Божественной в личности человеческой, — то коммунизм есть радикальное антихристианство.

Все это требует от коммунизма *стратегической программы* захвата и тотального переустройства мира и человека, что, в свою очередь, диктует и специфическую *тактику*. Коммунистическая экспансия направлена одновременно вширь и вглубь реальности. Первое направление — это захват материала, из которого строятся ступени в ад. Так как у зла нет "собственной" плоти, то оно всегда паразитирует на реальности, что требует завоевания все новых ее областей. Второе направление — это вытравливание богочеловеческого начала на завоеванной территории, превращение захваченного в новую фалангу злой силы.

Тактика коммунизма может быть невероятно гибкой (отсюда беспрерывно меняющиеся русла "генеральной линии партии") именно потому, что для него в реальности нет ничего самоценного. Коммунизм готов пожертвовать чем угодно ради сохранения *возможностей* дальнейшей экспансии и уничтожения, т. е. сохранения плацдарма в реальности. Сбережение коммунистических сил в отдельном регионе может быть более важной задачей, чем даже полное их торжество ценою собственной гибели. Коммунистическая когорта, в конечном итоге, предпочтет временное отступление — частной победе ценою "самопожертвования".

Стратегия и тактика мирового коммунизма полностью сформировалась при захвате России — первого плацдарма небытийных сил. И по опыту России можно "в чистом виде" изучать действие мировых атеистических сил.

Коммунизм упорно "набирает" реальность, чтобы выстроить из нее прельстительные вежи к пропасти небытия. Идеология, как система мировоззренческих норм, нужна, чтобы соблазнить умы. Умы нужны не сами по себе, а чтобы воспитать из них "вождей" и "авангард", из которых необходимо сколотить "такую партию". Партия нужна как рычаг для захвата государственной власти в "слабом звене" цивилизации. Но и политическое господство не самоцель. Государственная мощь нужна для того, чтобы направить ее на прямое уничтожение одних сфер жизни, подавление и пере-

делку других. Хозяйственный механизм захватывается и централизуется для того, чтобы создать с его помощью бронированный кулак подавления и экспансии ("индустриализация" и "коллективизация" проводятся ради тотальной милитаризации). Культурная и общественная жизнь подчиняется нуждам идеологического наступления ("культурная революция"). Все социальные группы и классы должны выстроиться в коммунистическую фалангу ("социальная революция"). Таким образом, большая часть исторического тела России должна отсечься и уничтожиться ("уничтожение классового врага"), оставшаяся болванка выковывается ("перестройка") в мировой гаран коммунизма.

Шаг за шагом коммунизм стремится уничтожить и перековать *все*, на чем запечатлена богоподобность исторического творческого человека, держа основное направление удара на сферу Божественного присутствия в мире — личность, как венец Божьего творения, Церковь, как соборное единство в Боге свободных духовных личностей, и религию, как связь человека с Богом. Естественно, что на всех ступенях внедрения в реальность коммунизм сталкивается с ее сопротивлением. Но основные импульсы борьбы исходят из духовных, религиозных основ реальности. Поэтому русское Православие и явилось основной антикоммунистической духовной силой в России.

Вместе с тем, с самого начала антидуховного нашествия на Россию — русскому христианству не доставало *осознания радикального зла* всяких идеологий. Когда коварнейшая и мощнейшая в истории антихристианская сила стала внедряться в Россию, она не была вовремя опознана. В силу ряда исторических причин, в русской Церкви складывалось примиренческое отношение к духам коммунизма, мировоззрение же культурного общества становилось все более атеистическим. Как пастырь и духоводитель народа, Церковь не смогла оказать духовного сопротивления идеологическому заражению России и мобилизовать национальное сознание на борьбу со смертельным духовным искушением. Это все и было метафизической причиной катастрофы 1917 года.

Духовное противостояние коммунизму началось только после захвата им государственной власти в России, когда обнажается антихристианская, античеловеческая природа коммунизма и он обрушивается на Церковь и народ всю мощь государственных гонений. Но даже в годы кровавой Гражданской войны в народе и у его

духовных пастырей *не доставало полного осознания* inferнальной сущности коммунизма. Свидетельством этого являются документы Поместного Собора 1917-18 годов и послания патриарха Тихона.

Собор не был готов дать надлежащего суждения о новой власти. Большинство церковных деятелей смотрело на большевиков, как на разбойников, узурпаторов и гонителей Церкви, но не как на силу, планомерно готовившую полное уничтожение Церкви и гибель человечества. Хотя природа коммунизма к тому времени была достаточно ясна из учения его основоположников.

На Соборе раздалась только отдельные пророческие голоса. Таково выступление прот. В.И. Востокова, в котором он называет социализм-коммунизм "антихристианским движением", "антихристианским злым явлением". Вину за распространение этой "заразы" профессор возлагает на русскую, в том числе и церковную, интеллигенцию. Он призывает к "всенародному искреннему покаянию" за "наше попустительство развитию в стране злых учений и насилия". Но это чистое и глубокое осмысление сущности коммунизма еще не было доступно церковному сознанию. Предложение прот. В.И. Востокова издать от лица Собора разоблачающее суждение о тлетворности учения социализма не получило поддержки.

В посланиях патриарха Тихона 1918г. анафематствуются совершающие насилия и убийства, оскверняющие святыни, посягающие на церковное имущество. Но в них нет разоблачения природы атеистической идеологии как таковой, нет и квалификации сущности коммунистической власти. Патриарх признавал ее как власть "кесаря", порожденную силами мира сего, а не inferнальными началами.

Это всеобщее недопонимание природы коммунизма и было решающей причиной того, что духовные силы России оказались ослабленными, раздробленными и разгромленными поочередно.

Уже в 1918г. атеистическая власть планировала полное уничтожение Церкви. Но всенародное сопротивление коммунизму, вылившееся в Гражданскую войну, сорвало эти планы. Натолкнувшись на каком-то этапе на непреодолимое сопротивление духовных сил народа, коммунизм вынужден был отказаться от первой попытки *полного* захвата. И здесь впервые проявилась общая закономерность идеологической экспансии: тотальные наступления идеологии небытия сменяются периодами "НЭПов" и "оттепелей", т. к.

очередное наступление захлебывается, натолкнувшись на глубинное духовное противостояние, которое проявляется в различнейших формах и во всех слоях народа. Перед угрозой потери власти и необходимостью "самопожертвования" — силы безбожия вынуждены отступить для перегруппировки, выбора нового направления удара, разработки новых методов войны.

Ослабевшая в наступлении атеистическая идеология стягивает в период "оттепелей" свои щупальцы и вынуждена выпустить дозированную часть подавляемых и уничтожаемых исторических сил, чтобы насытиться их энергией. Небытие паразитирует на бытии, питаясь его энергией и плотью. Похитив очередную порцию реальности с помощью широкого спектра средств: коварства, прельщения, фикций, иллюзий, прямого обмана, шантажа и запугивания, — укрепившийся коммунизм перегруппировывает силы и начинает новое наступление в новом направлении.

Причем, во времена отступлений-оттепелей коммунизм готов пожертвовать многим, чтобы только сохранить главное: *возможности и силы для возобновления экспансии*. Контроль над частной жизнью может ослабнуть ради сохранения контроля над жизнью общественной и культурной. В сфере культуры идеологическое давление может уменьшиться ради сохранения сил для жесткой централизации экономики — условия материальной мощи коммунизма. Но даже экономическая жизнь может постепенно освобождаться, если без этого невозможно удержать ускользающую власть над мощным плацдармом. Многим коммунизм может жертвовать, даже политической централизацией, ради сохранения партии — рычага власти. Но и государственной властью коммунизм может поступиться, как последней жертвой ради мировой экспансии, — если трансформацию власти в одной стране можно использовать для идейного заражения и прельщения умов в других.

Но коммунизм по природе своей *никогда* не способен искренне предоставить свободу личности, религии и Церкви, ибо по существу вопрос стоит так: либо христианство, с его утверждением метафизических основ жизни, либо антихристианский коммунизм. Но атеистическая власть может идти на временный и вынужденный компромисс и с духовными началами жизни, стремясь использовать их в своих стратегических целях.

В наступившей при НЭПе первой передышке атеистические силы переходят к тактике внутреннего разложения Церкви в соче-

тании с отдельными жестокими ударами по наиболее стойким ее областям: инспирирование и поддержка "обновленчества", с одной стороны, и кампания по "изъятию ценностей", суд над патриархом Тихоном, смертные приговоры многим епископам и священникам, — с другой. Закрываются храмы, множество христиан, сопротивляющихся разгрому Церкви под видом "изъятия ценностей", ссылаются в лагерь. Но тех, кто проявляет верноподданничество — до времени оставляют в покое. Особенным благоволением власти пользуются "обновленцы", которые опережают друг друга в заявлениях преданности и доносах на стойких своих собратьев.

"Сложным" подходом и выборочными ударами "оттепель" отличается от периода тотального наступления, когда уничтожаются все носители чуждого идеологии духа, вне зависимости от степени лояльности.

В этих сложнейших условиях, вместе с духовной стойкостью, вновь проявилось слабое понимание христианами сущности коммунизма. Церковь относится к советской власти, как к плохой, но по природе своей — мирской власти. Недоставало духовной пронизательности и отчаянного мужества осознать, что это — первое в истории воплощение власти одержимых злой силой. Но заражение идеологией всеуничтожения давно проникло и внутрь русского христианства. Церковь подверглась обновленческому расколу прежде всего из-за распространившихся в ней социалистическо-коммунистических соблазнов.

С начала революции, наряду с сопротивлением гонению на Церковь, в Московской Патриархии начинается поиск компромисса с безбожной властью. Уже в послании от 26 июля 1918 г. патриарх Тихон пишет: "Мы, служители Христовой Истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной, якобы, к ниспровержению советского строя. Но мы с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы, установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа... Повинуйтесь всякому человеческому начальству в делах мирских (1 Петр, 11, 13), ... не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию".

Все последующие послания тоже показывают, что патриарх не видел в коммунистической власти ее открыто сатанинского характера и пытался найти с ней компромиссный тон в тот момент,

когда все ее "веления" относительно Церкви вопиюще противоречили вере и благочестию христиан. Понятно, что послания эти не были выражением принципиальной позиции Церкви, а были вынужденной попыткой остановить кровопролитие и сохранить церковную организацию. Но вместе с этим они свидетельствуют о недооценке сущности силы, обрушившейся на Россию и Церковь.

Примиренческий процесс в Церкви приводит к знаменитому Посланию местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия от 16/29 июля 1927г., которому предшествовал ряд драматических событий. После третьего ареста в декабре 1926г. митрополита Сергия, было объявлено о получении возглавляемой им Церковью легализации и разрешения образовать временный Патриарший Синод. Под угрозой отмены полученных разрешений и расстрела многих арестованных церковников, Синод провозглашает "лояльность" к советской власти. Поскольку Церковь и без того не вела с властью борьбы с оружием в руках, то "лояльность" в данном случае означала "непротивление словом", т. е. *признание* идеологии коммунизма. Отныне Церковь, ради сохранения легального богослужения, осудила себя на отказ разоблачать ложь идеологии и насилие власти коммунизма.

Но, отказавшись обличать зло коммунизма, Церковь вынуждена признавать власть зла как такового, что и выражено в Послании: "Мы, церковные деятели, не с врагами нашего советского государства . . . , а с нашим народом и правительством. . . . Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти могут быть . . . не только изменники ему (православию), но и самые ревностные приверженцы его. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза не только из страха, но и по совести".

Таким образом, к злу невозможно нейтральное отношение. Из признания злого начала следует заявление о преданности ему, а отсюда неизбежно вытекает его восхваление, — таковы законы всякого компромисса со злой силой: "Выразим всенародно нашу благодарность и советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения". Отныне, чтобы избежать ликвидации, Церковь вынуждена будет все время доказывать безбожью свою "полезность" для него.

Конечно, это не было исповеданием убеждений, а было скорее вымученной сделкой. При этом руководствовался митрополит Сергий и его сторонники не малодушием и безверием. Они считали

своим архиерейским долгом любой ценой сохранить церковную организацию. Но как бы то ни было, все это — чудовищный, невиданный доселе компромисс христианства с открытым безбожием. Он породил в Церкви современное раболепие, множество двусмысленностей и подмен...

Была ли неизбежной эта вынужденная тактика — покажет будущее, сейчас же обнажилось, что по природе коммунизма все его уступки и компромиссы неизбежно кончатся новой попыткой возобновления идеологического захвата. С 1928г. кончается передышка НЭПа и коммунизм переходит к тотальному разгрому всех положительных сил России. Закрываются почти все храмы — и Патриархии, и обновленческие, — все духовные школы, все монастыри. Архиереи, священники, монахи массами съезжаются на гибель в лагеря. К середине 30-х годов во всей России остается всего несколько храмов, на свободе только несколько епископов. Русская Православная Церковь целиком разделила страдальческую судьбу своего народа. Христиане показали в этой борьбе негибаемую духовную стойкость.

В эти годы из не признавших церковную политику митрополита Сергия формируется церковное "подполье" — "Катакомбная Церковь". Один из ее руководителей, епископ Дамаскин, в 1929г. пришел к убеждению, что "влиять на широкие слои народа потеряна всякая возможность", и потому он стал думать о "малом стаде", "не о спасении большинства, а меньшинства".

Обращенное же к "большинству" православного народа руководство разгромленной Московской Патриархии в этих условиях ценою огромных религиозно-моральных жертв всеми силами пытается сохранить остатки церковной организации. Казалось бы, последовавшие после достигнутого в 1928г. компромисса жестокие гонения показали неоправданность тактики сторонников митр. Сергия. Но сохраненное сейчас в будущем послужит возможности богослужения в тысячах храмов, проповеди Слова Божия миллионам людей, открытию духовных школ.

Так различные до противоположности церковные позиции неисповедимо складывались в единый фронт против атеистического нашествия.

Амплитуда идеологического маятника — гонений-оттепелей — и мощь всякого последующего удара во многом зависит от силы

духовного сопротивления коммунизму, т. е., в конечном итоге, от духовного состояния народа и Церкви. За годы тотального наступления коммунизма в русском христианстве окрепло истинное понимание природы коммунистической идеологии. Только поэтому народ смог пойти на единственный в данных условиях путь радикальной борьбы с коммунизмом — массовое мученичество. В крови миллионов мучеников и захлебнулось последнее глобальное наступление атеистического коммунизма.

В 30-е годы в духовном эпицентре борьбы решился ее исход. Ни организованное Белое движение, ни формы политической борьбы с советской властью, ни культурное либо хозяйственное сопротивление, ни различные виды "оппозиции", — при всем историческом значении этих явлений, — не они сыграли решающую роль в борьбе с коммунизмом. Некая глубинная духовная доминанта суммировала сопротивление небытию. Коммунистическое нашествие было остановлено миллионами, принявшими мученичество за веру в Бога и защиту божественного достоинства жизни и человека. И только благодаря этой беззаветной жертве удалось сохранить легальные остатки Московской Патриархии.

В целом можно сказать, что судьба христианства в СССР есть нерв судьбы России. Русские христиане и русские крестьяне (как наиболее верующая основа народа) и оказали основное сопротивление коммунистическому вторжению. По этому духовно-телесному хребту России — христианству и крестьянству — и был нанесен основной удар. И если Церковь осталась жива в России, то не по соизволению атеистической власти, а вопреки всем ее намерениям и действиям.

Беспрецедентные человеческие жертвы от власти атеистической идеологии явились следствием именно духовного сопротивления, а не идеологического задания, ибо человеческий материал России нужен коммунизму для всемирной экспансии. Это доказывается сравнением с опытом Германии, где родственная идеология пришла к власти в результате добровольного выбора народа и где фашизм не истреблял немецкую нацию, "заботясь" о ней так, как паразит о собственном "хозяине". Германия через три года фактически была полностью поставлена под знамена мировой идеологической экспансии. Россия же была захвачена насильственно в течение четырех лет кровавой Гражданской войны. И для ее полного подчинения коммунизму понадобилось два десятилетия тотального

истребления народа. Германия была освобождена извне, Россия освобождает себя сама. Все это — свидетельство упорного духовного сопротивления России мощнейшим антихристианским силам истории. И это, в конечном итоге, свидетельствует о более стойком христианском жизнеощущении русского народа. Грешная, падшая российская душа в смертельной брани сумела проявить величие характера, прошедшего школу тысячелетнего христианского воспитания.

Итак, атеистическо-коммунистическое нашествие было остановлено в России силой религиозного в своей основе сопротивления. Но смертельная опасность угрожает России до полного освобождения, ибо борьба только переходит в новые измерения, и силы небытия еще способны нанести коварный удар. Жертвы мучеников дают возможность окончательно преодолеть коммунистическое помутнение. Состояние же русской Церкви, как и всего в России, в каждый данный момент зависит от *взаимоотношения сил* в столкновении.

То, что духовные силы народа не сломлены окончательно, проявилось в новой Мировой войне, во времена так называемой "сталинской оттепели", когда вожди советского коммунизма, во имя самосохранения и защиты решающего идеологического плацдарма, вынуждены были выпустить из подполья реальности *религиозного, национального и личностного* самосознания. Ибо народ мог воевать только за бытийные ценности и реальную свободу, а не за коммунистические фикции. Вопреки реалиям страшной войны, в стране впервые за долгие годы стала пробиваться атмосфера здоровых человеческих взаимоотношений.

В 1943 г. выпускаются из лагерей уцелевшие епископы, священники, монахи, затем заседают Поместный Собор Московской Церкви, избирается патриарх Сергей, открываются храмы, монастыри, церковные школы и издательство. Все это крайне дозировано властью, но на фоне предыдущего истребления выглядит новым рождением. В обмен на такие "щедроты" Московская Патриархия окончательно смиряется со своим униженным положением, в ней больше не звучит свободный голос. Безбожная власть не только легализуется в глазах христиан, но и всячески поддерживается Церковью.

В этих условиях, одновременно с улучшением религиозного состояния христианства и Церкви, окончательно складывается тот

прельстительный компромисс иерархии Московской Патриархии с властью, который продолжается до сегодняшнего дня. Нарождается религиозное двоемыслие, которое дает возможность оправдать свое ложное положение. Многие христиане как бы забывают то неизмеримое зло, которое принес России коммунизм, и вынуждены быть благодарны тому, кто вернул хотя бы часть прежнего. Поэтому из уст церковников нередко до сих пор можно услышать чудовищные суждения о Сталине как спасителе и защитнике Церкви. Ощущение зла коммунизма вновь сильно притушается. Ложно ориентированное религиозное сознание пытается обнаружить другие источники всех бедствий где угодно, но только не в себе и не в России. Так формируется очень распространенный среди православной иерархии синдром сознания, который можно выразить примерно так: "Наша русская советская власть защищает православие и нас от мирового заговора папизма, протестантизма, жидомасонства, разврата демократии..."

Таким образом, годы свирепых гонений лишили не только идеологическую власть внутренней мощи, но и обескровили русскую Церковь, изуродовали духовно-нравственное состояние народа. В борьбе погибло большинство лучших людей России и христианства. Оставшиеся в живых были во многом внутренне сломлены и подвержены всяческому искушениям века сего. Наступили долгие годы трудного восстановления утраченных сил и очищения религиозной совести, годы возрождения духовных сил народа.

Сумев сэксплуатировать религиозный, патриотический и личностный порыв народа, власть после войны пытается вновь его заглушить. Но на то, чтобы сделать это полностью, у нее уже не хватает мощи. Вышедшие на арену силы реальности начинают менять ход истории, открываются новые ее горизонты.

После эпохи сталинизма идеология вынуждена окончательно отказаться от тотального наступления внутри страны и перейти к тактике, сочетающей уступки с целенаправленными региональными захватами. Десталинизация и хрущевская оттепель отражали необходимость очередного сужения области идеологического давления ради сохранения власти коммунизма. Власть всеми силами пытается паразитировать на вновь освобождаемых реальностях — строго регламентированной демократизации некоторых областей жизни. Но законы сохранения власти коммунизма требуют, по

мере ослабления идеологического контроля в отдельных областях, увеличения давления на духовный центр реальности: начинаются жестокие хрущевские гонения на Церковь и христиан. В планах было полное уничтожение религии, но власть вынуждена вновь остановиться перед перспективой массового мученичества, которое в новой исторической ситуации могло сильно подорвать международный престиж и внутреннюю мощь СССР. Коммунизм очередной раз принужден менять тактику и направление удара.

Власть проводит в Московской Церкви печально известную реформу 1961 г., которая предоставляет новые возможности для внутреннего разложения церковного организма. Священник полностью отделяется от административной, хозяйственной и финансовой деятельности прихода и только занимается по договору как "служитель культа" для "удовлетворения религиозных потребностей" "религиозного объединения". Упраздняются епархиальные органы управления жизнью приходов: централизованные бухгалтерии, ревизионные комиссии, производственные, ремонтные мастерские... Теперь атеистическая власть не только производит "регистрацию" (право разрешения) священника и "исполнительного органа", но и целиком контролирует хозяйство и финансы прихода, назначает старосту и казначея, используя свои права, естественно, в нуждах атеистического разложения Церкви.

Статус епископа и патриарха в Церкви вообще никак не оговаривается законодательством, то есть архиерейство не имеет никакого *законного* права влиять на жизнь приходов. "Уполномоченные" "Совета по делам религий" при исполкомах являются толкователями церковной законности и высшими судьями во всех вопросах жизни Церкви. Всем этим разрушается организационная структура Патриархии, она поддерживается отныне законами, написанными в сердцах верующих, а не на бумаге (последние, кстати, мало кто из церковного народа и знает). Для прихожан голос батюшки, а тем более епископа и патриарха по-прежнему является главным авторитетом во всех вопросах. Но все действия священства и архиерейства теперь целиком определяются "уполномоченными" атеизма.

Отдельные голоса сопротивления этому антицерковному преобразованию были жестоко подавлены. Некоторые иерархи и священники лишились своих мест и были сосланы. Митрополит Крутицкий Николай, который открыто высказывался против проведения подобных "реформ", заплатил жизнью — погиб

в больнице на пустяковой операции. Большинство же иерархов и священства вынуждено было приспособиться к новым условиям ценою еще большего компромисса христианской совести.

Но именно в эти годы в Церкви зреют свободные силы духовного сопротивления антихристианскому разложению. К концу хрущевской оттепели зазвучали глубокие проповеди о. Дмитрия Дудко, публицистика о. Сергия Желудкова. Появляется открытое письмо о. Глеба Якунина и о. Николая Эшлимана патриарху, с обличением пассивности епископата и требованием свободы Церкви, установления между Церковью и государством правовых отношений. Нарождается свободная христианская общественность. Примерно в это же время группа восьми архиереев, возглавляемая архиепископом быв. Калужским Гермогеном (Голубевым) обратилась к патриарху с предложением пересмотреть постановление 1961 г. о приходском уставе, как несоответствующее православному учению о Церкви.

Вся эта деятельность видимым образом ничего не изменила в церковной жизни, но она кристаллизовала идеи будущих преобразований и постепенно освобождала умы людей.

В брежневский период идеологическая власть вынуждена окончательно отказаться от наступления на реальность и сосредоточить свои ослабевшие силы на общем сохранении захваченного и на тонкой, медленной инфильтрации в духовные центры жизни. Наступает эпоха внешней консервации и стагнации, при внутренней деградации. Взрыв внешней экспансии в этот период объясняется, с одной стороны, инерцией накопленных материальных сил агрессии, с другой же, необходимостью скорейшего захвата новых плацдармов коммунизма перед угрозой потери основного мирового плацдарма — России.

Заложенные реформой 1961 г. возможности внутреннего разложения Церкви теперь реализуются в полной мере. Атеистическая власть протягивает щупальцы до самых заветных сфер внутрицерковной жизни, подвергая все строжайшему контролю и запрету, инспирируя разложение. Церковные кадры бдительно фильтруются: желательно, чтобы архиерей, священник и староста — были скрытыми атеистами или стукачами, в "худшем" случае — людьми слабовольными, малодушными или безнравственными.

В этот период большинство иерархов и священства поддаются настроению смиренчества, апатии и благодушия. Но так как идеоло-

гическое давление на Церковь по существу не уменьшается, а только приобретает коварно тонкие формы, то позиция духовного бездействия неизбежно вырождается в сервиллизм и религиозную беспринципность. Только малая часть священства оказывает глухое сопротивление идеологическому разложению.

Многие религиозно твердые христиане уходят в сектантство, страну заливают волна баптизма. Эта сфера религиозной жизни почти неподконтрольна для властей, и потому они вынуждены пойти на некоторые уступки Московской Патриархии; кое-где несколько увеличивается рукоположение священников, к концу брежневского периода скромно расширяется набор в духовные школы.

Но в этот же период в полной мере проявляются силы свободной христианской общественности, небывалый размах приобрела проповедническая и пастырская деятельность о. Дмитрия Дудко. В 1972 г. Александр Солженицын обращается с "Великопостным посланием" к патриарху Пимену. Писатель доказывает необходимость для руководства Патриархии возмечь, наконец, собственное мнение и подать голос в защиту разрушаемой Церкви. На это возражает о. Сергей Желудков, который считает, что не своевременно требовать от епископата исповедничества. На эту тему завязывается живая свободная дискуссия. Организуется христианский семинар Александра Огородникова и Владимира Пореша. О. Глебом Якуниным создается комитет защиты прав верующих. В самиздате выходят свободные религиозные журналы: "Община", "37", "Надежда", появляется волна святоотеческой, богословской и религиозно-философской литературы. В зарубежных изданиях все больше печатается религиозных писателей из России.

Этот процесс был назван "религиозным возрождением" в России. Но это было не возрождение, а пробуждение религиозного сознания, только началом долгого пути религиозного оздоровления. Процесс этот был локализован и не охватил сознания всего церковного народа. Но созданное в те годы меняет духовную атмосферу в стране, семена возрождения явно посеяны в душах многих людей, в них что-то с тех пор медленно, но меняется.

В этих условиях власть, не имея сил на тотальные гонения, переходит к целенаправленным последовательным репрессиям против очагов духовного сопротивления. Медленно, но упорно, применяя широкий спектр методов подавления, власть в течение

двух десятилетий брежневско-андроповской стратегии полностью разгромила и светские, и религиозные формы оппозиционного движения. Одни борцы отправлены в лагеря, тюрьмы, спецпсихбольницы, другие — в ссылку или изгнаны за границу, третьи сломлены внутренне. Казалось бы, атеистическо-коммунистическая идеология может вновь торжествовать полный успех. Но здесь-то и сказались результаты упорной духовной борьбы с необытной экспансией.

В этот момент сошлись три исторических фактора, которые ставят под сомнение успехи коммунизма в России:

— во-первых, судя по всему, даже узконаправленные репрессии, натолкнувшись на духовную стойкость сопротивляющихся, привели к тому, что выдохлись последние силы внутренней экспансии коммунизма: "дракон" перемолол многие "орешки", но и сточил наконец свои зубы;

— во-вторых, два десятилетия полной стагнации приводят к тому, что отказ от решения жизненно важных проблем теперь уже ставит под угрозу саму власть коммунизма;

— и, в-третьих, духовное возрождение, разгромленное на поверхности, уходит вглубь, концентрируясь и постепенно преобразуя жизнь изнутри.

Итак, борьба России с коммунизмом проходит следующие этапы: ленинский — захват идеологией государственной власти; сталинский — тотальное идеологическое наступление и его внутреннее поражение; хрущевский — идеология вынуждена перейти к тактике отступлений и частичных захватов; брежневский — идеология сосредотачивает ослабшие силы на сохранении достигнутого внутри страны: "ни шагу вперед, но ни пяди назад". Эта попытка полной консервации жизни может быть только временной, и под напором реальности идеологические силы, во имя сохранения власти над Россией, вынуждены вновь принципиально сузить сферу подавления, чтобы на хребте освобожденных сил продлить свой путь.

С таким багажом Россия входит в новый исторический период, который связан с именем Горбачева. Это очередной этап борьбы духовных сил реальности с необытными стихиями коммунизма, в нем все по-новому соотносится и распределяется.

Перед перспективой скорой потери власти коммунистическая идеология пытается очередной раз изобрести свою тактику: таким

образом сдать определенные свои рубежи, чтобы укрепиться на оставшихся. Этим и только этим объясняется необходимость и для коммунистов всяческих реформ. Перед альтернативой: быть тоталитарными владыками страны, быстро превращающейся в слаборазвитую, или ценою ограничения своей власти остаться во главе мощной державы, — коммунисты, скорее всего, предпочитают последнее. Ибо это больше соответствует их человеческим амбициям (которые при мягкой форме идеологического помутнения проявляются довольно сильно), и внутреннему заданию идеологии: распространению коммунизма во всем мире. Коммунизм в России, после обнаружения бездн ГУЛага, всеми силами стремится быть в глазах всего мира по-человечески привлекательным.

Содержательно современный процесс перегруппировки идеологических сил можно характеризовать как переход от чисто коммунистической формы идеологии — открыто необытной и наиболее смертоносной (при Ленине и Сталине), через форму социалистическую — отравление жизни фикциями социальных благ ("эпоха развитого социализма"), к формам фашистским. Фашизм, вопреки сложившемуся представлению, по внутреннему счету есть наиболее мягкая форма единой идеологии социального небытия, ибо он предлагает человечеству не чисто необытные идеалы коммунизма, и не фикции социализма, а ценности реальные, но абсолютизированные. Фашизм есть гипертрофия идеи государства (этатизм) и гипертрофия идеи нации (шовинизм). Абсолютизация частного неизбежно ведет к разрушению иерархии бытия. И потому — это первый решительный шаг из реальности к небытию. Но при медленном возвращении из гипноза небытия в реальность жизни — тоже приходится проходить те же ступени, по которым сознание скатывалось в пропасть. Очевидно, такой этап возврата, полный своих смертельных опасностей и искушений, проходит сейчас Россия.

Разумеется, здесь термин "фашизм" не означает тождества с фашизмом германским или итальянским. Безусловно, что это исторически скомпрометированное слово не войдет в советский идеологический лексикон. Но речь идет о характеристике смысла и внутреннего содержания новых форм господствующей идеологии. Не называясь фашизмом, это будет идеология абсолютизации государственной мощи и национального величия, в чем и состоит сущность фашизма. Причем, как при всякой идеологизации, пред-

ставления о природе и роли государства и нации в России будут крайне искажены. Если же проводить исторические аналогии, то устанавливающийся в современной России строй более всего будет сходен с фашистским режимом Франко в Испании.

В новых условиях идеология будет вынуждена несколько расширить сферу свободного существования, при условии лояльности к новым идеалам власти. Но границы недозванного могут оговариваться более строго и их нарушение может караться даже более круто, чем в эпоху "развитого социализма". Для христиан в России это может привести к предоставлению большей свободы внутрицерковной жизни, при условии полного послушания в границах оговоренного и славословия Церкви "родной советской власти". Сфера разрешенного будет значительно расширена, но зато всякие формы неофициальной деятельности будут по-прежнему караться. Особенно жестоко будут репрессироваться все действия, направленные против новых основополагающих идеологических догм: "советского государства" и "новой общности — великого советского народа". Советский фашизм будет бдительно охранять свое кредо и последний форпост идеологии в России. Вместе с тем, идеология будет стремиться использовать палитру возрождающейся духовной, культурной и общественной жизни в целях укрепления идеологического господства.

В конечном итоге, сфера и границы свободы будут очерчены не самой идеологической властью, а сложатся в результате борьбы с общественными и духовными силами России. Чем больше в этот решительный переходный момент силы реальности отобьют у идеологической власти, тем значительнее будет область оздоровления, когда идеология закрепится на новых позициях. И здесь самое главное для всех духовно здоровых людей, особенно христиан, — суметь отделить "овец" от "козлищ". Научиться обнаруживать все выходящие из рабства или вновь зарождающиеся силы реальности, поддерживать их своим творческим усилием, отделить от идеологической эксплуатации, очистить от идеологического заражения и направить в сторону созидания, а не разрушения божественного образа бытия. Новая ситуация порождает новые духовные опасности и соблазны, но она же предоставляет новые условия и шансы для борьбы с духами небытия, когда борьба переходит из измерений внешних, политических, — во внутренние, духовные и нравственные.

Так же, как его "великие" предшественники, Горбачев, судя по всему, первым понял современное состояние и возможности идеологических сил, почему и оказался выразителем идеологической доминанты. Он стремится к власти, "талантливо" используя идеологическую и реальную конъюнктуру, а идеологические духи используют его волю к власти для сохранения и укрепления собственного могущества. Но борьба переходит в такие формы, когда заставляет идеологически зараженных *подлинно* соприкасаться с реальностью, отказываться от многих идеологических шор, то есть все больше жить по законам бытия, а не антибытия.

Парадокс современного положения в том, что, вынужденное во имя сохранения и продления власти идеологии провести ряд реформ, идеологическое воинство само подвергается определенной деидеологизации сознания. По логике событий идеологические кадры превращаются из агрессивных догматиков и охранительных консерваторов в прагматиков-реформаторов. А "реформаторы" подвергаются "перевоспитанию" реальными нуждами и реальными жизненными проблемами, которые им приходится решать. Когорта идеологически зараженных впервые вынуждена соприкоснуться со здоровыми силами не только со стремлением их уничтожить или поработить, но и с необходимостью совместных поисков и работы. Современную борьбу за власть над Россией выиграет тот из коммунистов, кто раньше других научится жить в реальности и ее использовать. Но так реальность все больше охватывает и "рассасывает" силы небытия.

Всем этим борьба напрямую становится бранью "не против крови и плоти, но против духов злобы поднебесных". Защита от коммунистической идеологии в современности является борьбой не против людей, а за их души, за наше духовное состояние и за облик души наших "врагов", которые, по заповеди "возлюби врага своего", оказываются не противниками нашими, а заблудшими братьями во Христе.

Становится все более очевидным, что выход из черного провала можно обрести только при возрождении русской православной духовности. Для христиан в России открываются новые возможности духовной брани и делания. Для русской Церкви кончается период кровавой борьбы за самосохранение, и русское христианство становится единственной духовно оздоровительной силой народа. Только христианство может сейчас объединить разрозненные и примирить враждебные силы России.

Возрастание напряжения борьбы христианства со стихиями зла требует не войн, не крови, не распространения ненависти, а прямо противоположного: бескомпромиссности в осознании духовных основ жизни, радикализма в обличении духов зла и отторжении от них, но в жизни — создания атмосферы любви, милосердия и сострадания, кротости и примирения. Непримиримость ко злу и беззаветная любовь к Богу и людям — только эта исходящая от Церкви духовность сможет преобразить современную Россию.

Каковы же источники возрождения русской Церкви и России?

Московская Патриархия сумела сохранить какую-то часть действующих храмов и монастырей, возможность легального богослужения, духовные школы и издания. За все это безбожной власти заплачена огромная цена: отказ Церкви провозгласить радикальное зло коммунистической идеологии, признание советской власти — легальной российской властью (более того — альянс руководства Патриархии с антихристианской властью), молчаливое примирение со всеми гонениями и с непрекращающимся разрушением Церкви (и более того — закрытие храмов по инициативе архиереев или отказ открывать храмы, когда для этого предоставляется возможность). Религиозная совесть архиерейства подвержена сильному смещению и сервиллизму, нравственный облик многих священников вызывает горестное недоумение даже у неверующих. Христианство же многих прихожан может быть поставлено под сомнение.

Можно ли говорить о православии многого происходящего в Московской Церкви, если это целиком диктуется и контролируется антихристианской властью и проходит с чудовищными каноническими нарушениями? — от выборов патриарха и поставления епископов, назначения священников на приход, до организации приходской жизни и официальных богословских заявлений.

Возникает вопрос: могла ли Московская Патриархия смириться с такими неизмеримыми потерями ради сохранения того, что сохранено? Не есть ли долг христианской Церкви вести бескомпромиссную борьбу с безбожной идеологией? Известно, что определенная часть христиан дает на это радикально утвердительный ответ: христианин должен предпочесть смерть или изгнание всякому религиозному компромиссу, а Господь защитит, спасет и вновь восстановит разрушенную Церковь. Но встает вопрос: можно ли вообще что-либо совершить в этом грешном мире с позиции, в которой *все* полномочия человеческого решения и

ответственности возвращены Богу? Но, с другой стороны, христианская совесть не может примириться с чудовищным компромиссом Церкви с безбожием. Полным фарисейством было бы признать все свершившееся — оправданным. И где же найти выход из этой мучительной антиномии?

Но человеческое ли это право — высшего суда и осуждения? Дано ли нам решать: какую цену *могла* или *должна была* платить Церковь в страшной битве? Если мы оставим Богу — богово, сами же сосредоточимся на *своем* — человеческом, и оценим все с позиции смирения и сострадания, то становится понятным, что Московская Церковь, несмотря на неисчислимые грехи и потери, жива пламенной верой церковного народа. И за грешным обликом епископа, священника, мирянина открывается тайна креста каждого: личного вклада, борения и подвига.

Кто-то из инославных братьев сказал: "в российских храмах молятся одни святые". Нет, не святые, а величайшие грешники. Но смиренная молитва и малое дело каждого складываются в великое чудо: русская Церковь стоит зримо на своей земле, храмы полны верующих. Это само по себе действительно чудо, ибо безбожная власть сделала *в с е*, чтобы стереть с лица земли последний храм в России. Наметившийся возврат к христианству происходит сейчас через ту узкую церковную стезю, которую удалось сохранить. Только зримое присутствие Церкви и каждодневные молитвенные возношения в храмах являются основой христианского возрождения в России. Все остальное: христианская литература, религиозная публицистика, индивидуальное благочестие — это важные, но вспомогательные вехи на пути к истинной вере.

У радикального атеизма в годы гонений были все возможности полностью разрушить Московскую Патриархию. Но нарастающее сопротивление, с одной стороны, и компромисс Московской Патриархии, с другой, заставляли власть переносить борьбу в такие сферы, в которых, как при всяком компромиссе, выигрывалось время, приглушалась ярость погрома, находились новые формы противостояния безбожию. Это тоже было причиной того, что прямая атеистическая экспансия захлебнулась. Не уничтожив Церковь в тотальных гонениях, коммунистический атеизм *вынужден* был перейти к методам долговременной осады и внутреннего разложения. Это — новые опасности для Церкви, но и новые *возможности* борьбы, которых не было бы при полном разрушении Московской Патриархии.

Вообще же о Московской Церкви можно сказать, что ее малое безмерно увеличивается в цене оттого, что совершенно в пасти дьявола. Может быть, история еще узнает, когда станет явным сокрытое, что все совершенное в России — за пределами человеческих сил и осуществилось только с Божьей помощью.

За ошибки и грехи наших первоиерархов будет судить Сам Господь. Мы же смиренно помолимся за грешных наших братьев и будем им безмерно благодарны за то, что имеем. Не станем высокомерно судить нашу многострадальную Московскую Церковь, а любовно припадем к Чаше Божьей из ее рук и соборно помолимся в ее храмах.

Единственной альтернативой совершенному внутри страны был путь катакомбный. Им и пошла меньшая часть наиболее верных. Плохо или хорошо оттого что меньшая, а не большая — предоставляем судить Богу. Мы же должны увидеть, что без этого пути русское православие многое бы безвозвратно утеряло. Гонения на Церковь не искореняли религию, а изгоняли стойких верующих в "катакомбы". Наличие большого числа неподконтрольных христиан заставляло власть не закрывать какое-то число храмов. Открытие же храмов и легальное богослужение многих приводило к вере. Так скрытое и явное служение складывались в единое служение Церкви Христовой.

Религиозная бескомпромиссность, чистота православного предания, воспитание духовной стойкости и мужества, ясное и полное осознание inferнальной природы коммунизма, — это духовное достижение русской Катакомбной Церкви. Но и эти религиозные вершины удержаны ценою невозможных потерь: невозможностью окормлять православный народ России и полным отсутствием религиозного влияния, постоянной угрозой потери священнического преемства и вырождения в сектанство, определенной узостью взглядов и чрезмерным нравственным ригоризмом. В таких общинах создается благотворный климат для роста гордыни "избранных" и "чистых".

Но не будем уподобляться малодушным официальным иерархам в осуждении крестоносительного пути Катакомбной Церкви. То, что рядом с нами есть примеры такой негибкой христианской стойкости, — служит не только укором нам, но и неисповедимо оказывается моментом судьбы каждого из нас. Наши сильные духом братья берут на себя часть нашего бремени. Возьмем же и

мы на себя часть их ноши: братской молитвой о прощении грехов их мужественным душам, христианским пониманием их крестного подвига и искренней благодарностью. Только так — разведенные — мы соединяемся в единое соборное церковное тело.

Есть великий промыслительный смысл в том, что в годы тяжких испытаний русские люди понесли свет Православия и "в страну далече". За внешним раздором русских зарубежных церквей в канун тысячелетия русского христианства обнажается православное единство их назначения.

Можно назвать разделение русских церквей в зарубежье — распадом. Но можно увидеть в этом и провиденциальное выделение различных путей единого русского Православия. Если служение "Карловацкой" Церкви требует замкнутости и своего рода избранности меньшинства, то Европейская и Американская русские православные церкви, напротив, воплощают собой *всечеловеческую* открытость русского Православия.

Зарубежным церквам в условиях свободы удается сохранить и развить ощущение самоценности свободы и достоинства личности, что жизненно важно при поприши в России этих великих ценностей. Хотя и недостает всем нам чувства соборного единства русского Православия. От наших братьев в рассеянии звучит нам свободный голос истины Божьей, русской православной культуры, не замутненной идеологией.

Таким образом, истина Православия хранится не в Московской Патриархии или Катакомбах, не в Американской, Европейской или "Карловацкой" церквях. Полнота истины русской Церкви — в соборном единстве *всех* ее членов.

В свою очередь, Московская Церковь являет собой не только организацию Московской Патриархии, но включает весь православный народ в России. Московская Церковь, как центр исхода и схождения, вбирает в себя все содеянное во всех русских церквях. Здесь, в России, осуществится результат соборного усилия единой в духе, хотя и раздробленной телом русской православной Церкви.

Жизнь Московской Церкви — это, прежде всего, духовный труд тысяч неизвестных подвижников, которые безгласно, но настойчиво несут крест своего служения Церкви Христовой. Там — мудрый, добрый священник нешумно сумел склонить местные власти к открытию нового храма или ремонту старого. Там — группа

христиан смело и громогласно добивается открытия храма, а то и монастыря. Там видна торная тропа, по которой со всех сторон стекаются люди к светлому, мудрому старцу. Там — молодой иеромонах источает свет христианской любви такой силы, что отзывается добром каждая встреченная им душа. А там — суровый, пристрастный епископ оказывается рукоположителем стольких священников, что не под силу большинству из его братьев вместе взятых...

Постепенно меняется и дух светской культуры. Лучшие художественные произведения оказываются созданными христианами авторами или же явно обретающими веру. Многие научные гуманитарные труды становятся формой христианского богословствования и религиозной публицистики. В периодическую печать все больше выходит проповедь христианской нравственности. Нередки случаи, когда профессор и студент, известный культурный деятель и молодой дебютант — оказываются прихожанами одного храма.

Это все — медленная черновая работа по восстановлению исторического тела нашей Церкви, русской православной культуры, по возрождению наших душ.

Таким образом, силы оздоровления Церкви подспудно зреют во всех ее сферах: и в жестко просеянном властью, казалось бы полностью рабелепном епископате, и в отторженном от мира монашестве, и в бесправном священстве, и в разрушенной приходской жизни, и в возобновляющейся традиции христианского творчества, и в деятельности свободной христианской общественности. На каждом из этих путей нас ждут свои творческие возможности и свои соблазны. В силу соборного единства судьбы России и Церкви на нас лежит тяжкий груз прошлого. Наступает время подведения итогов: собирания плодов и покаяния за грехи прошлого. То, что раньше было вымученным компромиссом перед лицом смерти, сейчас уже становится уютной и ничем не оправдываемой сделкой совести со злом.

Руководству Московской Патриархии сейчас удобно оправдывать собственное благополучие и косность, называя сложившееся в годы гонений положение Церкви — нормальным и канонически оправданным. Бюрократы Патриархии и бюрократы Совета по делам религии давно нашли взаимопонимание в том, что нужно и что не нужно Церкви. Немногочисленным монахам хочется подальше отгородиться от разгула современного хаоса. Священ-

никам трудно расставаться с зыбким благополучием нанятого и ни за что не отвечающего "служителя культа". Прихожанам храмов хотелось бы сохранить островок благолепной религиозности, где можно временно укрыться от маяты жизни.

Нас сковывает чувство обреченности, неизменности существующего положения вещей, и потому мы стремимся так или иначе оправдать его, называя исторический компромисс христианства с безбожием — истинным православием. Нам всем, от досточтимых иерархов до последних мирян, — еще только предстоит войти в свою Церковь, вернуться в наш Отчий Дом — русское Православие. Христианам необходимо стряхнуть с себя оцепенение обреченных всегда жить во власти безбожной и бесчеловечной идеологии. Наше спасение, жизнь нашей Родины и наших детей, судьба нашей Церкви во многом зависят от нашего христианского дерзания, — личного духовного самоопределения каждого на своем месте. Это самоопределение каждого во Христе и соединит нас в единую православную Церковь.

Таким образом, в России сошлись две мировые силы: атеистического коммунизма и христианства. От итогов их борьбы зависит ход дальнейшей истории и сама ее возможность в будущем. Действительно, или XXI век будет религиозным, или его не будет вовсе. То есть, либо коммунизм доведет мир до гибели, либо христианство сумеет собрать на краю пропасти духовные силы человечества.

Каковы же духовные итоги "вавилонского пленения" России?

Революцию 1917 года коммунизм выиграл только потому, что духовные силы народа оказались в разложении и разобщении.

Гражданскую войну Россия проиграла не из-за недостатка физической мощи, а из-за слабости ее духовных сил.

Тотальное нашествие коммунизма было остановлено духовным в своей основе сопротивлением — массовым мученичеством.

Россия, ее Церковь понесли в этой кровавой борьбе неисчислимы потери, и человеческие, и духовно-нравственные.

Окончательное освобождение от коммунистического атеизма лежит на пути духовного возрождения человека и народа.

Духовное же преображение России может начаться только в духовном центре национальной души — русском Православии, русской Церкви.

Таким образом, духовные силы России устояли в смертельной борьбе и встали перед задачей полного освобождения от коммуни-

тически-атеистических духов. Мы входим в период новой концентрации воли и самосознания народа, когда глубинно закладываются основоположения будущей жизни. Перед нами со всей очевидностью встает проблема *выбора*: нового исторического самоопределения России, русской Церкви, русской культуры, человека в России.

Москва, май 1987 г.

МЫСЛИ О ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

ПО ПОВОДУ АНКЕТЫ "ВЕСТНИКА"

В связи с знаменательным юбилеем, редакция "Вестника" обратилась к деятелям Церкви, литературы, общественности, искусства с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. Какие мысли возникают у Вас в связи с тысячелетним юбилеем Крещения Руси?
2. "Русская история не удалась" (В. Вейдле). Можно ли говорить об удаче христианства в России?
3. В какой мере и в чем русская Церковь ответственна за случившееся в России?
4. Как, по Вашему мнению, следовало бы отметить юбилей в России, в эмиграции?
5. Какой период русской Церкви Вам наиболее близок? Какой святой или тип святого? Какого еще не явленного святого следовало бы Церкви предложить всенародному почитанию? Какой писатель, какое литературное произведение особо пронизаны православным светом?
6. Что бы Вы пожелали России, вступающей во второе тысячелетие своего существования?

1. Какие мысли возникают...? Тысячелетие — звучит весомо. Но у Господа ведь не только "тысяща лет яко день един", а и "един день яко тысяща лет" (2 Петр 3, 8). Святое Крещение как таинство именно такой "День Господень", и несоизмеримо с тысячелетием. Тысячелетие ничего не прибавляет к Крещению. Ни к Крещению целого народа в истории, ни к Крещению одного человека. Оно лишь внешний повод обратиться к самому таинству. Но для того, чтоб обрести таинство, нужен внутренний повод. Он есть всегда. Только всегда ли он нами ощущается? А это и было бы обретением нашего личного тысячелетия, и гораздо больше тысячелетия; и жизни, и гораздо больше жизни. Надо обратиться к самому Крещению.

Крещение есть приятие Света-Слова и Спасения-Суда. Вот она — закваска, вложенная в самую жизнь нашего народа, семя Царствия Божия. В молитвах при Крещении сказано:

"О еже просветитися нам просвещением разума и благочестия, наитием Святаго Духа, Господу помолимся".

Вот какое Просвещение приняла Русь в Крещении! Это Просвещение — личное и соборное дело, дело взаимо-содейственное, богочеловеческое, троичное во Святом Духе. А мы в какой мрак неведения забрели от своеумия безблагодатного? Святой Серафим, являя благодать Духа, говорит нам о Просвещении, о таинствах Крещения и Миропомазания ясно, и указывает:

"Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и, под предлогом просвещения, зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным".

В молитвах чина Крещения явление это называется "Святым Просвещением", и говорится:

"Явися, Господи, на воде сей, и даждь претвориться в ней крещаемому..."

Надо бы проникнуть в самую суть таинства Крещения, жизнью проникнуть — и там обрести тысячелетия, и больше чем тысячелетия. Надо бы сознательно принять дар миропомазания нашего на

царство в Христовом Царстве, да будет дарованная "печать дара Духа Святаго" жива и действительна во всех членах и чувствах наших, да будет она — "светом разума..."; тогда уже не будем путать "миропомазание" с "елеопомазанием" на всюнощной, или с "елеосвящением". И тут дело не в "понимании обрядов", а в том "просвещении разума и благочестия", в котором заложено "разумение любви". А без одного чего только не наговорим о мученичестве России и о помазанниках ее...! Не только о царе-мученике, последнем, а вообще о царствующих со Христом, о народе Божием, о Церкви Святой. Все это будет лишь пустой шелухой слов, мякиной мерзости запустения наших духовно-телесных храмов, полшага от словоблудия "Науки и религии", но никак не пшеничным зерном Царствия и никак не Словом-Светом. Вот эту болезнь нашу надо осознать, "потому что мы члены друг другу" (Еф. 4, 25) и именно Крещением "мы члены Тела Его, от Плоти Его и от костей Его" (Еф. 5, 30).

2. Что в этом свете значит "удача христианства в России" или "удача русской истории"? В этом свете, пожалуй, тысяча лет "православия Святой Троицы" (как сказано в службе Св. апостолу Иоанну Богослову, 8-го мая) на родной нашей земле являют собою ясно очерченный круг, не исключая и последние 70 лет "вавилонского пленения". От крещения водою до крещения кровью — путь Духа: здесь неизреченное откровение Пресвятой Троицы в полноте любви Христовой, достигшей на Руси своего раскрытия в столь многом, действующей и по сей час в мире... здесь же и падение наше страшное. В связи с судьбами Руси — как святой, так и обезображенной — небесная истина и бесовская ложь проступают так ярко, что сродни это самому Священному Писанию. Только — Библия уже написана, а то можно было бы и по нашему пути написать. Только — там уже дано. Зато наше как вписывается, как целостно вкладывается туда! Тысяча лет: от взятия Иерусалима и построения храма, до рождения "храма тела Христова" и до разрушения Иерусалима с его храмом. Или та же "тысяча" (лишь чуть расширить): от исхода из Египта (прообраз Крещения / ветхозаветная Пасха) до самого Крещения / Распятия Христа-Спасителя... Что в том "тысячелетии", то и в этом — нашем — от десятого до двадцатого века. Окунувшись во иорданскую воду Крещения, Русь вышла из Египта и вошла через Иордан в новую землю, и

внутри нашей истории самое главное претворилось: мы облеклись во Христа. Вот и обретаемся в Церкви, в живом Священном Писании, которое читается и пишется уже как наша собственная жизнь.

Праотцы наши так и воспринимали, так и творили. Летописцы наши с самого начала так писали, как только начали вписывать Русь в круг "мировой истории". Недаром российская история движется как будто по самой апокалиптической грани времени. Это некое неотъемлемое качество российского исторического процесса. И именно так мы вошли в десятый наш век (а от Христа — двадцатый) каким-то страшным пророчеством миру: кровавым беснованием. Сотни лет мир вынашивал в себе тоталитарную заразу. Но низвержен дракон именно на землю и воду, освященные Православием: именно у нас он обретает себя и начинает преследовать Церковь, уходящую в пустыню (Апок. 12-13). О чем таинственно сказал тот же св. Серафим, на один век предвосхищая события:

"Когда век-то кончится, сначала станет Антихрист с храмов кресты снимать, да монастыри разорять и все монастыри разорит!"

Тоталитарная зараза выходит и охватывает мир ОТ НАС. Но явно: как бы концентрическими кругами в этот процесс вмещается не только *мировая история*, вступившая во всеохват двадцатого века, и не только *история наций* или нашей нации, но именно в этом небывалом мировом всеохвате вмещается сюда *личность* каждого человека, весь грех человечества как единого лица, и все исцеление-спасение во единой ипостаси Христа как Нового Адама. Поэтому мы, с нашими "малыми грехами", столь наглядно вовлечены лично в лицемерное действо империи лжи с ее "культами" и "мифами", которые все глубже проникают в сознание человечества, затуманивая его (уловки "перестройки" и "гласности" лишь еще один пример тому). Но — только в силу Крещения! — тут же, в том же кругу открывается во всем этом ярко: ЛИЧНОСТЬ, соборно обретающая себя в Гефсиманском сострадательном борении, воспринимающая в самом сердце своем предательский поцелуй, проходящая неправый суд, полный предрассудков, пристрастности и страстей, встречающая свет во мраке темницы, ведомая на заклание, на голгофский Крест, да, даже во "тьму кромешную"... — Церковь! Это потому, что Слово "да будет свет" и "Дух Божий, носящийся над водою", изначально не "частное дело" какого-то чуждого нам и далекого Божества, творящего механику мироздания, а тот

животворящий образ Божий, который восстанавливается в нас силою и действием Святого Духа во всеобъемлющем Христовом Крещении.

Крещение утверждает, что слово "да будет свет" — это богочеловеческое дело *каждого* из нас, *соборно*: "Ибо слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа!"... (а познаем ли мы, крещенные, это разделение?), "... составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные" (Евр. 4, 12). А в чине Крещения сказано о том же, молитвенно: "очисти дела рук Твоих, и острое Твое употребивый действо, сокруши сатану под нозе его (т. е. крещаемого) вскоре: и даждь ему победы на него и на нечистыя его духи". А также:

"Изжени из него всякаго лукаваго и нечистаго духа, сокрытаго и гнездящагося в сердце его. Духа прелести, духа лукавства, духа идолослужения, и всякаго лихоимства: духа лжи, и всякия нечистоты, действуемая по научению диаволю".

Все это молитвенно даруется нам еще до самого Крещения, до запечатления Духом Святым, обращением к которому мы призваны возрастить в себе "дар рассуждения" — Свет—Суд—Спасение. Поэтому Крещение Руси, наше Крещение, есть неотъемлемый суд всего, что *мы* творим, что творится *у нас*, и что творится *с нами*. "Ибо время начаться суду с дома Божия; если же прежде с нас начнется, то какой конец непокоряющимся Евангелию Божию?" (1 Петр 4, 17). "Омойтесь и очиститесь... Тогда придите, и рассудим, — говорит Господь. — Если будут грехи ваши как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю". (Ис. 1, 18). И Христос — "Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир" (Ио. 1, 9) — говорит: "Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме; и если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его: ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир; отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил..." (Ио. 12, 46-48).

Крещение есть свет просвещения, и суд, и спасение. То, что *этот суд совершается среди нас*, что он проникает "до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его: Ему дадим отчет" (Евр. 4, 12-13) —

и то, что *Церковь Святая среди нас* и судит нас, — и, наконец, что суд этот *начинается с Церкви*, — все это вместе и есть величайшая "удача" нашей российской истории. Побеждаясь этой "удачей", нам надо возлюбить до конца этот суд Господень, и рассуждать самих себя, чтобы исполнить: "доколе говорится: ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших" (Евр. 3, 15).

Ведь явился Господь на Руси, среди нас, Крещением "не водою только...":

"Сей есть Иисус Христос, пришедший водою и кровью и Духом, не водою только, но водою и кровию, и Дух свидетельствует о Нем, потому что Дух есть истина" (1 Ио. 5, 6).

3. В какой мере и в чем Русская Церковь ответственна за случившееся в России? — Пусть лучше Церковь судит нас, и мы будем судить себя перед Ее чистотою. Здесь целый долгий путь болезненного уклонения от истинно церковного Духа. Так что к концу XX века вполне еще ощутимы болезни предыдущих веков, особенно — прошлого века.

Не справились мы внутренне с падением Константинополя и предшествовавшей этому унии, а сотню лет спустя и с "ускорением" от книгопечатания и с новой ответственностью. Не осилили волн католичества и реформации, влиявших на православный мир... вот и раскол наш (верно определенный Солженицыным как *первый шаг к революции*). И в этой же связи стоит не только новая уния, но и покорение богословия мертвой хватке схоластики (не только католической, но и протестантской). Разлад духовный принят в основу богословия: засилие латыни до самого XIX века, язык молитвы уже не согласуется с "теорией". Господь спас нас от самого страшного: от проникновения западного богословствования в центр Евхаристии (XVII век). Но после этого церковные формы постоянно наполняются чуждым духом. Отсюда возможность включения Церкви в государственный механизм. Нерешенные проблемы католичества и протестантизма сталкиваются в народном теле. А вместо православного ответа начало XIX века отмечено безразличием своеобразного "экуменизма". Государство и общество шли своими путями при отчуждении от православных корней. До сего дня идет с трудом преодоление того отчуждения, принесшего в Церковь дух индивидуалистически "потребительского отношения", рассматривавшего Церковь как социальную институцию,

а веру как своеобразное идеологическое учение. Почитаешь речи митр. Антония (Храповицкого) к выпускникам духовных училищ — все проблемы налицо! Да и обновленчество проявило ту же болезнь. Только на этом фоне был возможен Толстой и толстовство. Невежество ужасающее и предвзятость застилала глаза. Бердяев пишет в книге о мирозерцании Достоевского, что нам-де нужно что-то поглубже святых отцов... Знаток западных мистиков, он вряд ли глубоко знал святоотеческую литературу и во всяком случае не проникся ее духом. Но это симптоматично. Этим охвачены целые поколения. Святоотеческая динамичность православия не раскрыта нами до сего дня. Однако наглядно то же самое, что было в прошлом веке в России, те же проблемы разворачиваются сейчас в общемировом масштабе. И так, легко судить предков, зная, что получилось; а мы — в разрешении современных клубков — обретаем ли творческий путь, или блуждаем, обманываясь, ища, где *попроще*? Вопрос совсем не праздный и не так легко разрешимый. Говорят, что если в IV веке победило бы арианство (а временами к тому шло), от христианства ничего бы не осталось... Но был св. Афанасий! Жизнь Православия никогда не была благополучным покоем, а всегда — кризисом (т. е. судом). Такое отчуждение и потеря живого восприятия Церкви как богоуловенного Тела мучали наших святых, мучают Церковь и сейчас! В этом наша вина перед Церковью, перед святым Крещением. Теперь возвращаемся в архитектуру, иконописи, духовности — нам проще! Но дух, подобный арианскому, борет Церковь, и не только снаружи. И все по-новому, российские мученики дали кровь свою — семя веры! — и надо нам преодолевать инертность свою, чтобы оцерковлять жизнь по существу, возрастая в меру возраста Христова в Церковь, и не соскальзывать на ложные постановки вопросов, подобных арианским или схоластическим, или социалистическим... В этом наша ответственность за случившееся и случающееся в России и в мире.

4. Обновление и постройка храмов, соборное и особо торжественное служение по местам, выставки с докладами и прочая творческая активизация — все это делается в меру сил. Чего не надо, это — ложных надежд и пышных деклараций, которые не имеют корней в реальной церковной жизни. Важно: усиленная молитва и пост, ибо "сей род" изгоняется молитвою и постом.

Если бы эмиграция хоть в малой части своей подвинулась на строгое исполнение постного устава Церкви, оцерковление продвинулось бы ощутимо вперед. (К посту тут отношение совершенно несерьезное, а отговорок — миллион). Также — принятие на себя того молитвенного правила, которое положено Церковью. Это в смысле обета верности тысячелетнему своему Крещению. Церковно — усиленные молебны об обращении заблудших, повсеместно в русской Церкви. А кроме того, молить Господа общецерковно, исполняя Христову заповедь: "молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою" (Матф. 9, 38). В России такие молебны нужны, и нам — в каждой стороне по-своему нужен сдвиг в этом отношении, а это дело церковного народа, общее. И затем: толковать чин Крещения во всей его глубине и богатстве. Вынести это толкование в широкую среду. Люди не знают, что такое Крещение! Не знают, зачем оно, к чему ведет, какую жизнь открывает!! Сейчас можно только об этом и говорить. В России надо бы сделать все для общедоступности и "гласности" юбилея... Выставки, доклады для всех! Положить это как начало всенародной миссии... вот мечта!

5. Какой период русской Церкви мне наиболее близок? — Вот теперешний, который ощущается как какое-то умирание и вместе с тем зарождение. Богатейший период. А при взгляде назад, — вся Святая Русь, в ее многообразии и целостности, со всеми корнями, включая и "русского" — "нашего" Святителя Николая. Что говорить? Свв. Нил Сорский, митрополиты Филипп, Алексей, Иона, преп. Сергей и Серафим, св. Иоанн Кронштадтский. О свв. новомучениках и исповедниках сказано уже. Надо вращать церковно в их подвиг. Старцев Оптиной пустыни хотелось бы видеть прославленными Церковью... А из писателей чувствую в свете Православия, в творческой ответственности: Достоевского и Солженицына. И у обоих рост. Дай Господи второму из них довести дело до намеченного конца.

6. Что пожелал бы России? Высвобождения от лжи, особенно в церковной жизни. Свободной церковной деятельности, и в этой связи — созидания монашества. Народ готов к подвигу и ищет подвига, способен к нему и сегодня. Подвиг покаяния может в

кратчайший срок возродить страну, дать ей новые силы и преобразить все. Дух исконного русского монашества — тот огонь, который может переплавить "ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях" и обновить "дух ума" нашего, с тем, чтобы "облечься в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины" (Еф. 4, 22-24). Утоления этой жажды желал бы России. Укоренения в Церкви Христовой "просвещением разума и благочестия..."

Прот. Георгий БЕНИГСЕН

Первое воскресенье Великого Поста носит название "Торжество Православия". Исторически оно посвящено воспоминанию победы Церкви Христовой над ересью иконоборчества и восстановлению почитания святых икон. Богословски — Церковь в это воскресенье отрицает и порицает всякую ересь, всякую ложь и неправду, которые прокрадываются в историческую и общественную реальность христианства. И — прославляет истину, которая, в почитании святых икон, утверждает святость Образа Божьего, по которому, как сказано в Священном Писании, сотворен человек. Этим Церковь призывает всех нас, всех своих членов, к восстановлению в себе богоподобия, к подлинной человечности. Ибо все, что подлинно человечно, несет в себе божественное обетование. Став человеком, явив нам совершенство Образа и Подобия Божьего, Христос-Богочеловек открыл нам путь к богоподобию.

Думая о торжестве Православия, мы так часто склонны предаваться погружению в историческую память. Вспоминать великие события, великие победы. Облачать эти воспоминания во все доступные нам формы церковной торжественности. Гремят в наших храмах "анафемы", направленные против еретиков и изуверов, еще с большей силой гремят "многoletия", прославляющие современных тружеников веры. Звучит "вечная память" — молитвенный вздох перед Богом о упокоении всех во благодати и вере скончавшихся.

Все это хорошо и уместно. Но только если не заглушается этим еще одна — и самая важная сторона — наше покаяние. Покаяние в том, что так мало делаем для торжества славы Божией, для Христовой истины. Покаяние в слабостях и грехах, в изменах и отступничестве. В уходе от образа и подобия Божия. Подобающее этому дню покаяние от имени всей Церкви, всего церковного народа, ибо в мире этом, как сказал Достоевский, всякий — перед всеми — за все — и во всем виноват. И если это покаяние мощной волной вольется в наше Торжество Православия, внесет оно в это торжество победную ноту силы человеческой веры, человеческого духа, способного превосходить все бездны и взлетать к чистейшему небу Божией славы.

В этот год, год тысячелетия нашей веры и нашей Церкви, первое великопостное воскресенье приобретает совсем особое значение. Наше Торжество Православия, естественно сливающееся с торжеством всей Вселенской Церкви, наделено особой причиной для углубленного празднования. Растет вера на нашей земле, цветет благочестие, ширится и разрастается поток возвращающихся к вере, к Церкви. Господь сделал нас свидетелями Своей силы и власти. Та Церковь, которой грозило если не духовное, то физическое уничтожение, восстает в новой силе. Свет Христов разгорается на нашей земле, все больше и больше сердец просвещается и зажигается этим светом. Слава Богу за это!

Но слава Богу и за то, что угодно Ему было провести нашу Церковь через воистину огненное горнило испытаний. Омыть ее святой лик потоками мученической крови. Принять от нее жертву исповедничества и верности от миллионов тех, кто томился в темницах, сгнивали в лагерях, подвергались унижениям, умирали от голода, от непосильного каторжного труда. От тех, над кем издевались в школах, в университетах, на заводах, на улицах, у церковных стен. Тех, кого расстреливали, топили, сжигали, душили не за что иное, как за веру Христову. И хуже и страшней — чью веру старались поставить в ложные рамки государственных преступлений.

Вот где наше Торжество Православия! Ждет оно еще полноты признания на родине нашей. Признание это наступит, но если не звучит оно еще полной человеческой гласностью, то поют о нем Ангелы на небесах, веселится о нем Небесная Церковь, венчает его венцом славы Тот, Кто Сам понес унижения, оплевания, избие-

ния и позорную смерть на Кресте. На Кресте, который открыл путь к Воскресению, отверз врата Царства Небесного.

Вот где наше Торжество Православия. Насладимся им, утешимся им, укрепимся им. Ибо свидетельствует оно перед нами, перед историей, что Церковь торжествует и славится не нашими заслугами, не историческими свершениями, а верой человеческой и милостью Божией.

Анна ВЕЛИКАНОВА

Для начала я позволю себе переставить вопросы так, чтобы первый оказался последним, тогда я смогу ответить на него короче.

2. Мне кажется, что говорить об "удаче христианства" вообще нельзя, не уточнив понятие "удача". Ведь христианство само по себе — неудача, если понимать под удачей успех на жизненном поприще. Подавляющее большинство христианских святых были неудачниками и растяпами, а некоторые, например, Алексей человек Божий (кстати, один из любимейших в прежнее время в русском народе святых) прямо враждовали с удачей. Это мне кажется настолько известным, что я не стала бы и оговаривать такое понимание, если бы не раздавались иногда другие голоса — в защиту успеха. Например, в № 150 "Вестника РХД" автор статьи о Дантесе убеждает нас в том, что его подопечный был приличным человеком, перечисляя повышающиеся его чины и возрастающие доходы. Возможно, для адепта "христианской науки" или Свидетелей Иеговы это звучит убедительно. Но для обычного русского православного, мне кажется, остается и по прочтении этой статьи более христианской фигурой неудачник Пушкин, после которого остались одни долги, да малолетние дети, да стишки, чем старец сенатор и богач Дантес.

Христианство в России — трагедия. Может ли трагедия быть удачей? Трудно даже вообразить худшую неудачу, большую катастрофу: стомиллионный крещенный народ родил двухсотмиллионный — некрещенный. И, тем не менее, после всего, что произошло, христианство в России живо; сейчас, может быть, живей, чем где бы то ни было. Оно живет, обновляется, оно, как и прежде, как

тысячу лет назад, ее главное сокровище, суть и душа России — это ли не удача?

3. Вопрос об исторической ответственности настолько большой и сложный, что не хотелось бы его касаться вообще. Виновата ли русская Церковь? Как член Церкви спешу воскликнуть — нет! Тогда кто же виноват? Евреи? — Как еврейка отвечаю решительно — нет! Интеллигенция? — дочь, внучка и правнучка русских интеллигентов (и сама, лышу себе мыслью...) торжественно говорю — НЕТ! Народ? — Нет, да нет же!! И на все эти вопросы можно было бы ответить: "Да". Все несут свою долю ответственности за то, что случилось с Россией, но и в том, что Россия не погибла, есть доля заслуги каждой из упомянутых частей общества. Величайшая заслуга Церкви состоит в том, что наперекор режиму, стремившемуся ее уничтожить, она *продолжала быть* и дожила до наших сравнительно благополучных времен.

В чем состоит ее доля вины, ответственности — сказать труднее, прежде всего потому, что я не знаю достаточно историю предреволюционной Церкви. Позволю себе поэтому привести свидетельство современника (и нашего и той эпохи), которому полностью доверяю и присоединяюсь к его печальному заключению. "То зло, которое мы видим в современной церковной ограде: равнодушие к человеку, внешность во всем, — и в подвиге (если он есть), и в молитве, — стирание границ между церковью и государством, обмиршение, богословский рационализм, жизнь по плоти, а не по духу Божию — все это есть наследство, полученное от прошлого... Достаточно сказать, что Толстого Синод отлучал, а Распутина не только не отлучил, но этот человек находился где-то около самого центра высшей церковной иерархии. /.../ Дореволюционная церковность все больше теряла любовь и святость". (С.И. Фудель. "У врат Царства". *Надежда* №2, стр. 293-294).

4. В России. Я не очень понимаю этот вопрос. Мне кажется, необходимо уточнить: "как следовало бы отметить юбилей в России в существующих условиях?" Можно не сомневаться, что отметят, как следует! Или — "как следовало бы отметить, если бы все было можно?"

В первую очередь, я думаю, практическими делами, ведущими к обновлению и укреплению церковной жизни, точнее:

— воскрешением церковной благотворительности;
— восстановлением православных братств, подобных существовавшим в двадцатых годах, но пользующихся хоть какими-то правами и поддержкой Патриархии;

— "умножением любви искоренением всяческой злобы", в духе первых ближайших к крещению Руси святых, св. Бориса и Глеба, преп. Феодосия Печерского и других, освящающих своим мирным духом русскую Церковь.

Пусть прозвучат на юбилее не фанфары национальной гордыни, а человеческий голос единения и любви.

В эмиграции. Здесь никто не помешает нам праздновать, а виды и формы торжеств могут быть самыми разными. И я не нахожу в себе достаточных организационных способностей, чтоб что-то особенное посоветовать. Суть же праздника, по-моему, остается той же, что и в России. Поэтому мне хотелось бы только одного: чтобы рассеянные по всему лицу земли, мы, русские эмигранты, были едины сердцем в эти великие дни.

5. *Период?* Близок мне больше всего — теперешний, с середины 60-х годов. Наибольшее благоговение вызывает во мне Тихоновский период (от подготовки к Собору до преставления Патриарха), и, разумеется, несмотря на недостаток у меня знаний о нем, "золотой век" (XIV-нач. XV).

Святой? Преп. Сергей Радонежский, как и всем, я полагаю. Тип святого? Это сложнее. Мне наиболее, пожалуй, дорог редко встречающийся покамест тип — просто священник. И я думаю, что самое большое будущее (в смысле канонизаций) ожидает этот тип святости — мучеников и подвижников из среды белого духовенства XX века.

Из них же первый, по-моему, о. Павел Флоренский.

Позволю себе назвать еще одно имя, известное мне по семейным и дружеским преданиям: о. Михаил Шик; ближайший сотрудник о. Павла (одно время диакон при нем), по отзывам всех его знавших, настоящий праведник, погибший в лагере. Я могла бы назвать еще десятки имен, но не решаюсь полагаться на свои недостаточные сведения в таком важном вопросе.

В эмиграции, мне кажется, давно назрела необходимость прославления матери Марии (Скобцовой) и о. Димитрия Клепинина.

Вся русская литература, особенно поэзия, проникнута православным светом. И я осмелюсь повторить то, что сказал Федотов о святости, в применении к словесности: "После всех колебаний, преодолевая все соблазны национальной гордости, решаемся сказать, что в древне-русской святости евангельский образ Христа сияет ярче, чем где бы то ни было в истории". (*Святые Древней Руси*, стр. 233). Этот образ светит в ней иногда особенно ярко там, где ничего не говорится о религии. В "Сказке о царе Салтане" или в "Капитанской дочке". Или вот "На холмах Грузии", — как бы это объяснить? Светлая печаль и сердце не может не любить...

Если нужно выделить содержательно православную литературу, я бы сказала: в XIX веке — Достоевский, Тютчев, Лесков. На стыке — Чехов. В XX веке — Блок ("В поэзии третьего тома..."), Пастернак, Ахматова. Если сузить выбор до двух больших книг (по одной на век), то в XIX веке — "Братья Карамазовы", в XX — "Доктор Живаго". Если бы мне предложили выбрать одно, наиболее пронизанное этим светом произведение XX века, я не сумела бы сделать выбор между тремя стихотворениями Пастернака — "Рождественская звезда", "В больнице" или "Август"?

6. На этот вопрос Марина Цветаева, обвиняемая столь часто в эгоцентризме, ответила наименее эгоистически — "... того, чего она хочет".

К этой формуле я позволю себе сделать два добавления:
— чтобы Россия сама чего-нибудь хотела и
— чтобы она хотела от себя того, чего ждет от нее Христос.

1. В основном мои мысли уложились в удачно составленную анкету и мне почти нечего добавить. Но, может быть, этот вопрос задан нарочно для того, чтобы задуматься и окинуть одним взглядом целое это тысячелетие, вобравшее в себя всю нашу, по слову митр. Антония Сурожского, "от начала до конца — трагическую" историю?

Печальный итог предыдущих девяти веков подвел протопоп Савелий Туберозов в беседе с неведомым о. Николаем: "... христианство еще на Руси не проповедано. /.../ Да, мы во Христа крестимся, но еще во Христа не облакаемся". (Лесков. *Соборяне*).

Наш век отчасти подтвердил его выводы, отчасти добавил к ним нечто ужасающее, но и вселяющее надежду. Во всяком случае сейчас, как никогда, ясно, что, как пишет Н.А. Струве, христианству в России принадлежит будущее. "Если только будущее суждено России..." Да, если Россия будет, а мы все верим в это, она будет православной. Но и православие будущей России должно быть *будущим*: живым, творческим, независимым от власти, не смешанным с национальными страстями, проникнутым *до конца* Евангелием. Тогда оно станет для всех не символом "старого времени" — пусть прекрасного, драгоценного, не прошлого, не залогом возможной реставрации — дурной бесконечности, а *новым* содержанием духовной жизни страны, залогом ее спасения.

††††

В. А. ЗАНДЕР

1. Прежде всего, в связи с 1000-летним юбилеем крещения Руси является благодарность Богу за внушение Им князю Владимиру решения просветить крещением в православную веру языческий русский народ. И можно признать за истинное чудо тот духовный переворот, который произошел в этот исторический момент в душе князя Владимира. Не только в духовном отношении, но и в социальной жизни это событие повернуло Русь на новый путь. Молодая православная русская Церковь внесла просвещение в народную гущу, смягчила нравы.

2. Русская история на всем своем пути была полна трагических событий, но нельзя согласиться с В.В. Вейдле, что "русская история не удалась". Если говорить только об истории Российского государства, то в настоящее время мы стоим перед неизвестностью: по какому пути пойдет она дальше. Было бы ошибочно предполагать, что все закончится одним СССР. Что же касается христианства, то, несмотря на все ошибки прошлого в истории русской Церкви, мы с трепетом прислушиваемся ко все громче раздающемуся голосу возрождающейся Руси. И возрождение это тем более ценно и многообещающе, что оно не навязывается официальной Церковью, а вырывается индивидуально из народных глубин и черпается

не из школьных катехизисов, а из пережитых личных страданий за веру.

3. Русская Церковь безусловно ответственна за то, что произошло и происходит в России. Казенное школьное обучение "Закону Божию", принудительное говение учащихся и чиновников с предъявлением письменного об этом доказательства, малообразованность сельского духовенства и их бедственное материальное положение, обмирщенный Святейший Синод, распорядившийся церковными делами — все это оторвало интеллигенцию от Церкви и недостаточно укрепило детскую, бесхитростную веру простого народа.

4. Трудно сказать, как возможно будет достойно отметить юбилей в России. Советская иерархия пытается что-то сделать в этом направлении. Но, по видимому, дело клонится к тому, чтобы, по желанию властей, празднование приняло скорее государственный, чем церковный характер. Отдельные духовные лица и миряне, бесстрашно борющиеся за церковную правду, уже своей жизнью и страданиями строят несокрушимый памятник этому юбилею.

Что же касается эмиграции, то тут открывается широкий выбор возможностей:

— Объединенное сослужение духовенства всех трех юрисдикций.

— Пост и говение. Причащение всех церковно-мыслящих православных людей.

— Соборы, доклады, проповеди.

— Издание особого сборника и т. д.

5. Я особенно чту период раннего монашества на Руси, когда огоньки христианской веры загорались в дремучих дебрях древней Руси. Кроме преп. Сергия Радонежского, много отшельников распространяло вокруг себя свет Христов — имена их Ты, Господи, веси. Почти в наше время — преп. Серафим Саровский. Неявленные святые — это наши великомученики митр. Владимир и Вениамин и иже с ними, во страданиях венец прияше нетленный. Можно упомянуть и о. Иоанна Кронштадтского, которого уже прославляют некоторые православные.

В русской литературе многие писатели касались религиозных вопросов или же нарисовали образы, пронизанные православным светом: Достоевский (Старец Зосима, Соня Мармеладова); Чехов ("Святой ночью", "Архиерей"); Тургенев ("Живые мощи", Лиза Калитина); Гоголь (Божественная Литургия); Лесков (Соборяне).

6. России можно пожелать стать воистину Святой Русью.

††††

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

1. Самые светлые. Я думаю о первых веках христианства на Руси: люди жили тогда *в ощущении откровения свыше*.

Дошедшие из тех времен вещественные свидетельства позволяют утверждать, что возник новый духовный тип, каких до этого не бывало: православный христианин, чье мироощущение оказалось пропитанным специфическим религиозным *лиризмом*; *мужеством*, но — некоего архангельского порядка. Это и поныне зримо являет архитектура до татарского ига: через века к нам явственно дошла ее *светоносность*. Нигде больше я не встречал ничего подобного. Эта архитектура — божественна в прямом и точном смысле слова; и по сей день — для имеющего глаза — она насыщена ощущением *рая*. И луковичные (кн. Трубецкой прозорливо увидел в них символ свечного пламени) и шлемовидные завершения — бесподобны; твердость белокаменных стен обладает при этом, повторяю, *светоносною* "консистенцией". Те же традиции позже — у Рублева и Дионисия. Вышеупомянутое мироощущение вошло во все сословия, пронизало толщу народную — отсюда и феномен русской святости.

По воле Божией приняв византийское православие, Русь выбила сто из ста: ничего равного тогда — в обозримом пространстве — не существовало.

... Так тысячу лет назад зародилось новое православное царство — одно из наиболее значительных и колоритных социальных образований в истории человечества, государственный микрокосм, специфическая большая цивилизация.

А освоение в первые века на Руси христианства было, скажу еще раз, растянутым во времени *откровением*.

2. Что значит "не удалась"? Типично интеллигентское понимание, представление...

Наша история — драматична и ярка необыкновенно, она явила миру несравненные образцы духа: подвижничество, иконопись, архитектуру, литературу.

Или "не удалась" в том смысле, что трагично и смертельно оборвалась? Но тогда "не удалась" и истории Рима, Греции, Византии и проч. Посмотрим, долго ли еще куковать унифицирующей Европе, но в любом случае долгожительство — вовсе не синоним удачливости. Россия *была* и — постскриптум — существует теперь.

Христианство же — удалось как на высшем (литургика, плоды культуры, вышеупомянутый тип русской святости, исключительная роль в государстве), — так и на чисто обрядовом и житейском уровнях отлилось в чрезвычайно светлые и колоритные формы.

Обожаю саму эстетику нашего православия: погружение на морозе блестящего креста в крещенскую иордань, освящение пасхальных столов, зеленое убранство на Троицу...

Мое ощущение вырастает из детства: из красного угла бабушки — Елены Сергеевны Граматинской — где таинственно и уютно мерцал лампадный огонек перед Спасом...

Как же не удалось русское православие?

3. На этот вопрос отвечать мучительно — по причине этического характера: грех возлагать долю ответственности на *жертву*.

... Прежде наша Церковь теряла христианские души постольку — поскольку Россия включилась в мировой секуляризирующий процесс. Ну и, конечно, по своему земному несовершенству. То, как мутировался при этом сам тип священника нашего — хорошо показано у Шаламова в "Четвертой Вологде". Это левое священство породило "живую церковь". А с другой стороны — церковные консерваторы не стеснялись, например, заниматься охранительской риторикой над еще свежей могилой Столыпина... В итоге — церковный срез давал, в целом, ту же картину, что государственный.

... Иногда пеняют патриарху Тихону, что он не пробрался к белым и не стал там духовною скрепой и религиозным вождем

добровольчества. (Одним словом, что Тихон — не Гермоген). Но невозможно винить его за то, что он был — кем был; и в патриархи он не стремился, его избрание отчасти и дело случая... Хотя с другой стороны: активное соприсутствие с белыми патриарха всея Руси — могло бы спасти положение, это дало бы добровольчеству духовную "легитимацию". Впрочем, время было такое страшное и сложное, что и теперь, и "задним умом" мы все еще не сильные, и ничего толком не ясно...

... После изумляющей жертвенности тех грозных лет — особенно тягостно декларирование солидарности со сталинизмом, а позже — с советизмом Московской Патриархии. Некоторые думают, что это лишь тактика. Но нет же: иерархи сплошь и рядом и впрямь заражены социалистической идеологией! Так что теперь наша Церковь ответственна еще и за сотрудничество с атеистическими диктаторами.

И вместе с тем, при всем том — Церковь есть самое светлое в России прошлой и настоящей, ничего лучше — не существовало тогда и, тем более, не существует теперь. Тут само *таинство*, само *литургическое действие* — умеют за себя постоять. Литургический культ, культура — по-моему, самое значительное, что есть еще на земле. И повседневная литургическая жизнь современной Церкви российской — высоко полноценна и напряженна. (Хотя, каюсь, быть может, с какого-либо конкретного, особо пышного церковного действия я, как Тютчев, и бежал бы — куда попроще). И я все чаще ловлю себя на мысли о том, что непроизвольно делю людей на ощущающих суть и красоту литургического таинства, и — не понимающих этого. И вторые — даже и при всей своей интеллектуальной значительности — мне все менее интересны.

И особо контрастны этой прекрасной литургической практике — *церковные руины*, что вдруг встречаются в волжском, скажем, или подмосковном селе, словно остатки пренебреженной забытой цивилизации. Распад одной из них я наблюдал на протяжении четверти века в селе Спас — под Рыбинском.

Большой храм постройки середины XIX столетия — на холме посреди погоста: колокольня трехъярусная, церковь с ротондой под куполами... В детстве мы еще проникали в крипту — там еще в сундуках хранились недотлевшие облачения, книги, почему-то подшивки "Нивы". В храме на алтарной преграде уцелела позолоченная резьба. Шелушащиеся мутные фрески на высоких столпах, птичий затвердевший помет повсюду, какие-то мешки и известка...

Потом не стало ни сундуков, ни резьбы. Преграда опрокинулась, проломилась. Накренилась луковица на колокольне, целая рощица березок выросла на колокольне и по карнизам. Зубчато обвалился фронтон... В детстве моем храм еще смотрелся как белый, в 81-ом году — как кирпично-бурый, руинно-обглоданный. Бузина, репейники, лопухи, крапива окрест — стали непроходимы. Кладбищенские кресты повалились, плиты заросли, надписи на них — стерлись под лишаями. Кажется, прибавилось воронья — черные хлопья кричат слитно и оглушительно. А вдали — Волга, и на другом берегу — тоже руина: виднеются колокольня и дом — бывшее имение Красное (название, очевидно, от густо розовой глины обрыва)...

Сколько уже годин
Ты здесь совсем один,
Нерукотворный Боже!

4. В России — соборно осудить и анафематствовать атеистическое учение: с юбилейного амвона Тысячелетия это прозвучит особенно веско.

На Западе — праздновать совместно, похоронив амбиции юрисдикций. Преодоление в себе "запрограммированной" неприязни к православному из другой юрисдикции — лучшее, по моему, приношение к празднеству Тысячелетия...

5. Особенно близки два периода: от преп. Сергия — к заволжским старцам и Нилу Сорскому. Ну и второй, конечно, — оптинский.

Кириллов, Ферапонтов, Горицы, Новозерск, Соловки... Волгодга, верховья Шексны, Белоозеро — там видится мне "энтелехия" нашего православия в позднем средневековье.

А московское оно — после Сергия, кажется, высыхает: Иосиф Волоцкий, Никон — для меня вовсе чужие.

До того — митрополит Филипп — свежий ветер в кремлевских стенах. Его анафематствование Грозного, смерть от удушения в тверском Отрочь-монастыре — потрясающие страницы истории русской святости.

Вольтерьянское начало XIX столетия: за общественным движением, блефом декабризма и проч. — как-то забываем о преп. Сера-

фиме Саровском. Потом Оптиной повезло больше: к ней оказались "подключены" литераторы. Но подлинная история отечественной святости наверное еще не скоро будет написана...

Какого не явленного святого предложить для канонизации? ... Я помню, как в Питере — по возвращению с Беломорья — случайно узнал от знакомого о канонизации Зарубежной Церковью новомучеников российских (и в их числе — императорской фамилии) — и испытал острую и высокую радость. И то сказать: там, в России, вся православная Церковь за рубежом, естественно, представляется *зарубежной*, мы и не слышали толком ни о каких юрисдикциях. Лишь в эмиграции я подробнее узнал о разделении и о другом отношении к проблеме и акту прославления новомучеников, но по-прежнему верен своему первому чувству, той первоначальной реакции на Литейном: *ощущению праздника*. Николай II не был волевым императором, но канонизирующее сознание вырастает на иных основаниях: в частности, *на крутизне* пути крестного... Крестный путь царской семьи, ее чудовищная гибель — заслужили канонизации.

... Священники, принявшие мученичество от коммунистов, ждут своего часа канонизации всей православной Церковью.

Быть может, в будущем будут канонизированы — и старец Силуан, о. Алексей Мечев, о. Сергей Булгаков, о. Павел Флоренский. Были б иконы с их изображением — я б и теперь к ним прикладывался, не сомневаясь. Вот как широка амплитуда канонизируемых и достойных канонизации: от юродивой Ксении — до екатеринбургских и алапаевских узников, до — православного универсалиста Флоренского!

О "пронизанности православным светом" нашей литературы...

Если в данном случае оставить в стороне древнерусскую, глянуть ретроспективно на новейшую — то, на первый взгляд, может показаться скорее обратное: при попытке различить, например, некий собирательный образ священника, он, пожалуй, сублимируется для нас в персонаж Перова или же Репина: пьяница, мироед, стяжатель. Художники и писатели средней руки и выше стремились потрафить обществу, обличая обскурантизм и клерикализм. Худшее в духовенстве топорно утрировалось, лучшее — забывалось, замалчивалось, попросту не усматривалось. Такова отчасти рас-

плата за , во многом, идеологический источник нашей литературы: французское просветительство.

Потому весьма символично, когда, явно педалируя ситуацию, Тургенев жаловался сочувствующему Флоберу, что, мол, вынужден жесть лампаду у себя в орловской глуши, дабы не вызвать подозрения в атеизме и чуть ли не расправу со стороны крепостных.

Когда Лесков от обличительства перешел к... незлобивому выслушиванию — это положительно оказалось шагом вперед.

Правда, мощным коррективом сей антиклерикальной традиции стали образы Достоевского — самого христианского, на мой взгляд, в мировой литературе писателя. (И он, как никто, понимал евангельский идеал, ощущал его разлитие в окружающей жизни, отсюда, статья, и такая любовь к России. При этом он, опять же как никто остро — ощущал и полюс противоположный: нигилистический, террористический).

Однако новое, привнесенное Достоевским, быстро оказалось заблокировано Толстым, который, как известно, говаривал, что для него исповедь перед смертью равносильна ругне по-матерному. И уже в авангардном, казалось бы, "Серебряном голубе" Белого — батюшка идейно прописан по-передвижнически...

В сильном рассказе Чехова "Архиерей" (1902г.) тягостное будничное умирание героя на Страстной седмице оскорбительно для религиозного чувства профанирует Страсти и пасхальную мистерию Воскресения: "Через месяц о преосвященном Петре уже никто не вспоминал. А потом и совсем забыли".

Думается, ни один уважающий себя русский писатель *так* про смерть теперь не напишет: горький опыт переменял, очевидно, саму внутреннюю "семантику" нашей литературы. Теперь российские авторы выходят из-под власти той антиклерикальной, условно говоря, лево-либеральной идеологии, которая тем более вездесуща, что, скажем, в отличие от марксистской — однозначно не постулирована.

... Но настолько православие формировало наше национальное бытие, что, в общем и целом, русская литература XIX просто "вынуждена" была выводить один христианский тип за другим. Интересно, что, в основном, это образы женщин: секулярная почва, очевидно, в меньшей степени их коснулась. Вершины этого типа для меня — образы Марьи Болконской и — Сони Мармеладовой.

... Ныне в "Красном колесе" Солженицына, самой трудной и лучшей, на мой взгляд, русской книге нашего века, православию,

православному мироощущению и укладу — наконец-то отведено надлежащее место.

Отечественная поэзия уже в силу своей специфики была православнее, религиознее прозы и сразу началась шедевром ("Бог" Державина). *Общее* же отношение к христианскому Богу русской поэзии по-моему лучше всего резюмируется прославленным стихотворением Бунина:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
"Был ли счастлив ты в жизни земной?"

И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленам припав.

Думаю, что именно благодаря православной традиции — внутреннее возможности нашей литературы, будем надеяться, не исчерпаны по-сегодня: она может давать культуре ту основную идею, воздух, — отсутствие которых губит современный... модернизм во всех его разновидностях. Только не надо, пожалуйста, поверхностно эксплуатировать Бога в творчестве: и лучшие намерения, разумеется, не заменят таланта.

6. Во втором тысячелетии я хочу пожелать отечеству *победы* в нем — *православия*. Омытая мученичеством — она станет необратима.

М. В. НАЗАРОВ

1. Наверное, большинство мыслей, возникающих в этой связи, совпадет с тем, что напишут другие участники анкеты. Поэтому отмечу не самую важную, но первую, спонтанную; поражает сама цифра 1000, есть в ней какая-то полнота и красота. Я не принадлежу к тем, кто верит в мистическое влияние цифр на

нашу жизнь. Но, может быть, через переживание необычности таких дат мы, сами того не сознавая, своим духовным подъемом способны воздействовать на мир, в котором живем? Как-то не верится, что год тысячелетия Крещения пройдет для России обычно, как и прочие. Да и вообще растет ожидание чего-то нового в стране в ближайшие годы, может быть — перелома? И, может быть, если очень захотеть, он произойдет?

2. Об удаче или неудаче российской истории говорить рано: она продолжается и как раз сейчас, видимо, близится к завершению своего уникальнейшего периода. Его оценка будет зависеть от того, как мы преодолеем и свою коммунистическую катастрофу, и общечеловеческий духовный кризис новейшего времени. Однако судьба христианства в России, несмотря ни на что, исполнена редкой полноты. Хотя бы уже тем, что на его долю выпали редчайшие испытания, которые оно выдержало. Такой духовно напряженной истории и такому высокому "качеству жизни" благополучные страны должны будут когда-нибудь по большому счету позавидовать. Конечно, ужасны те жертвы и страдания, которые пришлось испытать в XX веке нашему народу. Но, может быть, иным, благополучным путем и недостижима та новая ступень нужной всему человечеству мудрости, которая, хочется верить, обретена в этой страшной, экстремальной конфронтации со злом? Я имею в виду и русскую религиозную философию XIX-XX вв., и литературу (не буду приводить имена самые известные, назову автора современного, растущего от книги к книге, Леонида Бородина, — его роман "Расставание", главный герой которого, ищущий правды молодой человек, как раз пытается подняться на какой-то новый уровень духа, вмещающий в себя выстраданную мудрость жителя тоталитарной столицы). И лучшая современная публицистика проникнута предчувствием того, что "отрицательный опыт — тоже опыт, и, пожалуй, даже наиболее ценный, наиболее выстраданный..." — не создаст ли он "в будущем, не начал ли создавать уже в настоящем ту новую социальную общность, те новые гражданские институты, которые преодолеют и тупую бесчеловечность тоталитаризма, и нравственную податливость демократии...?" (Лев Тимофеев. "Последняя надежда выжить"). Несомненно, что роль христианства все более осознается в этом созидании нового общества как основополагающая. Это уже заметно и по многим произведениям официально печатающихся в СССР авторов.

3. О вине Церкви или чьей-либо вообще трудно судить в таких эпохальных, размерами в столетия, сдвигах. В применении только лишь к предреволюционным десятилетиям, приходится, однако, признать, что основная вина за последовавшую катастрофу лежит на ведущем слое народа, верхах и интеллигенции, которые по своей функции, имея инструменты влияния на ход событий, обязаны были предотвратить крах. Но, видимо, России — по-детски наивной, такой рыхлой, непрокаленной, какой она в целом была до революции, — не было суждено устоять перед натиском сил зла. Такое ощущение остается и от чтения "Красного колеса" А. Солженицына. При всей верности тезиса о вариантности истории, зависящей от свободной воли человека, в романе, этом огромном поле пересечения множества волей действующих лиц, как-то отфильтровалась мистическая, непостижимая до конца антиномия между этой свободой воли и действием Промысла — дыханием исторической неизбежности предстоящего России трагического испытания. Однако это ощущение неизбежности революции — иного порядка, чем "неизбежность наступления эры социализма" в идеологии большевиков. Здесь именно тайна истории, когда, похоже, бесам выпало сыграть главную роль в ее ответственном эпизоде — и тем самым продемонстрировать свое бессилие перед искрой Божьей в человеке...

4. Главное место празднования юбилея — Россия. Эмиграция — маленькая часть России, оказавшаяся в особых условиях. Они дают нам специфические возможности и накладывают определенные моральные обязательства в служении своей стране на том месте, куда мы тем или иным путем попали. Но без России эмиграция теряет смысл как таковая. Поэтому празднование 1000-летия Крещения хотелось бы видеть в максимально возможном единении соотечественников в России и эмиграции: в виде поездок (кто может) в страну, иных контактов и поддержки, направляемой туда. Но важна и аккумуляция творческих сил эмиграции в каких-либо изданиях и мероприятиях за рубежом — потребность их России будет зависеть от качества их молитвенного, культурного, политического вклада в празднование юбилея (в том числе и что касается восстановления нормальных отношений между традиционной Россией и Западом). Было бы жаль, если бы празднования в зарубежье остались событиями лишь эмигрантского значения...

5-6. Кажется, почти на все вопросы этих двух пунктов анкеты я ответил выше. Остается один: о еще неявленном типе святого или — позволю себе расширить этот вопрос — о еще мало-осознанном типе христианского подвижника. Период наибольшей конфронтации христианства с силами зла явил в России, несомненно, тот основной тип святости, который Церковь знает со времени первых умученных за веру христиан в древнем Риме, или который явлен в образах наших святых — митрополита Филиппа Московского и патриарха Гермогена. Все они не побоялись принять смерть за веру от рук кесаря — и таких святых XX век в России дал множество. Они настолько веровали в победу Божьей истины, что им и мысль не приходила в голову, будто компромиссы со злом могут быть на пользу Церкви. И для сохранения русской Церкви в XX веке важнее был этот духовный подвиг, а не многочисленные компромиссы. Этот тип святого наиболее почитаем и хорошо известен. Но, может быть, в условиях тоталитаризма, беспрецедентного по воплощению сил зла в обществе, можно увидеть и иной тип — не святого, но подвижника — для которого выбор стоял не между злом и добром, а между злом большим и злом меньшим? Который сознательно принимал на себя бремя греха, идя, однако, не к нему, а через него — к служению высшей правде таким единственно доставшимся ему способом, ибо альтернативой был бы лишь выход из служения и борьбы? Эти рассуждения в чем-то перекликаются с мыслями С.Л. Франка о "христианском реализме", с размышлениями И.А. Ильина в книге "О сопротивлении злу силою". Ведь допустимой несправедностью, избираемой христианином как меньшее зло, может быть не только применение силы, но и столь же несовершенное применение слова, грех "неполноты правды" — который берут на себя многие верные сыны Церкви и России, каждый на том месте, куда поставила его судьба. Они, конечно, не святые. В экстремальной ситуации тоталитаризма их средства борьбы больше отражают в себе и несвободность ситуации, и несовершенство человека (как в захваченном террористами самолете, когда средства спасения пассажиров очень ограничены и для любых действий требуется большое мужество). К тому же граница допустимого для христианина компромисса здесь очень тонка, ее легко нарушить. Однако, возможно, наши потомки будут почитать и таких делателей, подвижнически участвовавших в возрождении христианских ценностей. Имен называть не буду. Ко многим писа-

телям, церковным и общественным деятелям в сегодняшней России такая оценка мне кажется применимой.

|||||

Борис ФИЛИПОВ

2. "Русская история не удалась" (В. Вейдле). Никакая это не мысль Вейдле, а, скорее, общая всем западникам мысль, идущая от Чаадаева. Но — и не только с христианской точки зрения — как мы можем говорить об "удаче" или "неудаче" даже единичной человеческой жизни? Удалась ли, скажем, или не удалась жизнь Иова? С точки зрения вообще религиозной даже термин "удачи" или "неудачи" — просто неприложим, даже нелеп. Вносит некий гедонистический элемент в оценку. Иван Карамазов сказал бы, что мучения Иова, а особенно смерть его детей отнюдь не оправдываются тем, что Бог даровал ему *новых* детей, новое здоровье и благосостояние. Но и у Ивана-то Карамазова речь идет об оправдании существования ничем не заслуженного зла и страдания в Божием мире, а не об удаче или неудаче отдельной жизни — или жизни народов и всего человечества. Но ведь и русское народное сознание издавна говорило о том, что кого Бог бьет, того и любит — испытует... Переходя к чисто культурной точке зрения, можно ли и культуру того или иного народа, а — тем самым — и его историю, измерять с точки зрения массово-статистической? Россия, давшая "Слово о Полку Игореве", протопopa Аввакума, Пушкина, Достоевского, Толстого, Мусоргского и Римского-Корсакова, Лобачевского и Менделеева — разве не "удалась", — говоря словами Вейдле и западников? Ведь, скажем, Испания, Голландия, даже Италия дали мировых гениев только на протяжении одного (Испания), двух (Нидерланды), четырех (Италия) веков... Так что время цветения той или иной культуры почти никогда не совпадает с исторической жизнью данной нации. А тем более, с культурой массовой (разве можно будет судить наш век по массовой "контр-культуре" всевозможных "комиксов" и Пресли, биттлсов и "бардов", порнороманов и хлыстовских радений Вудстоков? Разве ценность чего-либо в культуре и истории определяется по большинству голосов во всенародном голосовании?)

Тем более нельзя применять эту "статистическую", "массовую" точку зрения по отношению к вопросу об "удаче" христианства в России. Прежде всего, следует вспомнить Христовы слова: много званых, но мало избранных. И еще: "не мир Я принес, но меч". Может быть, нынешние испытания России и есть — с христианской точки зрения — очищение Церкви от чисто официального, формально к ней принадлежащего большинства, от просто неверующих, от теплохладных... Я — плохой христианин, но крепко верю, что город, страну, мир спасают немногие праведники. И особенно крепко стало мое убеждение в этом, когда в тюрьмах и лагере НКВД я повстречал даже не немногих, а многих праведников, да и в тяжких условиях советской "вольной" жизни тоже. А разведение русской культуры — как и культуры мировой — не свидетельство той огромной движущей силы, того значения, какое сыграло христианство в жизни всего мира — и России, конечно. И разве не прав Пастернак, который в "Докторе Живаго" сказал, что только с христианством человек стал органически жить в истории? Что кончился — во всяком случае в идее, в чаяниях — эон первенства масс, империй, и начался эон человеческой личности (которая одна, какова бы ни была, по ценности своей "выше царств и миров")? И это даже не с религиозной, а позитивной точки зрения... И, возвращаясь к книге Иова, — ведь и Бог открылся в этой книге в меру тогдашнего ветхозаветного понимания — понимания *количественного*: раз дано было Иову — после его испытания — такое же количество новых детей, какое было у него прежде, то, следовательно, и зло, ему причиненное, "заглажено". Это никак не соответствует самым основным воззрениям Нового Завета... Возвращаясь к "культурно-исторической" оценке бытия той или другой нации, разве сонм русских святых, назову хотя бы только Сергия Радонежского, Нила Сорского, Серафима Саровского, — не свидетельствует о том, что говорить о "неудаче" русской истории весьма неосновательно. Повторяю, русское воззрение, что на семи праведниках земля держится (вспомним, переходя к современности, характерно-русский конец "Матренина двора" Солженицына), — гораздо ближе даже к эмпирической реальности, чем неосмотрительные слова Вейдле...

3. "В какой мере и в чем русская Церковь ответственна за случившееся в России?". Не пора ли перестать обвинять то инородцев, то иностранные державы, то Церковь в случившемся в России?

Российский народ, с его более чем тысячедвухсотлетним историческим возрастом, отнюдь не младенец, который может сваливать свои беды и грехи на няnek и губернeров... Конечно, все в мире виноваты за каждого — и каждый за всех. Но лучше всего обернуться на самих себя. Церковь, как установление Богочеловеческое (говоря "позитивным" языком), в человеческой своей стороне и изменчива, и может быть ошибочной и грешной. Но в этой-то своей стороне она входит в нашу общую человеческую историю. Если для некоторых отпадение православия от вселенской католической Церкви (Чаадаев, Вл. Соловьев) — есть великий грех перед Богом, перед историей и перед культурой, — то это можно рассматривать и как великое благо: ведь благодаря этому возникли и самобытная восточно-европейская и русская культура, и самобытная религиозно-философская мысль, и глубочайшая византийская и русская иконопись. Можно, конечно, сказать, что виновата русская православная Церковь в расколе XVI века, в подчинении ее светской власти, особенно со времен Петра Первого... Но ведь, по сути, "цезарепапизмом" обернулся и "симфонизм" патриаршего и императорского возглавления Церкви в Византии, то же положение Церкви в Англии — со времен Генриха VIII. Но пишущий эти строки слишком мало знает, чтобы ответить на этот вопрос.

4. "Как следовало бы отметить юбилей в России и в эмиграции?" Думаю, что такие юбилеи лучше всего отмечать в церкви, а дома — молитвами. О СССР говорить не буду: в государстве воинствующе-безбожном по самой сути своей любой помпезный "фестиваль", посвященный 1000-летию крещения Руси, выглядеть будет некой фальшивой маской, преследующей отнюдь не религиозные, а какие-то (*пропагандные*) внешнеполитические цели. В эмиграции, полагаю, нужно отпраздновать этот юбилей без трафаретно-эмигрантских выходов на вечерах разведчиков-скаутов с русскими национальными флагами и прочей обомшелой бутафорией. Скромно, достойно, скорее церковно, чем светски. Любое "светски-художественное" празднование собьется невольно на любительские выступления с традиционно-бездарными чтецами, певцами и танцорами... Подальше от подобных "традиций"! Хорошо было бы издать серьезный сборник произведений и исследований, посвященный юбилею. Но и в таком сборнике постараться, елико возможно, воздержаться от выпирания авторами своего

творческого или научно-исследовательского "я": самолюбование в сочинениях на темы религиозные или религиозно-культурные особенно нестерпимо.

5. Мне кажется, что наиболее глубокие и значительные периоды в истории русской Церкви — это периоды наибольшего преследования этой Церкви. Или наибольшей активности Церкви, совпадающие с тягчайшими периодами истории русского народа. Периоды монголо-татарского ига, раскола и гонений Церкви при Петре Первом и, наконец, семь десятков лет советских.

Кто из писателей, на мой взгляд, наиболее пронизан православным светом — и какие произведения? Всегда очень трудно назвать кого-либо одного. Конечно, Достоевский. Произведения? "Идиот" и, пожалуй, лесковские "Соборяне".

На другие вопросы затрудняюсь ответить.

МУЧЕНИКИ XX СТОЛЕТИЯ

ПОМИНОВЕНИЕ И ПОКАЯНИЕ *

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас...

А. Ахматова, "Реквием"

В нынешнем году мы отмечаем 70 лет со дня революции. Это был особый, важный и трудный период в истории России, в истории русского народа. Наша мораль, наша совесть на протяжении этих 70-ти лет подвергались тяжелейшим испытаниям. И совсем не многие их выдержали. Но многие, очень многие — миллионы — погибли, убиты, замучены. Это ужасное злодейство лежит на совести всего народа.

Души невинно погубленных зывают к нам, живущим христианам, о молитвенном поминовении. Наша совесть, совесть наших ушедших отцов и дедов, совесть и будущая жизнь наших детей зывают к покаянию.

Поминовение и покаяние. Вот два важнейших момента в нынешней нашей земной жизни. Кто, как не мы, христиане, помянет в молитвах невинных страдальцев, безвременно покинувших жизнь, кого называют ныне "незаконно репрессированными"? Кто, как не мы, христиане, вспомнит — без ненависти, но правдиво и скорбно — о свершенных злодеяниях, вспомнит и покается? Можно ли жить дальше, растить детей, не совершив всенародного покаяния молитвою, поступком, жизнью?

Борис ПАВЛОВ

*) С 1987 г. в Москве выходит самиздатский религиозно-философский журнал "Выбор", под редакцией В. Аксютинца и Г. Анищенко. Некоторые материалы из первого номера были опубликованы в "Русской Мысли". Заметка Б. Павлова и выдержки из службы новомученикам взяты нами из второго номера.

ИЗ СЛУЖБЫ СВЯТЫМ НОВОМУЧЕНИКАМ
И ИСПОВЕДНИКАМ РОССИЙСКИМ

Кондак, глас 2-й

Новии страстотерпцы российстии, исповеднически поприще земное претекши, страданьми дерзновение приемшии, молитесь Христу, вас укрепившему, да и мы, егда найдет на ны испытания час, мужества дар Божий восприимем. Образ бо есте лобызающим подвиг ваш, яко ни скорбь, ни теснота, ни смерть от любве Божия разлучити вас не возмогоша.

Икос

Егда начинахуся дние огненнаго искушения Церкви Российския и не благоволи Господь прияти от нас всеожжения и жертвы, тогда мнози архиереи и священники не приложишася плоти и крови, но уразумевше волю Господню, сами себе принесоша, яко непорочное заклание. И вслед Первосвященника вечнаго и Ходатая Новаго Завета внидоша сии во святилище с кровию своею, да очистятся греси людстии. Славни суть имена ваша, мужественнии страстотерпцы, образ бо нам есте, лобызающим подвиг ваш, яко ни скорбь, ни теснота, ни смерть от любве Божия вас не возмогоша.

Песнь 9-я

Ирмос: Не рыдай Мене Мати.

О новии страстотерпцы, иже подвиг противу злобы безбожных подъяша, веру Христову яко щит пред учении мира сего держаще и нам образ терпения и злострадания достойно являюще.

О твердости и мужества полка мученик Христовых, за Христа убиенных! Тии Церковь Православную украсиша и в стране своей крови своя, яко семя веры, даша. Купно со всеми святыми достойно да почтутся.

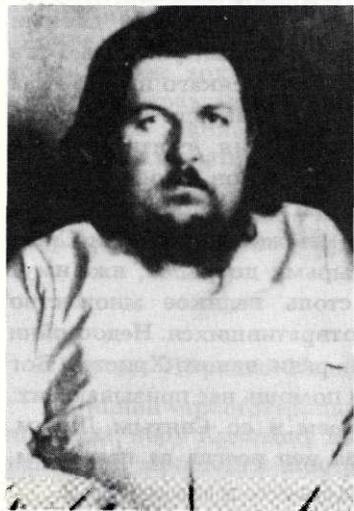
О святии, иже zde помянухом, и множайшее множество неведомых! Простите убожество словес сих, да напишутся еще похвалы, вам подобающыя. Исчислити вас невозможно есть. Всех же молитвами, да примут чтущии вас от Господа и Владыки живота нашего благодать и велию милость.

МОЛИТВА СВЯТЫМ НОВОМУЧЕНИКАМ
И ИСПОВЕДНИКАМ РОССИЙСКИМ

Святии новомученицы и исповедницы Церкви Российской, услышите усердную мольбу нашу! Ведем, яко неции от вас, еще отроцы суще, послушающе о древних страстотерпцех, в сердце своем помыслиша, колико прелюбезно и доброхвально есть таковым подражати, ихже ни муки, ни смерть не разлучиша от любве Божия. Благо же вам, яко последовали есте вере и терпению тех, о нихже слышасте и ихже возлюбисте. А понеже на всякое время возможно есть найти на ны испытанием нечаянным, испросите от Господа нам мужества дар, иже толико благопотребен есть в житии человечеством. Вся концы отечества нашего страданьми своими освятившии, яко общии за вся ны молитвенницы, умолите Бога избавити люди своя от ига, ужаснейшаго паче всякаго инаго. И да отпустится нам и всему роду нашему грех, на народе Российском тяготееущий: убиение царя, помазанника Божия, святителей же и пастырей с паствою, и страдания исповедников, и осквернение святых наших. Да упразднятся расколы в Церкви нашей, да будут вси едино и да изведет Господь на жатву делатели Своя, си есть да не оскудевает Церковь пастырьми добрыми, иже имут просвещати светом истинныя веры столь великое множество людей, вере ненаученных, или от веры отвратившихся. Недостойни есмы милости Божия, обаче страданий ради ваших Христос Бог наш да ущедрит и помилует всех нас, в помощь вас призывающих. Мы же ему, Спасителю нашему со Отцем и со Святым Духом, сокрушение о гресех и благодарение за вся всегда да приносим, славяще Его во веки веков. Аминь.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЕП. ВАССИАНЕ ПЯТНИЦКОМ

Вассиан, в миру Владимир Пятницкий, родился в 1873 г., так что ему было уже сорок четыре года, когда я с ним познакомился. Он в свое время окончил юридический факультет в Московском университете и лет десять был присяжным поверенным в Москве. Был женат, потом разошелся с женой, оставил службу и поступил в Троицкую лавру послушником, потом пошел учиться в Академию, приняв монашество. Я узнал его уже иеромонахом, окончившим курс. Это был среднего роста человек, довольно полный, вернее —

плотный, как говорят. Он не отличался красотой, но выражение его умного лица было приятно. А умен был он весьма и весьма. Это был человек рационалистического склада. Изучение юриспруденции, в особенности римского права, сказывалось в нем. Да и не одно право воспринял он от древнего Рима, а вообще римскую ясность и четкость мышления, чуждую восточной мистики. Рассуждения его всегда были определены и логичны, никаких туманностей и ухищренных отвлеченностей он не любил. Вероятно, поэтому и в Академии он выбрал область филологии и работал под

руководством тоже весьма рационалистично мыслявшего профессора Е. А. Воронцова. От него он отличался, впрочем, тем, что не увлекался семитической экзотикой, не уснащал своей речи восточными образами и фразеологией, а весьма рационально старался осмыслить мудрость Библии, Талмуда и других древнееврейских

творений. Очень интересовался он еще историей и археологией, черпая из этих областей массу поучительных и характерных примеров и фактов. Его проповеди были просты и понятны всем, но не в силу "упрошенства", а благодаря ясному изложению и строго логическому построению. И о вопросах веры он говорил так же просто и ясно, но в то же время с глубокой убежденностью.

Теперь мне иногда кажется, когда я вспоминаю о нем, что он, подобно Канту, четко разграничивал области веры и знания. В первой был тверд и законопослушен, в вопросах же отвлеченной мысли — критичен и последователен. Я тогда сильно увлекался мистикой, мне она казалась единственным ключом к познанию и мира, и души человеческой, а рационализм казался сухим и безжизненным. Недаром я так увлекался Флоренским, в котором видел человека, синтезирующего оба начала, и оставался равнодушным к Тарееву, несмотря на его богатую эрудицию и систематическое рационализирование, которое казалось мне чем-то чуждым моей натуре. Но этот же рационализм нисколько не отвращал меня от Вассиана, может быть, в силу каких-то специфических его черт, которые я не мог ясно осмыслить, но чувствовал "нутром", чего не было у меня по отношению к Тарееву. Да от последнего меня отталкивали, пожалуй, его олимпийское величие, его самолюбленная самоуверенность, мирно соседствующие с некоторой мелочностью, доходившей иногда до раздражительности, когда он терял чувство меры и такта, как я уже показывал отчасти в своем рассказе о нем. У Вассиана ничего подобного не было. Это был человек с огромной выдержкой; он умел выслушивать самые чуждые для него истины. Кроме того, Вассиан был прост и доступен. Он не "изрекал", как Тареев, смотревший свысока почти на всех окружающих, он охотно делился своим накопленным научным и жизненным знанием и опытом, не навязывая своих взглядов, а только высказывая их. Но он это делал так умело, что невольно начинаешь, бывало, прислушиваться к его словам и потом не раз задумываешься над ними.

Мне часто приходилось встречаться с ним в одном посадском семействе, где все были ревностными прихожанами академического храма, а хозяйка дома была незаурядной женщиной по своему уму и образованию. Встречался я с ним и у него в келье, а потом и на квартире, когда он вместе с Варфоломеем должен был покинуть академическое помещение и поселиться в Посаде. Часто мы разговаривали втроем — он, Варфоломей и я. А после

*) С. А. Волков. *Конец старой Академии* (самиздатская рукопись, Загорск, 1965). См. из той же рукописи "Об архим. Иларионе (Троицком)", *Вестник Р. Х. Д.*, № 134.

отъезда Варфоломея* в Москву, уже почти ежедневно беседовали вдвоем, т. к. у него, кроме вышеупомянутого семейства и меня никого в Посаде близких не было. Правда, его часто посещала одна монахиня, бывшая до закрытия ее монастыря игуменней в нем, как мне говорили, матушка Клеопатра, из древнего рода Палицыных, потомков Авраамия Палицына. Она помогала ему в хозяйстве, когда он был вынужден поселиться в частном доме. Когда он жил в Академии, я ее у него ни разу не видал, хотя бывал часто. Это была женщина очень умная, пожилая, строгая и выдержанная. И такая же рационалистка, как и отец Вассиан. Пожалуй даже еще больше. Я мало с ней разговаривал: мне она казалась слишком *terre à terre*, как говорят французы. Возможно, что я не пользовался в свою очередь ее расположением и она не считала нужным со мной сколько-нибудь сблизиться. Вообще она была довольно замкнутой особой и не бывала в том доме, где Вассиана принимали с любовью и почетом.

Вассиан очень любил и прекрасно умел рассказывать. Он сам многое видел в жизни, а читал очень и очень много. Его интересовало все: "племен минувших договоры, плоды наук, добро и зло, и предрассудки вековые, и гроба тайны роковые", говоря словами Пушкина, да и еще многое, о чем пушкинские герои-друзья вряд ли говорили, и среди этого многого — особенно события русской православной церковной истории, случаи из быта духовенства, как высшего, так и низшего. Повествовал он не так величаво, как Серебрянский, но без иронии и особенно без сарказма, которые были очень присущи рассказам и речам Глаголева и Рождественского. Был в его речах юмор мягкий, беззлобный, без какого-либо оттенка партийной односторонности, юмор, близкий до некоторой степени юмору диккенсовских повествований. Рассказывая о духовенстве, особенно старых времен, он умело пользовался красочностью специфического языка людей и эпохи. Это замечательно сказалось на стиле "Челобитной на черного дьякона Трифона", написанной им в стиле кляузных грамот XVII века и помещенной в уже упомянутой мною пресловутой брошюре.

Никогда он не вспоминал и не рассказывал мне и при мне о своем ученье в университете и о жизни до поступления в Троицкую Лавру послушником. Почему? — не знаю. А спросить его об

Н о стъамъ во вѣзонъ бѣнтѣре

*) Варфоломей Ремов.

этом я как-то не решался, боясь показаться назойливым. Да мне было достаточно и того, что я от него слышал. Кое-что я уже рассказал из того, что узнал от него, когда говорил о протоиерее Рождественском, которого он, по-видимому, хорошо знал и с которым его роднила взаимная любовь к творчеству Лескова, но отнюдь не к Бахусу, которого Вассиан не почитал.

(...)

Много приходилось мне с ним разговаривать о жизни и положении духовенства в прежние времена. Как и архимандрит Иларион,* да и вообще все академические монахи моего времени, он очень неодобрительно говорил о царях, которые, забрав самодержавную власть, совсем не считались с Церковью, воздавая ей внешнее почитание, но на деле командуя в ее сфере так же бесцеремонно, как и во всех областях государственного управления. Иларион, как я уже говорил, никогда не упускал возможности неместным словом помянуть "нечестивого царя Петра", даже до 1917 года. А Вассиан определенно говорил, что это вмешательство светской власти в церковные дела началось значительно раньше, еще со времен буйства и своеволия Ивана Грозного, еще раньше, с той поры, как Иван III удалил митрополита Зосиму с митрополичьего престола... "Петр I только завершил и законодательно обосновал беспрекословное подчинение Церкви государству в своем "Регламенте", а начали все это первые цари, чуть только вырвавшись из-под татарской сабли и плети", — говорил он.

Помню и такой случай. Однажды, будучи вместе со мной в гостях в одной семье наших прихожан, он высказал довольно свободно свое мнение по какому-то богословскому вопросу. Хозяйка дома напомнила ему, что он совсем недавно говорил на эту тему в своей проповеди и говорил несколько иначе. "Знаете что, — ответил Вассиан, — в церкви я говорил для широкой массы, среди богомольцев ведь много не только малообразованных, но даже и совсем безграмотных людей. Для них не годится говорить о своих богословских мнениях, а надо давать церковное учение в наиболее простых и доходчивых для их ума понятиях, иначе можно ввести их в соблазн. А вот вам, как женщине с высшим образованием и к тому же немало читавшей по вопросам рели-

*) Иларион Троицкий.

гии, я могу сказать больше и даже смелее, вы сумеете понять меня. Жаль, что вот этого не понимает о. Евгений: он и в проповедях для простых прихожан говорит таким языком и затрагивает такие темы, которые были бы уместны разве только на лекциях для старших курсов Академии, и часто вызывает у своих слушателей недоумение, а то и осуждение”.

Потом в беседе со мной наедине он о том же вопросе высказал еще более смелые суждения (к крайнему моему сожалению, никак не могу вспомнить, о чем тогда говорилось) и сказал: ”Вот вам, как студенту Академии, я могу сказать нечто большее, вы сумеете понять, где здесь частное богословское мнение надо отделить от догматического учения Церкви. Флоренского часто обвиняют в том, что он ссылается в некоторых случаях на принципы эзотеризма и экзотеризма в религиозном учении, говорят, что это свойственно разным теософиям и антропософиям, а на самом деле ведь это — не что иное, как простой педагогический прием: одним языком мы говорим юным школьникам, другим с взрослым человеком, но простецом, не имеющим должной подготовки, третьим с с уже достаточно научившимся студентом, а четвертым со своим собратом, стоящим на одной ступени развития и лишь количественно отличающимся от нас своими познаниями. Видите, что получается в результате всего не два, а четыре, и, может быть, больше языков. И все — об одной истине”.

Любил Вассиан немного пошутить и добродушно посмеяться, в частности над Варфоломеем, с которым они дружили, а в последнее время и жили даже в смежных комнатах. В последние месяцы перед хиротонией Варфоломеем очень волновался. Хотя он и старался не показывать этого, но в разных мелочах это волнение сказывалось. Вассиан как-то сказал мне без него: ”Он знает, что его дело в принципе уже решено. Епископом он будет, но он боится, как бы я не обогнал его в этом отношении — как бы не пришлось ему у меня благословиться!.. Видите, какие пустяки могут иногда мучить совсем неглупого человека...” А потом, когда Варфоломеем стал епископом и поселился в Москве, то Вассиан рассказал мне совсем курьезную историю:

”На днях приезжала к матушке Клеопатре ее знакомая монахиня из Москвы. Конечно, расспрашивая о московских новостях, ее не преминули спросить, как чувствует себя новопоставленный епископ Варфоломеем и что о нем говорят в Москве. И вот что

ответила эта наивная старлица: ”Здоровье у владыки Варфоломея пока, слава Богу, хорошее, но вот говорят-то о нем нехорошо”. — ”Как нехорошо?” — ”Да как же, матушка! По всей Москве втихомолку говорят, что скоро Варфоломеевская ночь будет! Уж чего хуже можно сказать о монахе, когда о каких-то его ночных делах напоминают!” Вот как опасно иногда бывает, когда твое имя совпадает с каким-нибудь историческим именем или событием! Простецы в своей наивности все по-своему поймут и перетолкуют. Варфоломею, наверно, и во сне не снилось стать такою притчею во языцех!”

Вассиан очень любил читать. Но он был совершенно равнодушен к поэзии. Писателей-прозаиков, русских и иностранных, он читал и знал хорошо. Но даже такие поэты, казалось бы, близкие к миру духовному, как Тютчев, Владимир Соловьев, его не трогали. О Вячеславе Иванове он не имел никакого представления; однако ”Огненного ангела” Валерия Брюсова читал и даже имел в своей библиотеке, говоря, что нехорошо показан конец Средневековья и к тому же приложена обильная библиография. А библиотека у Вассиана была хорошая. В ней было свыше трех тысяч томов. И все отборные книги — по богословию, по истории религии, по истории гражданской и церковной, всеобщей и русской, по церковной археологии и языкознанию. Он приобрел у о. Е. А. Воронцова почти все его книги по гебраистике, а там были редкие издания и русские, и иностранные. К сожалению, эта библиотека, по видимому, погибла. Когда его арестовали, вскоре после его хиротонии, его библиотеку, как мне рассказывали, конфисковали и передали в Сергиевскую милицию. Там ее свалили в какой-то сарай, а что было потом — Бог ведает. Наверно сожгли как хлам. Жаль, что ее не передали в филиал Румянцевского музея, т. е. в бывшую Академическую библиотеку. Я спрашивал о ней у К. М. Попова,* но он сказал, что к нему она не поступала.

Вспоминая о Вассиане, нельзя не сказать о его исключительном ораторском даровании. Он умел говорить и любил говорить. Его проповеди и речи были поразительны и по содержанию и по мастерству изложения мыслей и произношения. Всегда ясные и понятные

* Библиотекарь Академии.

всем, но в то же время нисколько не снижающие серьезности темы и глубины ее освещения, сказанные с таким сильным чувством, что они буквально овладевали слушателями и передавали им настроение говорящего. Эти его выступления были прямо таки праздниками словесного искусства, их слушали с напряженным вниманием и потом долго вспоминали о них в разговорах. Он не любил длинных речей. "Зачем утомлять внимание и своими длиннотами, ненужными и часто отвлекающими ум слушателей от основной темы, расхолаживать настроенность и, тем самым, не выполнять поставленной цели — воздействовать на людей, зажигать их сердца?!" — говорил обычно он, когда речь заходила о проповедовании. — "Здесь нужны не красоты стиля, узорчатость речений или какие-нибудь глубокомысленные и длинные цитаты, этому место в лекции, а здесь надо обращаться прежде всего и больше всего к сердцу, и если оно затронуто, значит проповедь сказана так, что она оправдала себя". Неоднократно слушатели плакали во время его речи, а потом взоры их прояснялись, и они уходили из храма с успокоенной душой.

Только двух таких сильных проповедников я знал: Вассиана и, как я говорил ранее, Илариона. Были люди, спорившие, кто из них говорит лучше. Мне же казалось, что они равноценны. Их проповеди в большинстве случаев были импровизациями. Но иногда, когда предстояло ответственное выступление, они готовились. Подготовка состояла в набрасывании плана и особом обдумывании построения начала и конца. Некоторые проповеди, как публичные лекции Илариона, напечатаны. К сожалению, этого нельзя сказать о проповедях Вассиана. Тогда было такое напряженное время, что вряд ли кто записывал их. Вероятно, и сам он не имел времени это делать. Могу сказать только одно: для тех, кто имел счастье их обоим слышать, и нередко, эти живые примеры были лучше всякого курса гомиластики или учебника ораторского искусства. Я уже говорил о том, как дивно читали лекции Флоренский, Серебрянский, протоиерей Воронцов, Глаголев, И.В. Попов, но это были лекции, область, где имеются свои особые цели, а в связи с этим и свои особые приемы и дарования. В речи же проповеднической и ораторской я не знал этим двум равных.

После хиротонии Вассиан вскоре уехал в свою епархию, в город Егорьевск, и уже после этого я с ним не встречался. Я слышал, что он потом стал архиепископом и одно время примыкал

к одному из бывших тогда в церковном мире расколов.* Где, когда и при каких обстоятельствах он скончался, я не знаю.

*) Согласно словарю митр. Мануила Лемешевского, в конце 1925 г. еп. Вассиан уклонился в Григорианский раскол, но вскоре покался и был назначен еп. Козловским, управляющим Тамбовской епархией. В 1930 г. назначен архиеп. Тамбовским, в 1936 г. был арестован и умер "неизвестно где" в 1940 г.

†

РЕЧЬ
СКАЗАННАЯ АРХИМАНДРИТОМ ВАССИАНОМ
ПРИ НАРЕЧЕНИИ ЕГО ВО ЕПИСКОПА ЕГОРЬЕВСКОГО,
викария Рязанской епархии, 7 августа 1921 г.,
в храме Троицкого Патриаршего подворья.

Великий господин и отец мой, святейший Патриарх,
и вы, богомудрые архипастыри.

Угодно Святому Духу Параклиту устами вашими произнести свой суд над моим недостойством и призвать меня к величайшему служению на земле, служению епископскому.

Благоговейно склоняюсь под руку Господню, указующую мне новый образ священного служения, с благодарением приемлю соборное слово ваше.

В эту великую минуту моей жизни, я погрешил бы пред Богом и вами, если бы не высказал всего того, что я перечувствовал и передумал с того времени, когда святейший Владыка мой сказал мне о грядущем на меня сани святительском.

Этот сан, по слову великого иерарха русской Церкви, "хотя и в мире, но не от мира и не для мира". Воистину так: ибо, хотя делу спасения людей, в мире живущих, служит епископ, но мир дает этот дар рабам Иисусовым, но Сам Дух Святой, чрез вас, приемников апостолов Христовых, поставляет архиереев

в Церкви своей, и служение архиерея не есть служение временным, земным нуждам его паствы. Архиерей — это вождь духовный, это новозаветный Моисей, избранник Божий, изводящий людей Господних из духовного Египта — мира, который "весь во зле лежит", в надмирные обители Отца Небесного, от порабощения исконному человекоубийце — дьяволу, к свободе и покою и радости о Господе.

Архиерей — это светильник Христов, поставляемый на кафедре своей, как на свещник, чтобы светить всем, кто находится в доме Христовом, в ограде церковной; и как, по сравнению того же богومудрого иерарха, при наступлении темноты на дворе усиливают свет в доме, так и при усилении тьмы духовной в мире грешном и лукавом возжигаются множайшие Божии светильники — архиереи внутри дома, в чертоге церковном. Вне этого чертога — густая, непроглядная тьма, но тьма эта не страшна обитателям дома, если в нем горит много светильников, и светильников ярких, многоелейных.

Светильник Церкви Христовой — епископ, чтобы неосужденно выполнять святое служение свое, неугасимой лампадой должен сиять пастве своей, и прежде всего от него должен изливаться чистый свет православного учения, благовестия Евангелия Христова, непоколебимого исповедания догматов церковных, хранения сокровища преданий церковных и церковной дисциплины: этим покажет архиерей веру свою.

И другой свет должен изливаться от святителя Христова: ровный, спокойный, умиротворяющий свет неизменной покорности воле Божией, непреклонного сознания непобедимости Церкви Христовой никакими врагами ее, непоколебимой уверенности в Божественном происхождении святительской власти своей и твердого упования на силу Божию, в немощи человеческой являющую себя: этим светом светя, покажет епископ надежду свою.

Но и этого света мало еще для полноты горения и освещения архиерейского: пламенным, всегда возрастающим огнем стремления к Богу Живому, к единению со Христом чрез жизнь по Евангелию, чрез служение Ему в лице меньших братий Его, огнем всепрощения, огнем молитвы не только за друзей, но и за врагов, огнем желания самую жизнь отдать ради приобретения Христа, таким огнем должен гореть епископ: тогда покажет он от жизни своей любовь свою. Таков, по моему убеждению, идеал деятельности епископа.

Теперь вы, святители Христовы, можете спросить меня: каким же светом будешь сиять ты сам, нареченный ныне епископ. Рисуя такой идеал архипастырского служения, считаешь ли себя способным воплотить его в себе самом, считаешь ли себя достаточно сильным, чтобы понести такие труды и подвиги.

Архипастыри и отцы мои! Отвечу вам, как бы стоя пред Лицом Самого Бога-Сердцеведца: хочу быть таким пастырем стада Христова, хочу, но, слабый и грешный человек, я смущен предстоящим мне подвигом.

Я хотел бы просить священный собор ваш иного избрать на это служение, иного пахаря послать на ниву Божию, и тяжкое бремя омофора архиерейского возложить на рамена иного, сильного духом и телом раба Христова, а меня оставить делателем малого, посильного для меня дела.

Подавляю в себе это желание: принимаю ваш святительский призыв, как тяжелый крест.

Этот призыв отдаляет меня от родной моей земли московской, где протекла уже большая половина моей жизни, и от духовной моей родины: тихой пустыни Параклитовой и от великой некогда, а ныне затихшей сном скорби обители Сергиевой, отторгает меня от семьи любящих меня и любимых мною и близких духу моему детей моих о Господе, закрывает для меня последний уцелевший уголок родной Академии — ее книгохранилище, где занимался я своей научной работой, — ваш призыв с тягостью воспринимается грешной волей моей, и в то же время радостно отзывается душа моя на призыв ваш...

Эту радость вливают в душу мою незабвенные слова, сказанные мне отцом моим святителем Феодором, ректором нашей Академии, в первые минуты моей иноческой жизни: "Воля Божия раскрывается в человеке и опознается им, как воля Божия, именно в том, что она воспринимается с тягостью; когда, как будто, чья-то суровая рука схватит человека и поставит его в известное положение... даже против его желаний, — то это верный признак, что здесь действует рука Божия".

Мудрыми словами этими побеждаю я лукавые помыслы, смущающие дух мой; волю мою греховную полагаю я к ногам Христа моего, и, за Его крепкую и любящую руку держась, как дитя за руку матери, иду с покорностью сыновней на служение епископское, иду, быть может, на Голгофу...

Знаю, что далек я от совершенства, знаю все немощи мои, но знаю и то, что в немощи человеческой совершается сила Божия; знаю, что и в глиняный сосуд может быть налит драгоценный, благоуханный елей.

Верую в силу Божественной благодати, могущей немощи души моей уврачевать, недостатки мои духовные восполнить. Верую, что Тот, Кто Савла — гонителя преобразил в Павла — великого апостола, может и меня, слабого и грешного, но все же любящего Господа священника Своего сделать добрым пастырем словесных овец Своих.

Святители Церкви Христовой. Пред Богом и пред вами раскрыта вся душа моя. Благословите мое вступление в святыи сонм ваш, укрепите меня молитвами вашими, а я, раб Христов и послушник ваш, со страхом и радостью буду ждать грядущего дня, первого дня моей новой жизни, в который, чрез возложение священных рук ваших, приму я полноту благодатных дарований Всесвятого Духа Параклита и стану первостоятелем Церкви Егорьевской.

АРХИЕПИСКОП ОНУФРИЙ ГАГАЛЮК

(Из самиздатской рукописи)

Приступая к составлению жизнеописания архиепископа Онуфрия, мы прежде всего обращаемся с мольбой ко Господу Богу, да укрепит Он слабый ум наш и наставит нас беспристрастно и правдиво описать, хотя в кратких словах, историю жизни и деятельности этого чудесного святителя российской православной Христовой Церкви, служению которой и укреплению в православном народе веры и любви к Богу и людям посвятил он всю свою жизнь.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Прежде всего, считаем нужным оговориться, что все сведения, какие приводим ниже, почерпнуты со слов матушки архиепископа Онуфрия, с которым она прожила долгие годы, чудесной старушки, умершей в апреле 1938 г. в возрасте 84-х лет, сохранившей до самой смерти светлую память, незаурядный ум и пламенную любовь к своему сыну.

Архиепископ Онуфрий (мирское имя его Антон Максимович Гагалюк) родился в 1889 г. в семье бедных и простых людей: отец его — крестьянин, бывший солдат-ефрейтор крепостной артиллерии; по окончании военной службы, которую он провел в городах Польши, он устроился на работу лесником в казенное лесничество Люблинской губернии. Здесь он женился на бедной мещанской девушке, и от этого брачного союза родилось за 15 лет шестеро детей: три мальчика, в числе которых самым младшим был сын Антон — будущий архиепископ, и три девочки.

К тому времени, с которого начинаем описание жизни мальчика Антона, ему было 5 лет. Был он мальчик здоровый, крепкий, веселый, жил при родителях, в маленьком деревянном домике, на опушке большого леса, в 7-ми верстах от ближайшей деревни и 37 верстах от города Ново-Александрии.

Кроме братьев и сестер у Антона не было никого из сверстников, с которыми он мог бы играть.

Однажды в зимнюю пору с отцом Антоши случилось большое несчастье: совершая обход леса, он застал четырех мужиков, производивших порубку леса казенного. Они стали просить, чтобы он не записал их на штраф, но просьбу эту он отклонил, и тогда порубщики, набросившись на лесника, стали его бить. Будучи от природы очень сильным человеком, от стал отбиваться от них и обратил их в бегство, но сам был сильно ранен в руку и голову. С большим трудом потащился домой, где жена, омыв его раны, уложила в постель. И в ту же ночь, те же порубщики совершили второе злодеяние: подожгли со всех сторон лесную избушку. Отец лежал в это время больной в комнате, ярко освещенной лампой, и из-за этого никто не заметил пожара. И только когда огонь стал пробиваться в комнату, мать первая заметила пожар и бросилась спасать детей, но так как наружная дверь была объята пламенем, она, выбив оконную раму, побросала детей в снег, укутав их предварительно в одеяла и подушки. Отец и мать еще выбрались из пламени тоже через окно, вещи же все сгорели, ничего спасти не удалось. К концу пожара приехали из деревни крестьяне на подводах, отвезли раненого лесника в город в больницу, а мать с детьми привезли в деревню и оказали им приют.

И вот здесь, в крестьянской хате, случилось поистине великое чудесное событие, предрешившее и предопределившее всю дальнейшую судьбу мальчика Антона.

И вот что рассказывала нам мать владыки Онуфрия об этом событии:

"После того, как меня с детьми привезли с пожарища в деревню и устроили в хате, я, глядя на моих малых детей, оплакивала их и мою горестную судьбу. Дети окружили меня и стали утешать, и вот, сын мой Антоша, 5-ти лет, взобравшись ко мне на колени и обняв за шею, сказал мне следующее: — *"Мама, ты не плачь, когда я буду епископом — я возьму тебя к себе!"* — Я была так поражена этими словами, ибо не поняла их значения и даже испугалась и переспросила Антошу — *"Что ты сказал? Кто такой епископ?"*

Где ты слышал такое слово?" Он мне повторил уверенно и серьезно: *"Мама! Я буду епископом, я сам это знаю"*.

И что же случилось? Через 28 лет пророчество 5-летнего сына исполнилось: маленький Антоша в 1923 г. стал православным епископом, и он взял меня, мать свою, к себе.

Что это пророчество было таинственным и произнесено словами, совершенно неизвестными и непонятными самому мальчику, и им никогда и ни от кого не слышанными, видно из того, что вся наша семья жила обособленно, вдали от населенных мест, в глухом лесу, и ни я, ни муж и никто из детей не видели епископа и о нем никогда и разговора не было у нас".

Как же сложилась жизнь мальчика Антоши и как ему довелось достичь высокого сана православного епископа?

Оставшись на 5-м году жизни без отца, Антоша, по просьбе матери, был принят в сиротский приют в г. Люблино. Туда же поступила в качестве повара мать его. В приюте мальчик рос, хорошо учился, окончил церковно-приходскую школу и был отправлен на средства приюта в г. Холм, в Холмское духовное училище, по окончании которого с отличием был принят в Холмскую Духовную Семинарию.

Здесь, в год окончания семинарии, с юношей Антоном случилось второе чудесное событие, указывающее ему дальнейший путь к служению Богу и Его святой православной Церкви: за месяц до выпускных экзаменов Антон заболел, в тяжелой форме, воспалением легких и был помещен в семинарскую больницу. Болезнь осложнилась. Боялись за его жизнь, в семинарской церкви служили молебны Господу Богу об исцелении болящего... И вот что говорил потом Антон своей матери:

"Я находился в забытьи, или наяву, или во сне (хорошо не помню) передо мной появился чудесный старик, обросший большой бородой до ступней ног и седыми длинными волосами, закрывавшими голое тело его до пят. Старец этот ласково на меня посмотрел и сказал: *"Обещай послужить Церкви Христовой и Господу Богу и будешь здоров"*. Слова эти посеяли во мне страх, и я воскликнул: *"Обещаю!"* Старец удалился. Я заснул и с того времени начал поправляться. Когда потом я стал осматривать иконы с изображением великих святых православных, в изображении св. Онуфрия Великого заметил черты того явившегося мне старца".

Еще не вполне оправившись от болезни, Антон приступил к экзаменам и отлично их выдержал, но не первым, а вторым из окончивших. Это обстоятельство сильно его опечалило, так как, при желании поступить в Духовную Академию, нужно было держать конкурсный экзамен, к которому, при его слабости, трудно было готовиться. Был момент, когда он решил поступить не в Академию, а в университет. Поговорив об этом с быв. ректором Семинарии, епископом Дионисием, он, по его совету и благословению, поехал в Петербург и успешно выдержал вступительный экзамен в Духовную Академию, получив стипендию.

Будучи на 3-м курсе, Антон был послан ректором Академии в Холмскую Русь, в Яблочинский Онуфриевский монастырь, для чтения лекций по богословию на курсах, организованных для группы учителей, прибывших в монастырь из Галиции (Австрии). Здесь он, успешно выполнив задание, перед самым отъездом вторично заболел воспалением легких. Положение его вызванными в монастырь врачами признано было почти безнадежным. Об исцелении его служились молебны.

И вот однажды, как об этом писал Антон матери, он лежал в келии в забытьи, слышал пение святых молитв, и вдруг пред его очами предстал тот же старик, который посетил его в Холмской больнице три года тому назад и взял с него слово, что он посвятит свою жизнь на служение Господу Богу.

Сурово посмотрел на него старик (это был св. Онуфрий Великий, покровитель Яблочинского Онуфриевского монастыря) и с укоризной сказал: "Ты не выполнил своего обещания, сделай это теперь. Господь благословляет".

"Когда я открыл потом глаза, то увидел, что в келье служат молебен о моем выздоровлении перед образом св. Онуфрия Великого, чудотворный образ которого стоял около моей кровати. Я прослезился от умиления и заявил присутствующему тут же архимандриту Серафиму, что по приезде в Академию приму иноческий постриг. Приехав спустя несколько дней в Петербург, я был пострижен в монашество епископом 5 октября 1913г., и с того дня студент 3-го курса Петербургской Духовной Академии Антон Максимович Гагалюк на 24-м году жизни стал иноком с именем Онуфрий".

Продолжая образование в Академии, будучи посвящен в сан иеромонаха, Онуфрий, с благословения ректора Академии, был

некоторое время настоятелем церкви в селе Михайловском, близ станции Парголово Финляндской железной дороги.

В 1915г. иеромонах Онуфрий окончил Петроградскую Духовную Академию с ученой степенью кандидата богословия и был назначен преподавателем в Пастырско-Миссионерскую Семинарию при Григориево-Бизюковом монастыре Херсонской епархии.

С этого года, по приезде иеромонаха Онуфрия в Херсонскую епархию, началась пастырско-иноческая деятельность его на церковной ниве, продолжавшаяся в течение 8 лет, до момента наречения его 23 января 1923г. во епископа Елизаветградского.

В этот промежуток времени случилось три события, свидетельствующие об особой милости Божией как к иеромонаху Онуфрию, так и к матери его и к брату, которые считаем нужным описать.

1. Год 1914-й. В Петербург, для свидания с братом, студентом Духовной Академии, иеромонахом Онуфрием, приезжает родной брат его Андрей из города Люблино. В это время в Петербурге получено было известие об объявлении войны России Германией (19 июля 1914г.). В тот же день, к вечеру, приехавший брат получил телеграмму о возвращении к месту службы в Люблин, где уже начались военные действия. Прощаясь с братом, иеромонах Онуфрий, узнав, что он не носит на груди креста, требует от него обязательного исповедания христианской веры и, снимая с себя крест, надевает на брата и возносит при этом горячую молитву к Богу об избавлении брата его от смерти, причем держит к нему речь о том, что, находясь на театре войны, он подвержен всегдашней опасности быть убитым или раненым и что поэтому нужно всегда молиться Богу. "Крест, которым я благословляю тебя, носи всегда на себе и верь, что он спасет тебя от смерти".

Минула тяжелая мировая война, и брат Андрей остался цел и невредим.

Но вот наступила гражданская война на Украине. Год 1919, месяц – август. Андрей работает на одном заводе, в окрестностях г. Черкассы. На завод прискакал казачий разъезд кубанцев и, поймав приказчика завода, еврея, стал его избивать, вырвали до половины язык, перебили руку и поранили голову. Как раз к моменту этого мучения несчастного еврея прибежал Андрей и бросился на казаков, требуя прекратить избиение, назвав этого еврея своим "товарищем". Заступничество Андрея было признано проявлением большевизма, и начальник разъезда, офицер, стал избивать Андрея

нагайкой и кулаками, а потом, пристрелив еврея, сделал выстрел в Андрея, но промахнулся и, истратив видимо все патроны, приказал казакам расстрелять его.

К этому моменту рубашка на груди Андрея была разорвана и виден был крест, которым благословил его брат, иеромонах Онуфрий, в Петербурге, в день объявления войны. Когда казаки сняли с плеч винтовки и направили их на Андрея, они увидели у него на груди крест, от которого под влиянием солнечного света исходило как бы сияние. Будучи религиозными, казаки сделали залп из 4-х винтовок, не причинивший Андрею вреда, не заряжали больше ружей, а когда офицер, прикрикнув на них, приказал еще раз "застрелить его", казаки отказались, заявив, что они не будут стрелять в человека-христианина, носящего крест на груди. Офицер уступил. Андрей остался жив, и слово его брата, что крест, которым он его благословил, "спасет его от смерти" — исполнилось.

Это все иначе как чудом Божиим, по молитвам иеромонаха Онуфрия, объяснить нельзя.

2. Мать архиепископа Онуфрия проживала до 1915 г. в Польше, у старшего сына Владимира. Во время русско-германской войны, когда немцы приближались к тому месту, где она жила, сын ее Владимир отправил ее вместе с сестрой и ее детьми в Брест на подводе, откуда они должны были выехать поездом вглубь России, как беженцы. Приехав в Брест, где скопилась масса беженцев, старушка-мать, потеряв где-то в толпе дочь с внучатами и полагая, что они уже сели в поезд, села и сама, надеясь, что дочь разыщет ее там. Но ошиблась. Поезд следовал все дальше. На станциях кормили беженцев, была сыта и мать. Доехали до Херсона, и всех беженцев высадили, предложили им устроиться, где хотят.

Старушка оказалась на мостовой без денег, без теплой одежды, которая осталась в Бресте у дочери. Положение стало ужасным. Пробродив целый день по городу, она пришла к набережной реки Буга, голодная, продрогшая, беспомощная... И вот, глядя на реку, она решила утопиться. Помолившись Богу, она уже занесла ногу, чтобы броситься в воду, но в этот момент кто-то кашлянул, она оглянулась и увидела, что недалеко стоит кто-то в черном, похожий на монаха (монахов она встречала уже в поездах). У нее сразу мелькнула мысль: "Это монах, и сын у меня монах. Быть может он знает его и может сказать, где он". Тогда она стала звать этого человека. Он спустился к реке и подошел к старушке, спро-

сив ее, что ей нужно. Она с волнением, вся в слезах обратилась к нему с вопросом: "Не знаете ли вы моего сына? — А кто он такой? — Он не в монастыре, а в Академии, в Петербурге. — Ну, такого я не знаю". И хотел отойти. Видя это, старушка сказала: "Ну, теперь я утоплюсь. У меня шестеро детей, и где они теперь — не знаю, и я должна погибнуть".

Монах вошел в ее положение и повел ее в архиерейский дом, сказав: "Ваш сын — ученый монах, а о таких может знать только епископ". Пришли к дому епископа, позвонили. Вышел келейник, и монах настоял, чтобы он доложил епископу, что старушка-беженка ищет своего сына. Келейник впустил ее, посадил в приемной и доложил епископу Прокопию, и вот подлинные слова старушки-матери: "Мне показалось, что я нахожусь в раю. Сколько икон, сколько портретов, так все красиво! Вдруг открывается боковая дверь и входит красивый мужчина, на груди, на золотой цепочке, маленькая иконочка. Я подумала, что это Христос, и упала на колени. Он подошел ко мне, перекрестил меня и спросил: "Что вы хотите, матушка?" — Я ответила: "Ищу сына". "А кто же он такой? — Иеромонах Онуфрий, из Петербурга". И слышу, он так радостно спрашивает: "Галалюк?" — Я, как услышала фамилию сына, от радости потеряла сознание. Меня человек этот привел в чувство, усадил в кресло и сказал: "Он у меня". Я опять потеряла сознание. Когда я пришла в себя, он сказал: "Вы успокойтесь. Он не здесь у меня, а в 20 верстах отсюда, в Григориево-Бизюковом монастыре. Вы отдохните немного, выпейте чаю, закусите. Заложат экипаж, который и отвезет вас к сыну. Он вышел, и тогда я сообразила, что не Христос это, а епископ. Я первый раз видела в жизни епископа, и подумала, неужели и сын мой будет таким и исполнится пророчество моего маленького Антоши, когда он сказал мне, что будет епископом?"

Через некоторое время епископ усадил меня в карету, туда же сел келейник, и лошади как вихрь помчали меня к сыну. Менее чем через два часа мы приехали в монастырь, здесь зарыскали моего Онуфрия, и я держала его в объятиях, счастливая и радостная. На следующий день приехал в монастырь епископ Прокопий, совершил архиерейскую службу и по окончании сказал проповедь о том, "как мать чудесным образом нашла своего сына". Все бывшие в соборе плакали, мне казалось, что более счастливого человека, чем я, нет никого на свете".

3. В бытность иеромонаха Онуфрия преподавателем в Пастырско-Миссионерской Семинарии, на Херсонщине и по всей Украине в 1917-19 гг. происходила гражданская война, были случаи разбоя и грабежа. На Григориево-Бизюков монастырь, где жил иеромонах Онуфрий, напала банда махновцев. Монастырь был разгромлен, многие монахи – убиты. Узнав о нападении на монастырь, на выручку приехали крестьяне из соседних деревень, в числе избиваемых монахов был и иеромонах Онуфрий. Отбив их от махновцев, крестьяне увезли их к себе в деревни. Иеромонаха Онуфрия отвезли затем в г. Берислав, где, по просьбе православных христиан, он был назначен настоятелем местного собора и спустя некоторое время был возведен епархиальным епископом Прокопием в сан архимандрита.

Из г. Берислава архимандрит Онуфрий переведен в г. Кривой Рог, той же Херсонской епархии, где и был настоятелем Николаевской церкви. На состоявшемся в августе 1922г. соборе православных епископов Украины в Киеве, бывшем под председательством экзарха всея Украины митрополита Михаила, архимандрит Онуфрий был избран кандидатом во епископа для Херсонско-Одесской митрополии, а затем, 23 января 1923г., в Великой лаврской церкви Киева, архимандрит Онуфрий был рукоположен митрополитом Михаилом, совместно с викарием Киевской епархии, епископом Дмитрием, в сан епископа Елизаветградского.

24-го января 1923г. епископ Онуфрий совершил в Успенском соборе г. Елизаветграда свое первое архиерейское служение, при громадном стечении молящихся.

Через 6 дней после этого епископ Онуфрий был арестован и заключен в тюрьму, откуда был переведен в одесскую тюрьму, где просидел в заключении 3 месяца. Из одесской тюрьмы он был переведен в екатеринославскую, и наконец, епископ Онуфрий был переведен в харьковскую тюрьму, в которой просидел 3 месяца.

По выходе из харьковской тюрьмы епископу Онуфрию разрешено было оставаться в г. Харькове, на правах ссыльного. Таким образом, владыка Онуфрий в сане епископа Елизаветградского прослужил в своей епархии только 6 дней и просидел в тюрьмах пяти городов свыше шести месяцев.

Находясь в ссылке в Харькове, владыка Онуфрий, как епископ Елизаветградский, по поручению и благословию святей-

шего патриарха Тихона, управлял, на правах епархиального епископа, Одесско-Херсонской епархией и своей Елизаветградской.

Все это в период с января 1923г. по декабрь 1926г. В декабре 1926г. епископ Онуфрий был арестован, сослан в село Кудымкор, где находился до октября 1928г. В октябре 1928г. был арестован и отправлен в г. Тобольск, где и содержался в тюрьме до января 1929г. (3 месяца).

В январе 1929г. из Тобольска был отправлен этапным порядком в ссылку в г. Сургут на реке Оби, где находился до сентября 1929г.

В сентябре 1929г., при переезде на пароходе в г. Тобольск, был снят с парохода и водворен на жительство в глухое село Уват и находился там до ноября 1929г.

В ноябре 1929г., получив направление, отбыл без конвоя в город Тобольск.

В Тобольске был освобожден из-под стражи и, прожив некоторое время в Тобольске, получил разрешение на выезд в г. Старый Оскол, ввиду назначения епископа Онуфрия церковной властью на кафедру епископа Старо-Оскольского.

В декабре 1929г., направляясь поездом из Москвы в Старый Оскол, был высажен милицией из поезда на маленьком полустанке Горшечной, и, за отсутствием арестного дома, владыку Онуфрия посадили в погреб пристанционного дома, где он просидел трое суток и потом получил разрешение на проезд в г. Старый Оскол.

Прибыв в Оскол, вступил в управление Старо-Оскольской православной епархией, получив разрешение от местной власти совершать богослужения только в одной церкви, а было их – 6 городских и 7 церквей слободских, прилегающих к самому городу. В Старом Осколе пробыл с декабря 1929г. по март 1933г., и под конвоем отправлен в г. Воронеж и заключен в тюрьму.

В тюрьме в Воронеже просидел 3 / 5 месяцев и в июне 1933г. был освобожден и прибыл в Курск, к месту нового назначения епископом Курской епархии.

В Курске, получив сан архиепископа, владыка Онуфрий пробыл с июня 1933г. по июль 1935г., был арестован, предан суду и осужден к тюремному заключению на 10 лет.

Просидев в курской тюрьме с июля по декабрь 1935г., был отправлен в орловскую тюрьму, а оттуда в марте 1936г. отправлен в арестантском вагоне на Дальний Восток для отбытия "наказания".

Первые два года заточения (годы 1936-37) архиепископ Онуфрий находился в переписке с матерью, и из писем видно, что он работал на Дальнем Востоке, в Средне-Бельском совхозе Дальневосточного лагеря, в центральном участке. В последнем же письме указан тот же адрес, но участок работы указан уже цифрой "4". Письмо датировано 9 декабря 1937г.

После этого никаких уже известий от него получено не было, но зато было сообщено, при возвращенной, не врученной ему посылке от матери, что адресат в апреле 1938г. отправлен в благовещенскую тюрьму.

Затем получено было сообщение справочного бюро министерства внутренних дел СССР, что Антон Гагалюк 8-го марта 1938г. был осужден Хабаровским Краевым Судом на 10 лет лишения свободы, с запрещением переписки.

Что случилось с ним после этого вторичного осуждения, никаких точных сведений получить не удалось.

†

**РЕЧЬ АРХИМАНДРИТА ОНУФРИЯ
ПРИ НАРЕЧЕНИИ ЕГО ВО ЕПИСКОПА ЕЛИЗАВЕТГРАДСКОГО,
предложенная высокопреосвященному митрополиту Михаилу,
эксарху всея Украины, и преосвященному Димитрию,
епископу Сквирскому, в г. Киеве, 22 января 1923г.**

Преосвященные Архипастыри, богомудрые Святители Божии!

Волею Божией призываюсь я к самому высокому служению в мире — епископству. Православный епископ — есть подражатель Христа-Богочеловека на земле и его святых апостолов. Епископское служение по преимуществу есть служение спасению грешных людей чрез приобщение их ко Христу Богу, источнику истины и вечной радости — благодатной жизни. Как же совершает епископ это великое служение? Неустанным возвещением людям истины Христова учения в слове устном и письменном, возможно частым богослужением, где он преподает своим духовным чадам благодатные дары Пресвятого Духа в таинствах Церкви, и наконец примером своей подвижнической жизни в духе любви и мира. Православ-

ный епископ действует не от себя, а от лица Церкви православной, в которой одной только вся благодать Пресвятого Духа...

И вот, к этому высочайшему служению — епископа православной Церкви — подхожу я немощнейший и нравственно, и умственно, и физически... Кто даст мне силу жець глаголом истины сердца людские... Кто научит меня перерождать гордую волю человека, воспитывать которого "действительно есть искусство из искусств и наука из наук", по выражению святого Григория Богослова. Кто сохранит меня от соблазнов и искушений языческой жизни мира сего, чтобы гореть мне светильником ясным и незатменным...

К этим трудностям присоединяются ныне еще большие скорби... Церковь Христова, всегда на земле страждущая, ныне, как в первые века ее существования, особенно густо орошается потом и кровью мучеников своих. Невеста Христова облачается во одежду поругания. Ее Божественный Жених Христос, истинный Бог наш отдается вновь на оплевание, поношение и заушение! А служители Христовы ныне особенно гонимы и ненавидимы, имени Христова ради. Вам, святители Божии, несравненно более ведомы все тяжести епископского омофора, и вы поймете мое смущение и мой страх в настоящие минуты.

Как ни тяжело мне ныне, богомудрые архипастыри, но скажу вам прямо: не падаю я духом. Не на себя, о нет, не на себя надеюсь я. "Сладце убо похвалюся паче в немощех моих, да вселится в мя сила Христова". Из небольшого еще опыта моей жизни я вынес глубокое убеждение суетности надежд на человека и на себя, прежде всего. "Не надейтесь на князей, на сынов человеческих, в которых нет спасения". Блажен, кому помощник Бог Иаковлев, вещает нам святой псалмопевец, и я вместе с ним пою, что "Надежда моя на Господа Бога . . . Сотворившего небо и землю, моря и все, что в них, вечно хранящего верность, творящего суд обиженным, дающего хлеб алчущим. . . . Упование мое — Отец, Прибежище мое — Сын, Покров мой — Дух Святой"...

Пусть я слаб, во всех отношениях, пусть даже по малодушию и поколеблюсь я, и нравственно могу пришатнуться, — но крепка моя вера в Тебя, Бог мой, Бог всяких милостей и щедрот, всякой мудрости, долготерпения и несказанной любви. "Ты моя крепость, Господи, Ты — моя и сила, Ты — мой Бог, Ты мое радование!"

В нынешние минуты моего смущения и страха слышу я полные утешения и любви Твои слова служителям Твоим: "Се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь".

“В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь, Я победил мир”. “Меня гнали, будут гнать и вас”. “Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Меня веруйте”. Дух мой укрепляется, и хочется петь мне пасхальные песнопения. “О, Божественного, о любезного, о сладчайшего Твоего голоса: с нами бо неложно обещался еси быть до скончания века, Христе. Его же, вернии, утверждения надежды имуще, радуемся”. Помолитесь, богомудрые Святители, да подаст Господь Бог мне этот дух радования в скорбях во все дни епископского моего служения, чтобы я и других обвеселял, и в то же время, чтобы далек был от меня дух самомнения.

Однако этого утешения — вечного пребывания с верующими Христа Спасителя — вполне достаточно, чтобы укреплялся дух служителей Его святой Церкви. Но меня в значительной степени ободряет вера в нравственное возрождение людей. С 8-го декабря 1913 г. я — пастырь-инок. И из свыше десятилетнего служения моего на пастырско-иноческой чреде половину его я провел в приходской деятельности. Еще на студенческой скамье в Петроградской Духовной Академии, юным иеромонахом, я исполнял пастырские обязанности в селении Михайловке, близ станции Парголово. Боже! Как хорошо относились ко мне прихожане, и простые люди, и интеллигенция. С какою нежностью прощали они мою застенчивость, с каким вниманием слушали мое бесхитрое слово и простаивали мое служение во святом храме!

Такою же любовью, вниманием, нежностью обвеяли меня добрые люди в г. Бериславе Херсонского уезда и в г. Кривом Роге.

Где причина этого внимания? Не во мне убогом, а в жажде христианской души и даже просто человеческой души, ибо и люди неверующие оказывали мне не раз знаки своего расположения, в жажде Христовой истины и духовного обновления. Я видел, что человек никогда не довольствуется ложью и греховной жизнью, и при первом толчке, при самом маленьком огоньке благодатной жизни — сам приобщится к ней, припадет ко Христу Богу и поклонится Ему. И мне здесь вспоминаются слова великого православного мыслителя Ф.М. Достоевского о нашем народе: “пусть в нашем народе зверство и грех, но вот что в нем есть неоспоримо: это именно то, что он в своем целом по крайней мере (и не в идеале только, а в самой заправской действительности) никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за правду... Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во

Христовы минуты, он никогда в правде не ошибается. То именно и важно, во что народ верит как в свою правду, в чем ее полагает, как ее представляет себе, что ставит своим лучшим желанием, что возлюбил, чего просит у Бога, о чем молитвенно плачет. А идеал народа — Христос”. (*Дневник писателя 1880*, СПб, 1895, стр. 475). Вот почему не поселяет в душе моей уныния и нынешнее нравственное и религиозное одичание во многих верующих. Я позволяю себе думать, богомудрые святители, что одичание это временно и завершится прежней верой в Бога и покорностью Церкви Его. Как вешние воды разливаются широкой волной, потопляя все, а иное уничтожая на своем пути, но чем дальше, тем становятся спокойнее, и потом превращаются в тихие воды, катясь по прежнему руслу, так и мятущиеся души, ушедшие из-под опеки Церкви, рано или поздно, верю я, сознают свои ошибки, и, как приточный блудный сын, вернутся в дом Отчий — Церковь Христову.

Вознесите свои молитвы, святители Божий, да исполнит Христос Пастыреначальник мое сердце любовью всепрощающей к немощам людским, дабы привлечь мне больше и больше людей в спасительную ограду Церкви православной... Господь определяет мне воспринять благодать архиерейства в Киеве, этом всегдашнем, с начала веры на Руси, религиозном великом центре. Здесь, среди иных святынь, — славная Киево-Печерская Лавра, в ней почивают и молятся о всем мире /.../ подвижники и между ними особою славою сияет преподобный основатель Лавры — Антоний Печерский, мой покровитель по мирскому моему имени. В этом я вижу особую милость ко мне великого угодника Божия... Из Киева мой взор обращается на Запад, в родную мне Холмщину. И когда я представляю себе, что и ныне на родине моей идет борьба духовная между латинской ересью и православием, а к Киеву вновь тянутся за духовной помощью все верные сыны Церкви, предо мною встают скорбные и вместе с тем светлые картины отстаивания Западною Русью своей святыни — веры православной. И хочется стать в ряды этих духовных ратоборцев и трудиться, трудиться, да придет Царствие Божие к людям.

Не могу, наконец, умолчать, святители Божии, о явном промышлении Божиим надо мною многогрешным. Я никогда не мог даже думать, по своему происхождению, быть святителем.

Родители мои были людьми инославными и весьма бедными: отец мой был простым лесником Люблинской губернии, а мать даже иной веры — латинской (теперь она уже православная). Очень

рано, на пятом году жизни я остался без отца, на попечении матери, у которой, кроме меня, было еще пять детей. Помощью добрых людей, а наипаче милостью Божией, я прошел весь круг духовных наук. Господь призвал меня к иночеству, а ныне зовет к архиерейству. Достоиню внимания, что, будучи еще пятилетним ребенком, я говорил своей матери, что буду епископом. Мать хранила это в сердце своем и сообщила мне. Такие дивные промышления Божии обо мне, недостойном, "о нихже несть ныне глаголати подробну", укрепляют мою веру в Господа Промыслителя и исполняют сердце мое благодарностью к Богу — Спасителю моему и готовностью отдать Ему всю свою жизнь...

Вот мои думы, святители Божии, в эти незабвенные и великие дни моей жизни. К вам, пресвятейшие архипастыри, мое смиренное моление: когда будете возлагать свои святительские руки на мое недостойнство, вознесите свои усердные молитвы ко Христу Богу, да простит Он все мои грехи и да сподобит меня быть делателем искусным и непостыдным. Наипаче молю тебя, Первосвятитель Киевский. На тебя обращены взоры многих меньших твоих братьев. Они видят адаманта веры, святителя мудрого и снисходительного. Помолись обо мне, недостойном, святителю Божий, и прости, что осмеливаюсь обратиться к тебе с тем же прощением, с каким Елисей обратился к великому Илии: "Дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне".

Мой взор обращен также и к моему непосредственному начальнику, преосвященному Прокопию, епископу Николаевскому, который не мог принимать участие в моей хиротонии. Его мудрость и твердость, и любовь не раз вдохновляли мое малодушие и по его ходатайству предстою я ныне пред вашим священным собором.

К тебе, первая моя — святительства — паства, елизаветградская, мое заключительное слово. Великий Пастыреначальник направляет путь мой к тебе. И я иду, еще неведомо, но уже заочно приветствуемый тобой. В этом внимании я вижу залог искренности тех нравственных уз, какие соединяют святителя с его паствою. Да будет же Богу за все слава во веки. Аминь.

**РЕЧЬ ЕПИСКОПА ОНУФРИЯ
ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В ЕЛИЗАВЕТГРАДСКУЮ ЕПИСКОПИЮ,
сказанная в Успенском Соборе, 24.1/6.2 1923г.**

"Мир оставляю вам: мир Мой даю вам, не так, как мир дает, Я даю вам: да не смущается сердце ваше и да не устрашается" (Иоанн, 14, 27).

О каком мире говорит здесь Христос Спаситель своим ученикам? И какой это мир иной — не Христов? Для естественного невозрожденного человека — не христианина — идеалом жизни является привольное, сытое существование, свободное от всяких лишений, невзгод, страданий. Жизнь, полная комфорта, развлечений, жизнь веселая, безо всякой нравственной ответственности, без какого-либо подвига, — вот тот "мир", какой предлагает душе человеческой земная, мирская жизнь. Не такой мир оставил и дал Христос Бог своим апостолам и всем своим последователям.

Господь Спаситель не освободил своих учеников от земных скорбей, хотя и мог это сделать и иногда делал, ибо Он есть не только всесвятый Человек, но и истинный Бог наш.

"В мире будете иметь скорбь", предсказал Христос Бог всем своим последователям. Учеников Христовых грешный мир встретил не с приветом, а с ненавистью, гонениями и даже смертью.

Но что же противопоставил Господь земному уюту мирскому и беспечальной жизни, — какой мир преподает Господь своим ученикам? "Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так как мир дает, Я даю вам". Мир Христов — это благодатное, мирное состояние души человеческой, свободной от всякой злобы, вражды и вообще греха, но полное мира, радостное и доверчивое, подобно состоянию души чистого младенца, улыбающегося на руках своей матери. Сохранили ли этот мир Христов святые апостолы? Не променяли ли его на удобства и блага мирские? — Нет, они не изменили Христу, но среди костров и зверей они с веселыми лицами шли на смерть, имени Христова ради. А вслед за ними также неустрашимо и также радостно и охотно восприняли муки и смерть за Христа-Богочеловека и бесчисленные сонмы святых мучеников этого мира Христова.

Этого благодатного, радостного настроения среди самых мучений Христа ради прошу от Господа Спасителя себе и всем вам,

возлюбленные о Христе чада духовные моей Елизаветградской епископии. Не сбросим же с себя тех крестов, какие возложил на нас Спаситель наш, но облобызаем их и понесем, доколе Господь судит нам нести их в жизни сей. А когда станет трудно нам, падем к подножию Креста Христова и вспомним: сколько страданий Он перенес нас ради и нашего ради спасения. Итак, не к покою и благополучию мирскому зовет нас Христос Бог, но к подвигам и страданиям духовным, как и сказал Он: "Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение".

Вот приветствие мое, которое пришло мне на сердце в первое мое обращение с тобой, благодарованная мне паства елизаветградская. Не скрою от вас, возлюбленные чада мои, что с великим смущением и страхом вступил я на эту первую мою святительскую кафедру.

О, если бы вы знали, дорогие, всю тяжесть креста, который лег на мои еще неопытные рамена. Господи Боже милосердный! Ты видишь, как трудно мне немощному. Молю Тебя: укрепи меня в святой вере и непоколебимой преданности Церкви, помоги утвердить немощных, а ушедших из Церкви Твоей — вновь примирить и соединить с Нею.

Пастыри Божии, честные иереи православной Церкви, к вам обращаюсь я со смиренной просьбою: не оставьте меня в своих святых молитвах! Вы — мои первые сотрудники-друзи. Если без епископа нет Церкви, то и без пастырей один епископ не может пасти свою паству. Простите, если напоминаю вам, как ваш архипастырь: проповедуйте неустанно истинное учение по мере своих дарований. Со всем усердием, благоговейно совершайте службы Божии, помня грозное прещение, что "проклят всяк творящий дело Божие с небрежением". Сияйте чистотою жизни, всем подавая пример стаду. Я уже познакомился с некоторыми из вас, иереи Божии, и радостно свидетельствую, что нашел твердыми и верными Церкви своей.

Да укрепит Христос Бог всех нас, мои дорогие сотрудники в верности Церкви Своей, и да соделает нас делателями искусными и непостыдными.

Вас, дорогие миряне Елизаветградской епископии, братие и сестры, я еще не узнал, но верю, что все вы будете добрыми христианами и верными чадами православной Церкви.

Мне мило и соко желательнао благополучно и мирно вам и вашим чадам.

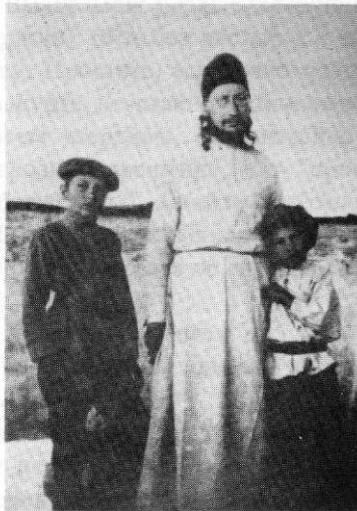
Везде, где мне приходилось работать на пастырском поприще (около пяти лет), я среди мирян встречал всегда полную отзывчивость на все добрые начинания пастыря в пользу Церкви. Также и сестричества отличались всегда любовью к св. храмам.

Помолимся все — и пастыри, и все вы, братие и сестры, — Христу Богу нашему, да молитвами Своей пречистой Матери и всех святых пошлет Он благословение Свое на все наши труды в пользу Святой Церкви.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Святого Духа буди со всеми нами. Аминь.

О. Павел Флоренский с семьей (30-е годы)

О. Павел Флоренский с сыновьями

о. Павел ФЛОРЕНСКИЙ

ПИСЬМА ИЗ ТЮРЕМ И ЛАГЕРЕЙ (1933 – 1937)

Печатаемые полностью или в извлечениях письма о. Павла Флоренского были прочитаны внуком последнего, геологом Павлом Васильевичем Флоренским, на симпозиуме в Бергамо (10-14 января 1988г.), посвященном великому мыслителю.

Приводим их здесь по магнитофонной записи, с дополнениями по спискам, хранящимся в разных западно-европейских архивах.

Все письма адресованы к родным: жене Анне Михайловне (1889-1973), матери, дочери Ольге, сыновьям Василию (1911-1956) и Кириллу (1915-1982), за исключением одного, адресованного известной пианистке Марии Вениаминовне Юдиной.

Напомним, что свящ. Павел Флоренский был арестован 25 февраля 1933г. и осужден на 10 лет лагерей. Вначале он работал в системе БАМлага, в основном на станции Сквородино, затем, осенью 1935г., переведен в Соловецкие лагеря. Как объявил П.В. Флоренский, отец Павел был, повидимому, расстрелян или потоплен на барже в начале 1938г., когда Соловецкий лагерь был расформирован. (Официальная дата смерти – декабрь 1943г. – условна и, вероятно, неверна).

23. 5. 1933

Дорогая Анна, в настоящее время я нахожусь на Лубянке (Лубянка, 14). Прошу тебя доставить мне постельное белье, также простыни. Носовые платки у меня есть, [неразб.] пришли один. Относительно еды – как хочешь, т. к. на Лубянке питание удовлетворительное. Если пропустят, то пришли 2-3 луковицы, т. к. отсутствие овощей будет вредно.

18. 8. 1933

... Еду с П.П. Каптеревым и еще несколькими в таком же роде. Всех обокрали весьма сильно и вероятно при дальнейшем

следовании дочистят остающееся: бороться с этим злом почти нет возможности, т. к. в этапных условиях воровство ненаказуемо. . . . А кроме того, сопровождающие выпрашивают решительно все и рвут из рук. Все голодны, оборваны и в жалком состоянии.

6. 10. 1933

Я уже писал, но пишу еще раз, чтобы Мих. Владимирович напечатал "Словарь названий изоляционных материалов электропромышленности", за это он и вы получите кое-что. Корректуру можно прислать мне на правку (туда и обратно это пойдет 1 месяц), а рукопись не надо. Пусть Вася отыщет мои работы в рукописи:

- 1) О Джунгарском асфальте (в особой папке в Москве),
- 2) Капиллярность почвы — вычисление для случая эллипсоидальных частиц,

и пришлет мне (в особой папке, в Москве). Я попробую доделать для печати. Но необходимо сюда присоединить и те материалы, которые лежат заготовленные для этих работ в папках.

Кроме того, пусть скажет Вася (можно через кого-нибудь) сотруднику ВЭИ К.А. Андрианову, чтобы он прислал мне переписанный экземпляр работы по "термостойкости изоляционных материалов" или сам устроил печать, но корректуру необходимо прислать мне. Кроме того, еще работа законченная лежит в ВЭИ — об "использовании лаковых пленок".

Еще одна работа, . . . напечатанная на машинке на папиросной бумаге, о времени полимеризации бакелита. К ней должны быть чертежи.

23. 11. 1933

Что касается до работы, то она не по моей квалификации, так как сводится к разного рода статистико-экономическим подсчетам, таблицам, графикам и т. д. Но вышло так, что я начал с мелких единиц организации БАМЛАГ'а и постепенно перехожу к более крупным, чтобы попасть в центр. Таким образом, за короткое время я ознакомился по всему разрезу с новым для меня делом . . . строительства за короткое время, и притом во всех его отраслях, включая и хозяйство, так что составил себе представление

в целом о государственном предприятии огромного размера и значения. Доставляет, конечно, удовлетворение видеть большое и историческое дело в его процессе, а это дается не так часто и не столь многим. Вспоминаю своего отца, который работал над подобными же вопросами, но в масштабе гораздо меньшем и не столь разнообразного строения, как здесь, при комплексной организации всего дела. Подробности сами по себе неинтересные, вроде валенок или рыбы, ликбеза или процентов использования лошадей и т. п., получают в общей картине свое значение и смысл, как необходимые слагающие целого. Предо мною вырисовываются большие задачи по экономике местного края, по изучению и может быть использованию вечной мерзлоты и т. д. И я надеюсь, что в дальнейшем и моим специальным знаниям найдется применение, полезное для государства. Предварительное знакомство с подробностями хозяйства, быта и техники, конечно, будет хорошей школой, без которой более тонкие научные вопросы висели бы в воздухе.

6. 12. 1933

. . . . Начинаю большие работы по изучению физики мерзлоты. Готовлю программу работ, читаю литературу. Примерно месяца через два уеду отсюда на мерзлотную станцию, где можно будет поставить экспериментальные работы. Эти работы в значительной мере связаны с частью тех работ, которые я делал в Москве. Надеюсь сделать кое-что полезное, для экономического развития тех районов, где имеется мерзлота, и в частности для ДВК. С вечной мерзлотой связано много очень характерных и своеобразных явлений здешней природы.

9. 12. 1933

. . . . Могу добавить еще, что на днях начну преподавание . . . чего бы ты думал? — латинского языка. Как видишь, даже дальние азиаты нуждаются в классицизме. Правда, пока это помлекарри и другие из свиты Эскулапа. Занимаюсь математикой — сочиняю новые формулы для геофизики и педофизики, т. е. физики почвы и грунта, разработал математический способ оценки деятельности

рабочих трудовых групп, подготавливаюсь к лабораторным и полевым исследованиям.

11. 12. 1933

Сегодня занимался в первый раз со своими лекциями латинским языком. По-видимому, они заинтересованы предметом, во всяком случае слушают внимательно и реагируют живо. Есть среди них лет по 30, другие молодые, есть и несколько девиц. Для начала я диктовал им разные пословицы и басню, переводил с ними, разбирая некоторые формы. Учебников, конечно, нет и все преподавание надо вести устно. . . . может быть летом удастся устроить Ваш проезд сюда или туда, где я буду к тому времени . . .

6. 2. 1934

. . . Через несколько дней, т. е. вероятно 10-го февраля, я и П.Н. уезжаем на мерзлотную станцию в Сковородино. Там будем производить опыты и отсюда будем ездить по местам с проявлениями мерзлоты, требующими наблюдения. Работаю много, как в области собирания материалов, связанных с изучением мерзлоты, так и обдумывая разные относящиеся сюда теоретические вопросы.

16. 2. 1934

. . . В отношении работы здесь, несмотря на трудности, научно работаю в большой комнате, где много людей, и где постоянно отвлекают чем-нибудь. Сделал довольно много: и материалы собрал, и продумал ряд вопросов в области мерзлоты. Теперь надо реализовать продуманное, проверив на опыте, и связать в целую картину. Думаю написать книгу по мерзлоте; в компактной форме, без излишних частных и подробностей, сопоставить все существенное в очень четкой форме, так чтобы такая книга могла служить руководством при изучении мерзлоты, особенно для студентов и работающих в условиях, где мерзлота имеется. А она имеется почти всюду, если не вечная, то сезонная, но и сезонная есть фактор очень важный и доставляет много хлопот строительству. Например, под

Москвой. Думаю, такая книга, может быть, послужит и геологам, так как по части понимания физических схем явлений они обычно не весьма глубоко знающие — работают со слишком упрощенными понятиями.

1-3. 3. 1934

Это время мы, т. е. несколько человек, знающих и ценящих поэзию, много вспоминали Андрея Белого в связи с дошедшими до нас газетными известиями о его кончине. Правда, я много лет его не видел, но воспоминания юности, когда я знал его хорошо и когда он был в расцвете своих дарований, так живы, что как будто это было несколько недель тому назад. Я даже доволен, что не встречался с ним в последние годы, бывшие для него годами упадка, болезни и старения. Вероятно, новые, менее светлые впечатления загладили бы старые, и старый его облик, с каким он останется в моем сознании. Мне жалко только, что нечего почитать из его прежних произведений, которых здесь ни у кого нет, и приходится довольствоваться жалкими обрывками, сохранившимися в памяти; но не сохранилось почти ничего цельного, хотя когда-то я знал немало. Вот, значит, порвалась еще одна нить, связывающая меня с годами юности.

2. 4. 1934

Сообщаю вам, что вчера было привезено разрешение из Свободного на проезд ваш сюда. Следовательно, вы теперь можете рассчитывать на побывку в Сковородине . . .

8. 4. 1934

Мы тут работаем достаточно — делаем опыты, зарисовки, чертежи, наблюдаем, разбиваем лед, снимаем разрезы, пишем. За эти два месяца, кроме ряда мелких работ, написали две довольно большие работы и отправили их в Академию Наук на мерзлотный съезд . . . Одна работа, посланная раньше, о замерзании воды, по лабораторным опытам, а вторая — "Наблюдения над замерзанием

воды в природных условиях". Довольно часто происходит заседание кружка по изучению мерзлоты, где я сделал уже 4 доклада, пишу в каждом номере нашей стенной газеты "Победить мерзлоту". Строим широкие планы расширения ОМС и ее работы. Предполагается издание (правда, пока стеклографическое) "Бюллетеня ОМС", создание различных курсов, организация музея.

Недавно, 31-го марта, было общее собрание, и нас с П.Н. представляли к получению ударной книжки. По-лагерному это считается большим признанием, особенно при такой быстроте представления (сообщаю это, собственно, не тебе, а Микку, который подобными делами интересуется).

26. 5. 1934

Дорогая Аннуля, посылаю тебе разрешение на приезд. Мне сказали здесь, что для детей разрешения не надо, т. к. они числятся при тебе. На днях послал тебе открытку. Все это время я очень занят, а кроме того немного неужилось — что-то вроде легкого гриппа, так что писать как следует не удавалось.

28-29. 5. 1934

Последнее время я занят писанием работ о формациях льда — классификация, генезис, описание, наблюдения в этой области. Эта работа примыкает к предыдущим — по замерзанию воды в лабораторных и природных условиях. Другая серия работ, ведущихся мною, по свойствам крупнодисперсных сред, это для овладения вечно мерзлыми грунтами. Пока что сижу со своим помощником на механических свойствах крупнодисперсных сред и кое-что сделали. Эта работа может быть важна не только для мерзлоты, но и для естественных и искусственных материалов, каковы, например, горные породы, цемент, камни, пластические массы.

Наконец третья группа работ по электропроводности мерзлоты.

2. 7. 1934

Дорогая мам, уведомляю Вас о благополучном приезде Анны и детей. Они устроились здесь на квартире, и, кажется, довольны, хотя к сожалению попали в дождливое время. Все здоровы, ехали без особого труда, я встретил их на вокзале. Приехали утром 1-го июля. Прошу при случае передать поклон Софье Ивановне. Пока еще наши не огляделись, но местность им нравится. Живут они в домике на горе. Домик — в зарослях кустарника и деревцах, как в саду. Жаль только, что самые красивые цветы уже отцвели. Будьте здоровы.

(Письмо от дочери, адресованное, вероятно, бабушке)

23. 6. 1934

Папа приходит к нам обедать и ночевать, а утром, часов в 7-7 1/2 уходит на службу. Работает он много, целый день занят. В час приходит обедать, а после обеда сейчас же занимается с Игорем и Олей до 4-4 1/2, а потом опять на службу до 10 ч. С нами он разговаривает за ужином и ночью. Много курит. Худой, но всегда бодрый, и решительно всем доволен.

Бывает у нас П.Н. и еще кое-кто из сослуживцев папы. Говорят, что очень довольны побыть в семейной обстановке. Семья приехала только к папе. Были два раза у них на вечерах. Веселье сквозь слезы. Я не хотела идти, но папа говорит, что ему не быть там неудобно, а мне хочется побыть с ним каждую лишнюю минуту. Я, конечно, очень рада, что приехала сюда. Увидела много хороших людей и научилась многому, а главное, конечно, что папа хоть немного отдыхает и балуется вкусным.

13. 10. 1934

Писать мне было нельзя, да и нечего, т. к. я ничего не знал определенного. 16 авг. выехал из Рухлово, с 17 по 1 сент. сидел в изоляторе в Свободном, с 1 по 12 ехал со спецконвоем на Медвежью гору, с 12 сент. по 12 окт. сидел в изоляторе на Медв. горе, а 13 приехал в Кемь, где нахожусь сейчас. По приезде был ограблен в лагере при вооруж. нападении и сидел под тремя топорами, но, как видишь, спасся, хотя лишился вещей и денег; впрочем, часть

вещей найдена. Все это время голодал и холодал. Вообще было гораздо тяжелее и хуже, чем мог себе представить, уезжая со станции Сковородинской. Должен был ехать в Соловки, что было бы неплохо, но задержан в Кемии и занимаюсь надписыванием и заполнением учетных карточек. Все складывается безнадежно тяжело, но не стоит писать. Никаких общих причин к моему переводу не было, и сейчас довольно многих переводят на север. Крепко целую вас всех,

Живу я сейчас в колоссальном бараке и притом в огромной комнате с нацменами, так что слышу разговор на всех восточных языках. Послать телеграмму не могу, т. к. нет денег, хорошо продались две открытки. Здоров, но конечно очень отощал и ослаб.

6. 1. 1935

Вероятно ты хочешь знать, что я делал последнее время. Работал в лаборатории, как в нашей подпромвской, так иногда и в центральной, где обстановка более похожа на лабораторную; все это в связи с производством иода. Затем читал лекции по математике в математическом кружке. Готовил программы к большой работе по переходу производства к т. н. комплексному использованию водорослей, т. е. такому, при котором все составные части водорослей оказываются использованными; вскоре придется выступить с соответствующим докладом в ИТР с целью поставить задачу о водорослевой промышленности на проработку. Если это осуществится, то будет занятие сколько-нибудь ценное и осмысленное. Вообще же день проходит бессодержательно и крайне быстро: толчея и нет тех результатов, которые он должен был бы приносить по замыслу: слишком все не организовано еще, а м. б. и наоборот.

30-31. 1. 1935

Сию в лаборатории, т. к. сегодня пустили в первый раз на испытание сконструированный мною аппарат для осаждения и фильтрации иода. Это большой, с двумя фильтрами, аппарат, элек-

трически движимый, с мешалкой и трубой, снабженной вентилятором, а также другими приспособлениями. До сих пор осаждение велось вручную. Это было трудно для рабочих, а главное — очень вредно, так как выделяются обильные пары брома, окислы азота, пары кислоты, пары иода; от них невозможно дышать и здоровье сильно разрушается. А кроме того и процесс осаждения и фильтрации, тоже ручной, не мог быть поставлен правильно. Изготовленное здесь, руками наших рабочих по моему чертежу, приспособление действует хорошо. Запаха почти нет, усилий прилагать не надо, все идет само собой и требует лишь присмотра. Мне было жаль как порчи здоровья рабочих, так и порчи иода, и потому я занялся этим делом. Надеюсь, теперь дело пойдет хорошо.

2. 1. 1935

Хочу продолжить рассказ о наследственности в нашей семье. Очень важно знать, от кого что получил и что именно вообще получил. У каждой наследственной линии есть свое качество или свои качества. Прежде всего по восходящей мужской линии, т. е. по линии Флоренских-Флоринских. Этот род отличался всегда принципиальностью в области научной и научно-организаторской деятельности. Флоринские всегда выступали новаторами, начинателями целых течений и направлений — открывали новые области для изучения и просвещения, создавали новые точки зрения, новые подходы к предметам. Интересы Флоренских были разносторонни — история, археология, естествознание, литература. Но всегда это было познание в тех или иных видах и организация исследования. Мне не известно ни одного Флоренского с выраженными художественными способностями в какой бы то ни было области искусства. С другой стороны у Флоренских было стремление к самовоспитанию и духовной тренировке себя.

По женской линии отмечу прежде всего Ивановых, род моей прабабушки. Этот род отличался талантливостью и блеском; от него, по-видимому, идет склонность к живописи. По характеру этот род был, сколько я знаю, очень неупорядоченным, в противоположность Флоринским, размахистым, нехозяйственным, богемным. Из него, между прочим, происходит известный передвижник — художник Иванов. Прабабушку мою звали Екат. Афанасьевна. Она была замужем за Уаром Ефимов. Соловьевым, врачом. Род

Соловьевых, сколько мне известно, был весьма талантлив и блестящ. В записках Надеждина рассказывается о блестящем ответе на университетском экзамене в Моск. унив. двух студентов из ряду выходящих — Ив. Серг. Тургенева и К.У. Соловьева. Все три брата моей бабушки Анфисы Уаровны Соловьевой блистали в юности, но прожигали свою жизнь и ничего путного не сделали. Семья Соловьевых была музыкальна, бабушка хорошо играла, но еще более сильными музыкантшами были ее близкие родственницы — Елизавета (вторая жена моего деда) и Александра Владим. Ушакова, всецело поглощенные музыкой. Другом дома был известный романист Гурилев, который все свои произведения пропускал через критику дома Ушаковых и затем Флоренских.

Со стороны рода моей матери, а также бабушки, наследственность выражается в ярком ощущении материи и конкретного мира. Красота материи и ее конкретность, вот что унаследовали мы от рода моей матери. И еще, мне кажется, связанное с первым — это музыкальность и склонность к живописи, точнее сказать не к живописи, а к цвету и колориту.

5. 2. 1935

Еще о Флоринских-Флоренских. Все они (т. е. вообще говоря) были инициативны, изобретательны, предприимчивы, открывали, малые или большие, но новые области для мысли. Но, замечательная судьба: никогда никто из них не снимал жатв с засеянных полей и либо уходил из жизни, либо дело отходило от него, а пользовались жатвою другие, или же вообще никто не пользовался и она гнила, по крайней мере для своего времени.

24. 1. 1935

Мне хотелось дать вам в наследство честное имя и сознание, что ваш отец всю жизнь проработал бескорыстно, не думая о последствиях своей работы для себя лично. Но именно из-за этого бескорыстия я должен был лишать вас удобств, которыми пользуются другие, удовольствий, естественных в вашем возрасте, и даже общения с вами. Теперь мне грустно, что вместо какой-либо пользы для себя, в настоящем, за все мое старание, вы не получаете и того, что получает большинство, несмотря на жизнь их родителей ради самих себя. Моя единственная надежда на сохранение всего, что делается: каким-либо, хотя и неизвестным мне путем, надеюсь,

все же вы получите компенсацию за все то, чего лишал я вас, моих дорогих. Если бы не вы, я молчал бы: самое скверное в моей судьбе, — разрыв работы и фактическое уничтожение опыта всей жизни, который теперь только созрел и мог бы дать подлинные плоды, — на это я не стал бы жаловаться, если бы не вы. Если обществу не нужны плоды моей жизненной работы, то пусть и остаются без них, это еще вопрос, кто больше наказан, я или общество, тем, что я не проявляю того, что мог бы проявить. Но мне жаль, что вам не могу передать своего опыта.

10-11. 3. 1936

Дело моей жизни разрушено, и я никогда не смогу и, кроме того, не захочу возобновлять труд всех 50 лет. Не захочу, потому что я работал не для себя и не для своих выгод, и если человечество, ради которого я не знал личной жизни, сочло возможным начисто уничтожить то, что было сделано для него и ждало только последних завершительных обработок, то тем хуже для человечества, пусть-ка попробуют сделать сами то, что разрушили. Как ни плохо, но все же кое-какая литература до меня доходит, и я вижу, что другие стараются около вопросов, мною уже проработанных, и мною одним, но вслепую и ошупью. Конечно, по частям и исподволь сделанное мною будет сделано другими, но на это требуется время, силы, деньги и — случай. Итак, разрушением сделанного в науке и философии люди показали сами себя, так что мне беспокоиться о себе. Думаю о вас. Конечно, я работаю, но уже над другим и второстепенным или третьестепенным: ни условия работы и жизни, ни возраст, наконец, ни душевное состояние не дают возможности обратиться к первостепенному. Достаточно знаю историю и историч. ход развития мысли, чтобы предвидеть то время, когда станут искать отдельные обломки разрушенного. Однако, меня это отнюдь не радует, а скорее досадует: ненавистна человеческая глупость, делящаяся от начала истории и вероятно намеревающаяся идти до конца ее. Но будет — о себе, это совсем не интересно.

24. 3. 1936

По-прежнему живу при заводской лаборатории, точнее, — в заводской лаборатории, т. к. провожу в ней большую часть суток, а спать ухожу в комнату за стеной лаборатории. Работы очень много, не успеваю делать и части намеченного мною на день. К тому же оторванность от литературы, снабжения и людей весьма осложняет ход работы и делает коэффициент полезного действия очень малым. Припоминаешь ли "Таинственный Остров" Жюль Верна. Приходится работать именно так, т. е. все начинать сначала. Положим, мне потребовался железный купорос, взамен некоторых других продуктов, которых здесь нет. Но и железного-то купороса не оказывается, надо делать самому из железной стружки. Если бы дело шло о граммах, то это было бы ничего. Но когда надо производить 10-20 кг, т. е. открывать хотя и маленькое, но производство, то это уже сложно: нет посуды, негде расположиться с вонючими реакциями. И так все — то нет ящика, то банки, то таза, то сковородки и т. д. Необходим вакуум, но нет насоса. Приходится думать, как соорудить насос...

27-28. 4. 1936

... только что вернулся с зачетов-экзаменов по курсу химии и технологии водорослей, который провел на курсах иодных мастеров. Вероятно, это впервые в мире организованы такие курсы по такому специальному предмету, как водорослево-иодная промышленность. Мои слушатели — рабочие и другие служащие учреждения, в котором работаю. Отвечали, конечно, неважно. Но вопросы, на которые надо было дать ответы, по существу трудные — из ботаники, химии, коллоидологии, физики и технологии; можно с уверенностью сказать, что среднеинтеллигентный человек на них не дал бы ответа никакого. И потому ответы экзаменующихся приходится считать неплохими, несмотря на желание получить лучшие. Растет смена и хочется освободиться от долга, лежащего на плечах, чтобы передать выполнение его новым людям. Было бы положено начало, а дальнейшее зависит от них самих — расти и укрепляться.

Индусская мудрость заповедует видеть в окружающих своего ребенка, братьев и сестер и вообще близких, — не в отвлеченном смысле всеобщего братства, а в конкретном — представить, что это в самом деле один из тех, кого любишь. Очень чувствую смысл

этой мудрости. Правда, не могу (и не хочу) простираť ее решительно на всех, но в отношении очень многих подумаешь, что кто-нибудь из дорогих мне мог бы быть в таком же положении, как встретившийся со мною на жизненном пути человек, и стараешься сделать что-нибудь для него. Конечно, это проходит незамеченным, и другие не вникают в мотивы поведения; но тем лучше, т. к. это делается вовсе не для того, чтобы быть понятым. Мне отвратительна филантропия и покровительство, унижающие человека, и дающего и принимающего, во имя отвлеченного понятия о долге. Но здесь речь идет о непосредственном движении в данный момент и к данному человеку.

май 1936

Дорогая М. В.,

радно узнать, что вы бываете у наших, и хотелось бы, чтобы это было почаще. Но печально, что вы все не обрываете себя и живете в поломанных ритмах. Вероятно во мне, от старости, все ярче выступают состояния и настроения моего детства, т. е. быть с Моцартом и в Моцарте. Но это — не надуманная теория и не просто эстетический вкус, а самое внутреннее ощущение, что только в Моцарте, и буквально, и иносказательно, т. е. в райском детстве, — защита от бурь. Да, это трудно иногда, но за это надо бороться. Трудно даже технически. Вот, пишу здесь стихи для Мика и чувствую, как стихии мира сбивают с простого и ясного и простецкого на острое, ломанное и мутное. Гораздо легче написать такое, что всеми признано интересным и недурным, чем слабое и неинтересное, но правильное по существу. Но я не хочу допустить

..... не хочу Шумана, не хочу ПРОИЗВОЛА: в закономерности — свобода, в произволе — необходимость. Недавно по радио (даже по радио, мне ненавистное!) услышал отрывок концерта из Моцарта. И всякий раз с изумлением узнаю снова эту ясность, золотой, утерянный человечеством рай. Мир сходит с ума и неистовствует в поисках чего-то, тогда как ясность, которая только и нужна, у него в руках. Буржуазная культура распадается, потому что в ней нет ясного удовлетворения, четкого да миру. Она вся как будто, как если бы иллюзионизм ее основной порок. Когда субъект оторвался от объекта и противопоставился ему, все

становится условностью, все пустеет и предстает иллюзии. Только в детском самосознании этого нет, и таков Моцарт. Очень радуюсь, что Ваши руки оправились и могут делать свое дело. Читали ли Вы беллетристику Леонтьева? Если нет, почитайте. В ней — утверждение миру, а русская литература редко не страдает обратным.

Всего хорошего, будьте здоровы и радуйтесь.

24. 12. 1936

Дорогой Кирилл,

С нетерпением жду от тебя сообщения о переговорах с Вл. Ив. относительно твоей работы. Напиши мне подробно, что ты должен сделать, и не могу ли я помочь тебе чем-нибудь. Хотя имей в виду отсутствие здесь нужной литературы. Но м. б. случайно и найдется что-нибудь подходящее. О том, как я живу, ты узнаешь из письма к маме, больше мне нечего сообщить тебе, т. к. жизнь моя монотонна, день походит на другой, а точнее сказать, я утратил ритм дней и ночей и все время тянется одною и непрерывною и непрерывающеюся полосой. Шеллинг в своей *Philosophie der Mythologie* устанавливает различие понятий *Geschichte* и *Historie*. *Geschichte* — это просто бывание (*werden*), последование событий, не направленных в определенную сторону и потому не дающих восприятия времени в собственном смысле слова. Тогда как *Historie* определяется последовательностью событий, развертывающих некоторый имманентный замысел, идею. Так вот, я живу в *Geschichte*, в доисторическом времени, и об Истории мне даже неприятно думать.

Идиотизм от *ἰδιώτης*, идиот, в древнем смысле слова — вовсе не слабоумный, а частный человек, не участвующий в исторической жизни, живущий в себе, вне связи с обществом. Быть идиотом — это пожалуй наилучший удел, особенно если бы можно было идиотствовать до конца, т. е. сделаться полным идиотом.

Много сижу над микроскопом. И каждый раз открываю заново с детства мне известную истину, что углубляясь в мир малого, мы встречаемся с тою же сложностью, что и в великом. Когда кажется, будто мы подходим к более простому, то это происходит или от недостаточной техники, или от верхоглядства. На самом же деле, если брать действительный опыт, а не схемы и фантазии, ряд сложности не убывает с уменьшением размеров, и вместо одних сложностей обнаруживаются другие. Как в лесу, по мере твоего продви-

жения даль раздвигается и появляются новые стволы, ранее бывшие недоступными зрению. Ряды не сходятся — таково обобщение доступного нам мира; сложное не есть биологический *posterius* простого, а неотделимо от него, объединяясь в понятие целого. Целое же всегда столь же просто, как и сложно, столь же сложно, как и просто. "Целое прежде своих частей". (онтологически прежде), но не существует без сложности, т. е. без частей. И части не существуют без целого, т. е. просто так. Атомы, электроны и проч. очень полезны, но все-таки они не достойные прямого опыта, а примысел, регулятивная идея, и идея эта отходит все дальше, по мере того, как развивается опыт. Вот почему все теперь занимают физико-хим. науками. Я втайне не люблю все эти схемы, вместе с тем признавая их необходимость для нас. Подлинно же великие умы, например, Фарадей, Пастер и др. в этих построениях не нуждались и строили науку без них. Пожалуй, скажу, что эти схемы дематериализуют мир, они приносят много пользы, помогая схематизировать явления, но вместе с тем или именно тем, что помогают, влекут в сторону, создают и вредную привычку подменять действительно наблюдаемое определенной схемой и фикцией отвлеченного порядка.

Целую тебя, дорогой, будь бодр и здоров, пищи. Жду твоего сообщения о работе.

24. 12. 1936

Дорогой Васюшка,

Получил ли ты мое письмо с обсуждением терминологии осадочных пород, и если получил, то надо ли обдумывать далее этот вопрос? Затем, прочел ли ты мое письмо к Кире, где говорю об известковых водорослях и о родственных темах? Мне кажется, что письмо тебе тоже могло бы пригодиться, и если ты его не прочел, то прочти. Кстати, я давно хотел написать тебе, в связи с твоими не преподавательскими занятиями, относительно физических кристаллов. В книгах по электроизолирующим материалам, а главное по физике твердых диэлектриков (Гимант, Иоффе, Вайдер и пр.) ты найдешь кое-что на эту тему, а главное см. журнальную литературу. Дело в том, что сейчас электриками доказано мозаическое строение монокристаллов. Они

7. 1. 1937

Дорогой Васюшка,

написал было я вам письмо, но отправить, ввиду выходного завтрашнего дня, не удалось. Сажусь за следующее. Сегодняшний день выделился из прочих: небо разъяснилось, морозно. К вечеру разыгралось северное сияние. Часов ок. 7 в сев. части неба возник голубоватый световой сегмент, — нечто вроде света полной восходящей луны, но более яркий и резко очерченный. Сегмент этот стал подниматься над горизонтом, увеличивая свет языком с ВСВ стороны небосвода. Затем от него стали отделяться концентрические дуги, того же голубоватого цвета, тянущиеся в широтном направлении через небосвод. Точнее сказать, словно самый сегмент состоял из концентрических дуг и постоянно на них распадался. Дуга одна проходила через зенит, другая была даже южнее. Вместе с тем световой сегмент обратился в четко очерченный темный, более темный, чем остальное небо, но окруженный яркою световою дугой. Со стороны сегмента эта дуга была очерчена резко, а с внешней стороны постепенно сливаясь с небом. Кстати сказать, во время северных сияний, и в частности сегодня, небо не черное, а все несколько светится, словно расплывшийся Млечный путь. Звезды видны, но более яркие и в числе не соответствующем яркости атмосферы. Из световых дуг по яркости, после ограничивающей сегмент, была зенитная. — По прошествии небольшого времени эти дуги, продвигающиеся по небу, стали ломаться у зенита и образовали нечто вроде шатра с вершиною в зените. Было наглядно убедительно, что столпы шатра — не что иное, как врывающиеся в атмосферу в надирном направлении потоки энергии, параллельные между собою — потоки корпускул, вызывающие свечение разреженного газа. Столпы с СВ были светлее северо-западных; по яркости столпы меняли свой порядок, а также меняли и свое место на небе. В СВС стороне, наряду с голубоватыми столпами, появилось обширное по пространству (по телесному углу зрения) интенсивно-красное малинового тона свечение, как бы легкое и прозрачное облако. Длина его раза в 4-5 превышала ширину и направление по дуге круга высоты. Все свечения стали особенно [неразб.] и быстро перемещаться и менять свои яркости, несколько напоминая зарницы. Затем столпы разрушились, образуя плоские, поставленные на ребро световые облака. Далее эти облака еще более вытянулись к земле в виде световых завес, прихотливо изливающихся и красиво драпирующихся крупными свободными складками.

Строение этих завес было столбчатое, словно вся ткань их была гофрирована. Цвет завес был зеленый, причем кверху яркость убывала очень постепенно, книзу возрастала, чтобы оборваться резко. Завесы сильно и быстро колебались, как бы сотрясенные ветром, складки перемещались, . . . вдоль завесы, вся картина с большой быстротой изменялась. Появилось на нижней границе зеленого свечения оранжевое окаймление, красно-оранжевое заревого цвета. Движение стало еще интенсивнее. Некоторые складки делались составными, тройными, пятерными и очень широкими, почти во всю ширину завесы. Когда свечение верхних частей завесы ослабевало, то оставалась сильно извивающаяся светлая змея. Хотя все эти явления разыгрывались по всей северной части неба, до зенита и далее, от З до В, но особенно сильно — в сторону В, где были более яркие, более разнообразны и более изменчивы. От 9 1/2 до 10 ч. вечера (по зональному времени) сев. сияние светило особенно красиво. Затем оно стало меркнуть. Завесы рассыпались на клочья, свечение уменьшило свою яркость. В 1 ч. 30 мин. я вышел взглянуть на небо. В северной части виднелись характерные светлые облакообразные массы, похожие на облака, освещенные луною, но светившиеся изнутри. Вместе с тем и небо стало значительно темнее, так что эти облака выделялись особенно отчетливо и контрастно. — Описание сев. сияния нарочно сделал тебе подробное, т. к. наблюдения этого рода надо накоплять и закреплять. Ведь в литературе, несмотря на тысячи наблюдателей сев. сияний, все же очень немного достаточно отчетливых рассказов о них. К большому сожалению не мог сделать наблюдений магнитных, за неимением буссоли.

11-12. 1. 1937. После того сияния последовал ряд новых, почти каждый день, но слабых, в виде светлой дуги над горизонтом . . .

Постоянно думаю о маленьком, жалею, что не вижу его, особенно пока он маленький. Вероятно взамен получаю сны о маленьких.

13. 1. 1937

Сижу по обыкновению ночь. Вот и старый стиль привел новый год. Знаменья сего дня меня не веселят: видел сегодня бабушку вашу — мою маму, в грустном виде; смотрел на северное сияние, величественное, но над чернейшим, вероятно тучевым, сегментом;

слушаю завывания ветра. Да и все как-то тревожно и уныло. Если под радостью разумеешь не чувство восхищения, а встречу какого-то добавка к жизни, то единственной моею радостью был маленький, как новый в мире. А все остальное в лучшем случае не слишком ушербно. Конечно, и за это надо быть благодарным. Однако при мысли о недостающем то, что есть, бережешь скорее с боязнью, чем с радостью. Скажу лишь, что точка внутренней опоры на мир у меня давно уже сместилась с себя на вас, или точнее в вас. Поэтому единственное, чего хочу, по-настоящему, чтобы вы с мамой были довольны и пользовались жизнью и чтобы было сознание ее полноты и ценности. Целую крепко всех вас. Маме и другим напишу после. Кланяйся Наташе. Навигация прекратилась, когда-то еще это письмо дойдет по назначению. Целую тебя. Будь здоров и заботься о себе.

8-9. 1. 1937

Дорогой Кирилл,
сегодня у нас выходной день (наши не совпадают с вашими, т. к. у нас 7-дневный круг), я решил отоспаться за многие бессонные ночи. Но страшный был сон, может быть, потому что небо ясно и ветра нет, м. б. по дню: несколько раз засыпал, и всякий раз видел дорогое и любимое, однако тревожно. Видел свою мать с маленькими, причем образы моих братьев и сестер, когда они были маленькими, сливались с вашими в том же возрасте. Мать свою видел не в теперешнем виде, а в давнем, батумском, когда она была еще молода. Ее считали очень красивой. Помню, в Батуме был инженер Орлов, жена его считалась очень красивой. На бульваре, куда нас водили гулять, между няньками постоянно возникал спор "какая барыня красивее" — Флоренская или Орлова. Кажется первенство оставалось за мамой, но у нее был недостаток, она не любила нарядности и одевалась весьма скромно, в духе 70-х годов, а Мме Орлова тратилась на туалеты и ходила во всем необыкновенном. Один из ее аттракционов (для меня) была ее шляпа — сплошь покрытая чучелами колибри. Само слово колибри приводило меня в детстве в холодный восторг и вызывало священный трепет. Ведь оно связывалось с представлением о тропиче- . . .

11-12. 1. 1937

Видно, мои мысли только с вами. Сегодня я опять видел вас во сне, необыкновенно живо, и опять маленькими, и опять ваши образы сливались с образами моих братьев и сестер, когда те были маленькими. Чувствую, что меня ничто уже, само по себе, не интересует и только как-нибудь соотносясь с вами подвигает мысль. С некоторым увлечением изучаю водоросли; однако подогревает лишь возможность поделиться с вами — хотя бы при помощи рисунка. Прочел или, точнее, перечел прочитанное в раннем детстве — "Антиквария" Вальтера Скотта. Наивно, несколько провинциально, нет характеров, механически вставлены картины природы и бытовые подробности; и все же хорош — размах жизни, насыщенность, действие. Эта наивность остается в уме и в сердце гораздо прочнее новейшей литературы со всеми ее ухищрениями и стремлением поразить и оглушить. Однако, "Антикварий" вызвал во мне придавленность и безразличие к окружающему, и лишь вы все стали еще живее. Но эта придавленность как-то еще интересна. А вот припадок отвращения я получил от чтения книги Евгеньева-Максимова "Современник" в 40-50 годах". Дрязги, грязь, лукавство, неискренность, грошовые расчеты и вдобавок узнаю о статьях Некрасова (при том хвалебной, в этом весь ужас!) "О русских второстепенных поэтах", а именно в один ряд: о Тютчеве, Веневитинове, Фете и Боткине (напечатано в "Современнике" в 1849г.). Еще узнал оттуда же, что будто ставит Бальзака в связь с Жаненом и Сю, но что-то не верится, неужели Пушкин мог бы сказать такую безвкусицу. Так и живешь, получая удар то с одной стороны, то с другой. Крепко целую тебя, дорогой. Сообщи о своих работах и не могу ли помочь тебе чем-нибудь. Посылаю вам 5 карточек — по изучению *Rhodymenia palmota* и *Rh. pertusa* (на них 7 рисунков).

13. 2. 1937

Дорогая Аннуля,
что-то опять не получаю от тебя письма, но зато получил от мамы. Конечно, беспокоюсь, впрочем, бесцельно, т. к. от моего беспокойства пользы вам мало. А все-таки трудно сохранять невозмутимое состояние духа, когда не знаешь подолгу, как вы живете. Сейчас у нас установились безветренные и даже солнечные

дни. Но до 10-11 числа силы ветра вы и представить себе не можете. Попутный — он заставлял бежать, а боковой сбивал с дороги, валил с ног и относил в сторону. Даже интересно было по этому поводу вспоминать, что на острове Врангеля зимой нельзя переходить из помещения в помещение, не ухватившись за протянутую между ними веревку, иначе ветер срывает и уносит, так что унесенному уже не вернуться обратно, и он гибнет от мороза и голода. У нас до этого не доходило, но несомненно, что на ледяной поверхности удержаться было бы невозможно. В этом письме посылаю 6 рисунков — три *porphyra laciniata*, один — *monostra blattea* и два — *Polides rotundus*, изображение последней водоросли макроскопическое сделать не успел, постараюсь прислать в следующий раз.

Получена газета, наполненная Пушкиным. Можно чувствовать удовлетворение, когда ты видишь хотя бы самый факт внимания к Пушкину. Для страны важно не то, что о нем говорят, а то, что вообще говорят; далее Пушкин будет говорить сам за себя и скажет все нужное. Но с этим удовлетворением связывается горечь, неразумная горечь о судьбе самого Пушкина. От нее не умею отделаться. Но называю неразумной, потому что на Пушкине проявляется лишь мировой закон о побивании камнями пророков и постройке им гробниц, когда пророки уже побиты. Пушкин не первый и не последний: удел величия — страдание, — страдание от внешнего мира и страдание внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет. Почему это так — вполне ясно, это — отставание по фазе: общества от величия и себя самого от собственного величия, неравный, несоответственный рост, а величие и есть отличие от средних характеристик общества и собственной организации, поскольку она принадлежит обществу. Но мы удовлетворяемся ответом на вопрос "почему?" и хотим ответ на вопрос "зачем?", "ради чего?". Ясно, свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома ее. Внутренне сознаешь его непреложность и всеобщность, но при столкновении с действительностью в каждом частном случае бываешь поражен, как чем-то неожиданным и новым. И при этом знаешь, что неправ своим желанием отвергнуть этот закон и поставить на его место безмятежное чаяние человека, несущего дар человечеству, дар, который не оплатить ни памятниками, ни хвалебными речами после смерти, ни почестями или деньгами при жизни. За свой же дар, величие, приходится,

наоборот, расплачиваться своею кровью. Общество же проявляет все старания, чтобы эти дары не были принесены. И ни один великий никогда не мог дать всего, на что он способен — ему в этом благополучно мешали, все, все окружающее. А если не удастся помешать насилиями и гонениями, то вкрадываются лестью и подачками, стараясь развратить и совратить. Кто из русских поэтов, сколько-нибудь значительных, был благополучен? Разве что Жуковский, да и то теперь открываются интриги против него, включительно до обвинения в возглавлении русской революции. Философы в таком же положении (под философами разумею не тех, кто говорит о философах, но кто сам мыслит философски), т. е. гонимые, окруженные помехами, с заткнутым ртом. Несколько веселее судьба ученых, однако лишь пока они посредственны. Ломоносов, Менделеев, Лобачевский, не говорю о множестве новаторов мысли, которым общество не давало развернуться (Яблочков, Кулибин, Петров и др.) — не один из них не шел гладкой дорогой, с поддержкой, а не с помехами, всем им мешали и, сколько хватало сил, задерживали их движение. Процветали же всегда посредственные, похитители чужого, искатели великого — процветали. Но они переделывали и подделывали великое под вкусы и корыстные расчеты общества. — Недавно я позавидовал Эдисону. Как у него было использовано время и силы — благодаря наличию всего материального и, главное, самоизоляции. А у нас время проходит зря, рассеиваясь на мелочи, несмотря на огромную затрату сил — потому что ничего не можешь устроить так, как считаешь нужным.

23. 2. 1937

Во мне давно живет твердое убеждение, что в мире ничто не пропадает, ни хорошее, ни плохое, и рано или поздно скажется, хотя бы и пребывало некоторое время, иногда долгое время, в скрытом виде. Для личной жизни это убеждение м. б. и недостаточно утешительно. Но если на себя смотреть со стороны, как на элемент мировой жизни, то при убеждении, что ничто не пропадает, можно работать спокойно, хотя бы непосредственного и явного внешнего эффекта в данный момент не получилось.

.....
..... хоть завод наш и положено ликвидировать, но последние месяцы перед своею кончиною он должен проявить

усиленную деятельность по выпуску продукции агара повышенной и с качественной и с количественной стороны. А т. к. все это делается с импровизированным самодельным оборудованием, которое на ходу приходится и изобретать, то хлопот не оберешься. Что же до меня, то почти круглые сутки надо быть внимательным и входить во все частности дела. Но думаю о вас, думаю о маленьком, и жду, что когда-нибудь, в неожиданный момент и с неожиданной стороны, и вы получите что-то от этой работы.

Обстановка ее со стороны могла бы сойти за операцию. Вообрази сводчатые помещения, с каменными столпами, толстыми стенами, XVI век. Оно все заставлено и загромождено чанами всех калибров, от 4 куб. метров до 200 литров емкостью, подмостками, лестницами, водо- и паропроводными трубами. В одних чанах — мойка, льются потоки воды днем и ночью, в других идет варка, из них подымается пар, заполняющий густым туманом все помещение. Вертятся барабаны для сушки, мотор, извиваются ремни. Всюду ковши, ведра, сетки и щиты для сушки агара. Временами приносят на носилках груды водорослей — анфельции, загружают в чаны. Все рабочие озабоченно бегают от установки к установке, кто переливает горячий агаровый бульон, кто разливает по [неразб.], кто снимает агаровую пленку с барабана, кто режет агаровый студень на ломтики. Люди — со всех концов Союза, всяких национальностей, кроме русских и украинцев с белорусами — армяне, турки, кого только нет, есть даже чеченец, еле плетущий русскую речь. Слова раздаются на всяких языках. Вследствие необорудованности цеха настоящею аппаратурой, он обслуживается более или менее самодельно, конечно, топорно и кустарно. Поэтому вся картина в целом вызывает представление о средневековой или восточной мастерской, что впрочем в значительной мере совпадает. Для живописца вид ее был бы весьма занимателен, для производственника же — смутителен. Ведь современное химическое производство настолько механизировано, что рабочим почти что нечего делать, только посматривать на термометры, манометры и прочие измерительные инструменты и поворачивать ручки и открывать/закрывать краны. У нас же почти все делается вручную.

11-13. 5. 1937

Мои работы :

В математике — 1. Математические понятия как конструирование элемента философии (прерывность, функции и пр.). 2. Теория множеств и теория функций действительного переменного. 3. Геометрические мнимости. 4. Индивидуальность чисел (число-форма). 5. Изучение кривых. 6. Методика изучения формы.

В философии и истории философии — 1. Культурные нормы початков философии. 2. Культурная и художественная основы категорий. 3. Антиномии рассудка. 4. Историко-филологическое изучение терминологии. 5. Материальные основы антропологии. 6. Реальность пространства и времени.

В искусствоведении — 1. Методика описания и датировки предметов древнерусского искусства (резьба, ювелирные изделия, живопись). 2. Пространственность в художественных произведениях, особенности изобразительного искусства.

В электронике — 1. Изучение полей. 2. Методика изучения электрических материалов — основание электро-материаловедения. 3. Значение структур электроматериалов. 4. Пропаганда синтетических смол. 5. Использование различных отходов для пластмасс. 6. Пропаганда и разработка элементов деполяризации. 7. Классификация и стандартизация материалов, элементов и пр. 8. Изучение углистых минералов как одной группы. 9. Изучение ряда горных пород. 10. Систематическое изучение слюды и открытие ее структуры. 11. Изучение почв и грунтов. Йод.

Отдельно стоят: физика мерзлоты, использование водорослей.

23. 3. 1937

Дорогая мамочка, письмо твое получил 20 марта (оно от 16 февраля). Эта длительность передачи усиливает чувство расстояния, хотя я и всегда мыслями с вами. Последнее время живу бешеным производственным темпом, ничего не поспеваем, хотя напрягаем все силы настолько, что порою кажется: вдруг изнеможем. Как видишь, и уединенный остров не спасает от вихря исторической жизни. Расчленение времени на дни и ночи давно утратилось, и вся жизнь идет хотя и стремительно до головокружения, однако

монотонно. Это как в поезде, который летит по бесконечным равнинам Сибири. Время тянется до тошноты монотонно, а ты пролетаешь тысячи километров. Естественно, что в такой обстановке нет и минуты для того, чтобы обдумать или даже осознать действительность. Скорей и побольше, побольше и скорей — вот единственное, что стоит в голове. Ты пишешь о записи мыслей. Некогда, мамочка, — и не для чего. Записываю, но не мысли, а фактические сведения, то, что собирать долго, и если попал на что, то снова в другой раз уже не найдешь. К тому же мне, для себя, факты говорят более теорий и всевозможные живые данные из биологии, физики, химии, геологии и т. п. кажутся значительно обобщений, — может быть потому, что обобщений у меня всегда вороха. Хотелось бы научить, чему могу, детей, собственно же деятельность меня не влечет, и я предпочел бы оставаться со своими мыслями в уединении. Не уверен даже, чтобы восприняло их будущее, т. е. у будущего, когда оно подойдет к тому же, будет и свой язык и свой способ подхода. В конце концов таю радость в мысли, что когда будущее с другого конца подойдет к тому же, то скажут: "Оказывается, в 1937 г. уже такой-то NN высказывал те же мысли, на старомодном для нас языке. Удивительно, как тогда могли додуматься до наших мыслей". И пожалуй еще устроят юбилей или поминки, которым я буду лишь потешаться. Все эти поминки через 100 лет удивительно высокомерны. Люди каждого времени воображают только себя людьми, а все прочее звероподобным состоянием; и когда откроют в прошлом что-то похожее на их собственные мысли и чувства, которые только и считаются настоящими, то надменно похвалят: "Такие скоты, а тоже мыслили что-то похожее на наше". Моя точка зрения совсем другая: человек везде и всегда был человеком и только наша надменность придает ему в прошлом или в далеком обезьяноподобие. Не вижу изменения человека по существу, есть лишь изменение внешних форм жизни. Даже наоборот. Человек прошлого, далекого прошлого был человечнее и тоньше, чем более поздний, а главное — не в пример благороднее.

Читаю Юма, Историю Англии во франц. переводе, знаешь ли? Хотя ее писал архискептик и архианалитик философии, однако она художественна и читается, как шекспировская хроника. Жаль, нет времени вести чтение сколько-нибудь быстрым темпом. Нравы были как будто жесткие, но вероятно к жестким нравам люди приспособляются и приучаются: люди легко применяются к любой форме. Крепко целую тебя, дорогая мамочка. Целую Люсю и

Шуру, если он в Москве. Кланяйся тете, которую ты, впрочем, вероятно не видишь.

23. 3. 1937

Дорогой Олень,

письмо от 11-го февраля получил 21 марта. При такой медленности сообщения не знаешь, стоит ли отвечать на вопросы. Может быть интерес к ответу уже исчезнет, когда ответ дойдет до тебя. Тем не менее отвечаю. Спрашиваешь о Чайковском и Скрябине. Прежде всего, я никак не могу ставить их рядом. Не по значительности: и тот и другой, и с этого начну, конечно большие люди, бесспорно одаренные. Но по смыслу и по характеру своей деятельности они существенно различны. Ты спрашиваешь меня о моем отношении к ним обоим. Повторяю, признаю их большую силу, но внутренне отталкиваюсь и их не приемлю. Когда я хочу дать себе окончательный ответ на вопрос о ценности произведения, то спрашиваю себя: что было бы, если этого произведения не существовало. Потерял ли бы мир без него? Закрылся ли бы один из лучей жизни? — И вот. Если бы не было Моцарта, Баха, Бетховена, даже Шуберта, Глинки, мир бы потускнел. А если бы не было Чайковского и Скрябина? — Боюсь, это слишком резко и неуважительно, мне самому неприятно высказывать свою мысль, боюсь — мир несколько просветлел бы. Нехорошо желать смерти кому бы то ни было. Но бывают тяжелые люди, после ухода которых из жизни делается легче. Я и боюсь, что по исчезновении из людского сознания этих произведений, т. е. Чайковского и Скрябина, стало бы веселее. Однако не думай, что я хочу опорочить их, я знаю их силу. Например "Пиковая Дама", мне кажется, едва ли не самое цельное, самая выкованная из опер, но — тем хуже, ибо она глубже отчаяния, т. е. самого ядовитого из чувств, и она властно заражает отчаянием. Изысканность одежд и завлекательность форм не меняет сути дела, — того, что это Смерть, закрадывающаяся в душу и раскрывающаяся тем беспрепятственнее, что она никогда не называет себя своим именем, не доводит до спора и протестов, внутренней борьбы против себя и противления себе. Против Чайковского и против Скрябина я имею разное, но это разное повидимому объясняется в одном, в их ирреализме. Один уходит в пассивную подавленность собственными настроениями, другой — в активную, по-иллюзионистически магическую подстановку вместо реальности

своих мечтаний, не преобразующих жизнь, а подставляющих вместо жизни декорацию, хотя и обманчивую. Но оба не ощущают недр бытия, из которых вырастает жизнь. Оба живут и призрачности. Чайковский — без стержня. В его музыке нет онтологии и он старательно бежит от онтологии, [закутывая это] своим умением. Бесспорно, эти призрачные тени красивы, но я не могу назвать их прекрасными, ибо прекрасное не только красиво, но и истинно. Скрябин хочет быть магичным. И он достигает своего, он магичен. Но ведь магия — обман в том смысле, что она только шарлатанство (хотя в этой области между шарлатанством и обманом в высшем смысле граница текуча и никогда не может быть установлена с уверенностью — в этом существо магии), а в высшем всегда обман: вместо *так есть* она подставляет *я так хочу* и тем или другим изменением заставляет видеть, как хочет маг, но лишь на время, пока морок не рассеется. Она может дать сдвиг сознания, род внушения и перестройки восприятия, но эта насильственная перестройка неустойчива, ибо не божественна. Если хочешь, можно сказать: Скрябин и Чайковский антипушкинисты и антитютчевцы. Этим все сказано. Мне припоминается один вечер, устроенный после кончины Скрябина. Участвовали лучшие пианисты Москвы и некоторые из Ленинграда. Играли кто как, т. е. технически все превосходно, но с разною степенью проникновения. Зато игра одного, Букчели (?) (говорят, он — сын Ник. Рубинштейна) была гениальна, и сам он, и игра его — прямо из Гофмана. Но не только во время его исполнения при всех, я почти глазами видел, что стулья скачут, столы пляшут, диваны бегают по комнате, — что еще немного — и рассыплются стены. Было ли хорошо? — Нет, скорее жутко. Сеанс магии. Не менее чудесное действие производят ультразвуки, вызывающие химические реакции, механические эффекты, согревающие, даже обжигают и убивающие. Но с музыкой у них нет ничего общего. Если несколько преувеличить, то о скрябинских произведениях хочется сказать: поразительно, удивительно, жутко, выразительно, мощно, сокрушительно, но это — не музыка. Скрябин был в мечте. Он предполагал создать такое произведение, которое, будучи исполнено где-то в Гималаях, произведет сотрясение человеческого организма, так что появится новое существо. Для своей миродробящей мистерии он написал либретто, довольно беспомощное. Но дело не в том, а в нежелании считаться с реальностью музыкальной стихии, как таковой, в желании выйти *за* ее пределы, тогда как музыка Моцарта или Баха бесконечно дейст-

веннее скрябинской, хотя она и только музыка. Один третьестепенный писатель высказал мысль: "Россия — страна пророков". Да, только лжепророков. Каждый одаренный человек хочет быть не тем, чем он есть и чем он может быть реально, а презирает свои реальные способности и в мечтах делается переустроителем мироздания: Толстой, Гоголь, Достоевский, Скрябин, Иванов (художник), Ге и т. д., и т. д. Только Пушкин и Глинка истинные реалисты. Мудрость в умении себя ограничить и понимании своей действительной силы. Скрябин же жил в туманных мечтаниях. Крепко целую тебя, дорогая Оля.

4. 6. 1937

В общем все ушло (все и все). Последние дни назначен сторожить по ночам в б. йодпроме произведенную нами продукцию. Тут можно было бы заниматься (сейчас пишу письмо, напр.), но отчаянный холод в мертвом заводе, пустые стены и бушующий ветер, врывающийся в разбитые стекла окон, не располагает к занятиям и, ты видишь по почерку, даже письмо писать окоченевшими руками не удастся. Зато тем более думаю о вас, впрочем беспокояно. Жизнь замерла и в настоящее время мы более, чем когда-либо, чувствуем себя оторванными от материка. Вот уж июль, а лета никаких признаков, скорее похоже на ноябрь. То туман, то мелкий дождь, ветер. Даже когда проглянет редкое солнце, не становится тепло. А между тем в этом году весна была очень ранняя и примерно на две недели забежала вперед. Сажу я в среде сравнительно выносимой — с нашими бывшими рабочими, которые для меня Васи, Миши, Федя и т. д., но конечно не все. Во всяком случае такое общество несравненно лучше другого, в котором было бы легко оказаться. Но слишком много и хорошего делается трудно выносимым, а у нас около 40 человек. Впрочем, и в этом не преимущество, т. е. при 40 человеках чувствуешь себя более уединенным, чем при 4-6.

АВТОБИОГРАФИЯ

Тамара Павловна Милютина была по первому браку женой известного члена РСХД и активного церковного деятеля Ивана Аркадьевича Лаговского, расстрелянного большевиками в 1941 г.

Долгие годы мы не располагали точными сведениями о его судьбе. Рассказ Т.П. Милютиной (напечатанный в книге Павла Негретова "Все дороги ведут на Воркуту", Нью-Йорк, 1985) восполняет этот пробел с максимальной достоверностью.

Я родилась летом 1911 г., и из-за этого моя мама, Клавдия Николаевна Бежаницкая, немного задержалась с окончанием Юрьевского университета (теперь Тартуский). Выпуск ее был необычным — впервые на медицинских факультетах страны женщины добились права сдавать государственные экзамены наравне с мужчинами. Раннее детство мое прошло в доме дедушки — священника Николая Бежаницкого. Во время Гражданской войны дедушка был взят в числе почетных граждан города в качестве заложника и расстрелян 14-го января 1919 г., когда красные покидали Юрьев. Он был похоронен в соборе. В течение 20 лет — до 1940 г. — совершалось в этот день в соборе торжественное богослужение, и крестный ход, в котором принимали участие и лютеранские пасторы, и представители еврейской общины, — шел к подвалу казначейства, где были совершены расстрелы.

Осенью 1922 г. я держала вступительные экзамены во второй класс (по-нынешнему пятый). Учиться мне было легко, поэтому я увлекалась всякими посторонними вещами. Летом обычно мы ездили в заграничные экскурсии; таким образом, в школьные годы я побывала в Латвии, Финляндии, Польше, Австрии, Чехословакии, Германии и Франции. В предпоследнем классе я стала членом "Русского Студенческого Христианского Движения", ставившего своей целью сохранить русское лицо молодежи, оградить ее от принадлежности к политическим группировкам и приобщить ее к сокровищнице русской мысли и культуры. Центр этой организации был в Париже и объединял умнейших и интереснейших людей.

Осенью 1928 г., когда я перешла в последний класс, я была послана в Париж на общий съезд Движения. Там я познакомилась с моим будущим мужем Иваном Аркадьевичем Лаговским, человеком светлого и живого ума, необычайно душевно одаренным, всесторонне образованным. Он окончил Киевскую Духовную Академию и со второго курса филологического факультета Екатеринославского университета попал в эмиграцию. В Праге окончил Высший педагогический институт, читал лекции в Парижском Богословском институте по психологии и педагогике.

*Сергиевское Подворье, 1929-й год.
Слева направо, в первом ряду: В.В. Зеньковский, митр. Евлогий,
прот. С. Булгаков, С.С. Безобразов, Г.П. Федотов, И.А. Лаговский.*

В 1929 г. я окончила гимназию, и мы с мамой поехали с экскурсией в Чехословакию. В Праге была условлена встреча с Иваном Аркадьевичем. Осенью я поступила в Тартуский университет на филологический факультет. 8-го августа 1930 г. была моя свадьба, в тот же вечер Иван Аркадьевич и я уезжали в Париж, откуда на месяц на Средиземное море, затем осенью на общий съезд Движения. Началась моя трехлетняя жизнь в Париже, очень насыщенная, богатая встречами, выставками, музеями, концертами, лекциями, детской работой, воскресными поездками нашей молодой компании по изумительным окрестностям Парижа. Весной 1931 г. в заграничных церковных кругах произошло взволновавшее всех событие: русская православная Церковь за рубежом перешла в Константинопольскую Патриархию, отказавшись от Московской. С русской Церковью Советского Союза остались только один епископ, два

священника и несколько мирян, в их числе — согласно своим убеждениям — и мой муж. Летом 1931 г., когда мы жили на юге Франции, пришло письмо, в котором сообщалось, что Иван Аркадьевич больше не числится преподавателем Богословского института, по причине его принадлежности к Московской Патриархии. Это был удар. Наше Движение оказалось более широких взглядов и устроило И.А. редактором журнала "Вестник" и секретарем Движения. В мире был экономический кризис, было много безработных.

В декабре 1933 г. мы уехали в Эстонию, куда был переведен и "Вестник" и печатание религиозно-философских книг. Мой муж был их издателем и корректировал их.

1939 год был беспокойным. Гитлер отзывал прибалтийских немцев; все понимали, что Прибалтика отойдет к Советскому Союзу. Уезжало много наших друзей, по существу — цвет интеллигенции. Моего мужа уговаривали тоже уехать, но он категорически отказался, сказав, что в первый раз он попал в эмиграцию по молодости и глупости, но второй раз — уже сознательно — он никогда родину не покинет. Кроме того, он считал недостойным уклоняться от испытаний.

В 1940 г. летом осуществилось присоединение Эстонии к Советскому Союзу. Войска перешли границу, на улицах показывали кино, устраивались танцы. Через месяц начались аресты. Приходили и за моим мужем, но мы были в деревне. Вернувшись в город, мой муж сам пошел в НКВД. Это было 5 августа 1940 г., накануне десятилетия нашей по-настоящему счастливой совместной жизни. На этом кончилась моя молодость, и началась жизнь, полная тревог и душевной боли. Обыск в нашей квартире длился несколько часов, затем меня повезли в деревню, на дачу, где также был обыск. За это время Ивана Аркадьевича увезли в Таллин, потом в Ленинград. Мы стали наугад посылать на адрес тюрьмы на Шпалерной деньги, я писала ему безответные письма. К нам явились с ордером на изъятие книг. На разостланные на полу одеяла летели из шкафов книги — все, изданное за границей, и все, изданное до революции (включая классиков). Весной 41-го года к нам приезжал человек, бывший с Ив. Арк. в одиночке и после освобожденный. От него я узнала о мужестве и достоинстве, с которыми держал себя Ив. Арк., и о том, что деньги и письма он получал.

За неделю до войны, в ночь с 13 на 14 июня, была проведена огромная высылка. На железнодорожных путях стояли составы

товарных вагонов. Мобилизованы были все машины — всю ночь брали семьи. Мужчин грузили в одни вагоны, женщин и детей в другие. Народ еще не был пригнут страхом — стоявшие несколько дней на запасных путях составы осаждались людьми, старавшимися передать в вагоны хлеб и провизию, все равно кому.

В ночь с 3-го на 4 июля пришли к нам. Нет слов для описания, что такое арест! После длительного обыска шел допрос, меня, к моему изумлению, обвинили в шпионаже. Вечером следователь увез меня на легковой машине из Тарту. По пути нас останавливали бойцы, шла перестрелка — это подавляли восстание эстонцев. Мой следователь все говорил, что везет арестованную. Позже я все поняла: следователи не имели приказа уезжать, а немцы шли форсированно, вот и приходилось придумывать всякие предлоги для бегства. Меня сдали в таллинское НКВД, вечером перевели в тюрьму. И сразу же выдернули на допрос. Всю ночь до рассвета на меня кричал обезьяноподобный следователь, не называя меня иначе, как проституткой. Под утро он сказал, что теперь меня повезут на расстрел, так как я не признаю своей вины и не называю имен. Я не спала три ночи и трое суток не получала никакой еды, — мне было все равно. Меня увезли в тюрьму, а 10 июля в набитом товарном вагоне мы тронулись в неизвестный путь. 28 дней мы получали утром горсть сухарей, горсть соленой хамсы и дважды в день воду для питья, зачерпнутую иногда тем же самым рыбным ведром. Вагон был набит, крыша днем раскалена солнцем, начались кровавые поносы. Наконец, на станции Ангара нас выгрузили. Мы прошли пешком, едва держась на ногах, 15 километров до Александровского централа, и я провела в нем 13 месяцев.

А в Тарту вошедшие через несколько дней немцы открыли сразу же тюрьму и обнаружили двор, залитый кровью, и колодец, набитый трупами. Следователи и тюремщики не имели права отпустить многочисленных арестованных, вывезти их не было уже возможности, и они их уничтожили, а сами бежали. Трупы были в таком страшном виде, что были только выставлены куски одежды и характерные вещи. Плачущие родные по ним узнавали своих погубленных и сообщали имена. Моя мама через больного, служившего в канцелярии тюрьмы, узнала, что меня в тюрьме не было, и была избавлена от этого ужаса.

Люттой зимой 41-42 годов шло переследствие. Признания обвиняемых добывались просто — после трех суток стояния в холодном карцере приведенные в теплый кабинет следователя подписывали

любую фантастику. Весной стали приходить приговоры таинственной "тройки" Особого совещания. Получивших сроки посылали в этап. Так увезли доктора Бетти Эльберфельд, с которой мы очень душевно сошлись в наше бесконечное сиденье. Все рассказывали о себе, и судьбы всех были трагичны, но история Бетти была исключительной. Она жила в Берлине, была из прекрасной просвещеннейшей врачебной семьи. Блестяще кончила медицинский факультет, вышла замуж по большой взаимной любви за молодого хирурга Вальтера Эльберфельда. В 31-ом году у них родилась дочь Урсула. В 33-ем к власти пришел Гитлер, и от немца Вальтера Эльберфельда потребовали, чтобы он разошелся с женой-еврейкой. Они уехали в Советский Союз и оказались в крымской деревне, врачами маленькой больницы. В 36-ом году родилась вторая девочка, Рената. В 1938 г. Вальтер Эльберфельд был арестован и, как потом стало известно, расстрелян. В начале войны была взята Бетти, дети остались совершенно одни, и это была незакрывающаяся рана в беттином сердце. Бетти получила 5 лет по очень удобной статье Пэ Ша (подозрение в шпионаже).

Уже все политические были отправлены в этапы, уже я была помещена в камеру уголовников, к блатным женщинам. Там было умопомрачительно. Вдруг меня вызвали на переследствие. Следователь был латыш средних лет. Вызывал он меня только днем, обращался по-человечески, все изложил о Движении, о "Вестнике", об обвинении в шпионаже не упомянул. На мой вопрос, почему об этом ничего нет, посмотрел на меня, как на дуру. Вскоре я была послана в этап и попала на сороковую колонну Тайшетских лагерей. На следующее утро после этапа и предшествующих 14 месяцев абсолютной неподвижности (в Александровском центре камеры были так набиты, что нельзя было ходить) нас бросили на уборку картошки. У меня страшно отекали и стали очень болезненны суставы рук и ног, и съехали один на другой поясничные позвонки, оставив мне на всю последующую жизнь память о Тайшете. В декабре пришло решение Особого совещания, я получила пять лет по статье 58, пункты 10 и 11, с буквами – КРО (контрреволюционная организация). Осужденная, я была этапирована с блатарями в систему Мариинских лагерей в Кемеровской области. Попав на Мариинскую пересылку, я, чтобы избавиться от блатного барака, от нравов и диалекта которого меня тошнило и гудело в голове, — пошла в крошечную больничку и там увидела в тяжелейшем со-

стоянии дорогую мне Бетти. Тут все для меня чудесно изменилось — Бетти вызвала врача, рассказала обо мне, просила мне помочь. Меня оставили ночной санитаркой. Всю мою жизнь я прожила около мамы, которая была настоящим врачом, оказывается, больных любила и я. Впервые в жизни я делала то, что приносило мне душевное удовлетворение. Ночевала я за печкой в стационарике. Бетти поправлялась. Счастье мое продолжалось недолго — однажды на рассвете меня вызвали на этап, дальний и пеший. Нас до вечера продержали стоймя в бане, зажатыми до обморока, так набили помещение. По благословенной русской бестолковости, не явился конвой, и нас до следующего утра развели по баракам. Бетти за это время подняла на мою защиту врача. Когда на рассвете за мной пришли, то врач, специально для этого ночевавшая в стационарике, объявила, что у меня кровавый понос и для следования этапом я не гожусь. Я осталась в стационаре, днем лежала как больная, ночью ухаживала за беднягами больными.

Вскоре нас всех погрузили на подводы и привезли в инвалидный лагерь Баим, где мы с Бетти и прожили все три с половиной года, остававшиеся нам. Лежачих больных, в том числе и Бетти, повезли в стационары, а я попала в барак, где старостой была сестра знаменитого Крыленко, наркома юстиции в страшные годы 1937-1938. То, что он сам был в 1938 г. расстрелян, — меня с ним не примиряло. Я сторонилась и его сестры, прекраснейшего человека, сразу же принявшей во мне участие. Я сторонилась и удивительно красивой, спокойной, умной Марии Леопольдовны Кривинской, о которой я узнала, что она друг дома писателя Короленко, подруга его старшей дочери Софьи Владимировны. Я сторонилась и друга Марии Леопольдовны — живой и быстрой, тоненькой, как статуэтка, Софьи Гитмановны Спасской. Я была инородным телом, все было в Советском Союзе для меня непонятно и чуждо, и очевидной была только неразумная жестокость сталинского времени.

Эстонки, знавшие меня по Александровскому центру, приняли меня к себе в вязальную бригаду. Это было самое выгодное в тепле, нормы инвалидные, заказы индивидуальные — "начальничкам". Но я не могла выдержать такой работы — руки мои вязали, а голова ломилась от мыслей, от тревог за маму, за мужа, о котором я не знала, жив ли он. (После войны мы узнали, что он был расстрелян 3 июля 41-го года — в день моего ареста). Я ушла санитаркой в женский стационар, где лежала Бетти. Вскоре Бетти поправилась и стала врачом, а потом и заведующей стационаром.

Меня переманили в наш барак. Врачом этого больничного барака был Александр Львович Минцер. Он получил образование в Германии и переехал в Швейцарию, когда к власти пришел Гитлер. Почувствовал желание вернуться на родину в очень неудачное время — в 1933 г. Лукавые энкаведешники расхвалили его рекомендации, сказав, что он достоин консультировать самого Сталина. Его поселили в Крыму, а затем посадили, обвинив в покушении на Сталина. Сестрой барака была внешне резкая, но в душе добрейшая Софья Львовна Дейч. Кажется, ее вина была в том, что она принадлежала к партии меньшевиков. Она была совершенно одинока и начала свои странствия с 25-го года в Верхне-Уральском политизоляторе. Ради Марии Леопольдовны в наш барак приходило много интересных людей. Мне очень нравился умный, веселый, страстно любивший книгу Сергей Иванович Абрамов. Он окончил Плехановский институт, работал в торгпредстве в Англии и Германии. Когда за ним пришли, у его жены начались родовые схватки. Ее увезли в больницу, она родила сына и официально отказалась от мужа. Я пыталась убедить С.И., что она сделала это ради детей (у них еще был старший мальчик). В нашей компании был еще Лев Осипович Гройсман, старый политкаторжанин, и 25-летний ленинградский юноша-поэт, тяжелый туберкулезный больной Юрий Таль. Во время войны в системе Мариинских лагерей был штрафной лагерь Искитим — меловой карьер. Он многим подорвал здоровье.

Душой нашей компании была Мария Леопольдовна Кривинская. Она еще в 1924 г. за принадлежность к партии меньшевиков была выслана на три года в Краснококшайск. В 1937 г. была снова арестована, ее срок кончился в 42-м, но во время войны никого не отпускали.

В лагере недоставало сестер, и наши врачи поставили на эту работу Дору Исаковну Тимофееву, биолога, доцента Иркутского университета, и меня. Когда немцы были выгнаны из Прибалтики, я написала в Тарту в тубдиспансер, спрашивая о судьбе мамы. Началась переписка, мама посылала нам посылки, книги, я перестала быть сиротой.

Победу встретили восторженно, конвой не препятствовал, все высыпали на площадь, священники служили молебен, все ждали скорого освобождения. В мае 1946 г., по ходатайству Софьи Владимировны Короленко, была освобождена Мария Леопольдовна. Она уехала в Полтаву. Летом кончился мой срок, мне разрешили ехать

домой. Я сразу же написала во все инстанции запросы о муже и получила страшный ответ.

Дома меня ждала целая семья: мама взяла к себе семью арестованной Евдокии Ивановны Николаенко, ассистентки академика Николая Ивановича Вавилова (посаженного в 40-м и погубленного в 43-м году). Евд. Ивановна жила с семьей в Пушкине, в начале войны они не успели эвакуироваться из-за болезни младшей девочки. Муж Евд. Ивановны, инженер Михаил Переверзев, был арестован немцами и умер в концлагере. Евд. Ивановну с двумя девочками и полуслепой сестрой немцы вывезли в Тарту. Там она познакомилась с мамой. Коллекцию семян пшеницы, собранную Н.И. Вавиловым, немцы хотели вывезти в Германию, персональную ответственность за ее сохранность они возложили на Евд. Ивановну. Но она тайно приготовила дубликаты образцов пшеницы и по частям перенесла их в дом мамы. Количество пакетов коллекции оставалось неизменным, немцы, несмотря на частые проверки, обмана не обнаружили. Эшелон с коллекцией перевезли в Латвию, в имение Саулити. Там Евд. Ивановна высеяла все семена в землю, а сама с детьми и сестрой ушла в лес. Три месяца семья странствовала по деревням, латыши давали ночлег и кормили. Наконец, пришли русские. Евд. Ивановна, собрав урожай, сдала по акту спасенную часть коллекции комиссии при Селекционной станции под Ригой. В 1945 г. она была арестована и получила 20 лет каторжных работ. (После XX съезда она была реабилитирована и умерла в 1959 г.) Мама, узнав об аресте Евд. Ивановны, взяла ее семью к себе. Коллекцию сортовых семян мама хранила в письменном столе в полном порядке. Мама написала во Всесоюзный институт растениеводства, рассказала о судьбе Евд. Ивановны, просила приехать за семенами. Писала несколько раз, никто не приехал. В марте 49-го года, когда мы были высланы, наше имущество конфисковали, и семена пропали. *

Душа у меня была совершенно исцарапанной, я посылала в лагерь посылки, письма; мама помогла освободившейся Бетти приехать в Тарту. Осенью 47-го года умер в лагере Юра Таль. Попала в инвалидный дом освободившаяся и заболевшая Софья Львовна. *

*) О подвиге ленинградских ученых, спасших во время блокады уникальную коллекцию акад. Н.И. Вавилова, см. статью А. Борина в "Литературной газете", 14.1.76. О деле акад. Н.И. Вавилова см. "Память", Исторический сборник, вып. 2, статью М. Поповского. (П. Н.)

Я работала в тубдиспансере регистратором. В сентябре 48-го был съезд фтизиатров в Москве, мама была делегатом. Я взяла отпуск на десять дней и поехала с ней. Вернувшись, мы нашли Бетти умирающей. Она умерла 18 октября, Урсула и Рената снова остались одни. Соня Спасская, которая не имела права жить в Ленинграде, тайно сидела у постели тяжелобольной сестры. Она пошла в МВД просить разрешения ухаживать за сестрой. Ей разрешили, но через несколько дней пришли за ней и взяли от постели больной. Соня была послана в ссылку, Клара Гитмановна умерла.

Тогда уже начали брать тех, кто отбыл свой срок и остался в живых. Один за другим исчезали люди. 14 марта 49-го года пришла моя очередь. Опять был бесконечный обыск. Во второй раз мне было еще тяжелее простаться с мамой. И опять я ушла из дома в чем была. Мама носила мне передачи, вдруг они прекратились. От новой арестованной мы узнали, что 25 марта опять была большая высылка. Я предполагала, что выслали и маму, так оно и оказалось. Вместе с ней выслали и семью Евд. Ивановны.

Из Тарту меня перевезли в Таллин, в тюрьму на Батарейной. В первое время пытались создать новое дело, потом стали оформлять по старым делам. В конце лета меня отправили в этап — по пересылкам до Красноярской тюрьмы, оттуда на барже по Енисею и вверх по Ангаре до Гольявина, а там пешком 45 километров вдоль Муры по тайге до плотбища Порозиха (восемь изб, затерявшихся в глухой тайге). Работа — только лесоповал. Сначала была мошка, потом начались лютые морозы. На моих ногах опять открылись авитаминозные болячки, съехавшие позвонки болели немилосердно. В январе 1950г. по таежным селам поехал ссыльный хирург, он присмотрелся ко мне, расспросил и дал мне направление на срочную операцию аппендицита. Так я была спасена. В районный центр Богучаны я ехала на случайных колхозных подводах, затем по Ангаре. Вечером 18 января увидела забытый электрический свет. Поселилась в "Доме колхозника", набитом ссыльными. Меня взяли на придуманный и устроенный ссыльными кирпичный завод. Не лишенный остроумия начальник Богучанского управления МВД говорил, что без высшего образования на этот завод не принимают. Кирпич формовал армянский поэт Алазан, имевший несчастье в 38-ом году быть председателем Союза писателей Армении и ездивший поэтому в Париж, на съезд. Он приехал в ссылку прямо из Колымских лагерей. Источниками были инженеры-экономисты и профессор политэкономии. Ежедневно формовалась тысяча штук

кирпича. Все это придумал инженер Иван Корнильевич Милютин, мой будущий муж. По утрам я разгружала вскрытые и еще не остывшие печи — мужчины не переносили жары.

Мама с девочками Переверзевыми и их тетей оказалась в степи, в Омской области. Девочки учились, тетя хозяйничала, мама работала врачом, всех содержала и еще присылала мне.

Мы регистрировались с Иваном Корнильевичем без документов, имея двух свидетелей: один немец из Германии, другая — француженка, родившаяся в Версале. Нам некуда было пригласить наших милых свидетелей и нечем было их угостить. Иван Корнильевич клал печь, штукатурил стены, рыл подполье. Зима 50-51 года была очень трудна. 5-го октября стала Ангара, транспорт с керосином застрял на Стрелке, в трехстах километрах от Богучан. Я ждала ребенка — это была первая беременность в моей жизни. Я работала до 1 мая, 17 мая родился Коля. Новый 1952 год мы встречали в большой тревоге — Коля был смертельно болен, оба мы были в совершенном отчаянии. В 12 часов ночи температура упала, ребенок заснул — и я встретила Новый год плачущая и счастливая. Весь год мы работали, нянчили по очереди ребенка и строили; летом уже переехали в свой дом. Опять была зима, очень суровая. Нашу трудную, беспросветную ссыльную жизнь встряхнуло событие — умер Сталин. И опять мы наивно считали, что скоро всех освободят. Увы! Паспорта стали выдавать только летом 54-го года.

Мама добилась разрешения переехать к нам — это было в конце сентября 53-го года. Ужаснулась моему виду. 3 октября родился Андрюша. Маму очень скоро полюбили в Богучанах. Половину своей зарплаты она посылала Сашеньке Переверзевой и ее тете, старшая, Зоя, к тому времени кончила институт, стала врачом.

Кончил свои 15 лет Сергей Иванович Абрамов, его послали в ссылку на Енисей, в Мотово. Мы переписывались, к новому году он замолчал. Я стала наводить справки, так меня это тревожило, и узнала страшную новость — 16 января 55-го года Сергей Иванович покончил с собой. Даже сейчас невыносимо об этом думать и писать.

Мы стали собираться куда-нибудь потеплее, хотя бы на юг Красноярского края. В Минусинск мы приплыли по Ангаре и Енисею. На деньги за проданный богучанский дом купили полдомика. Я не работала, возилась с детишками, хозяйством. Летом 56-го года мы отпустили Ивана Корнильевича в Москву повидать род-

ных. Летом 57-го проектировали послать маму в отпуск в Эстонию, но потом решили ехать все. Ради мамы нам выделили комнату в Таллинской психиатрической больнице, куда маму сразу же пригласили на место рентгенолога. Иван Корнильевич поступил в управление железной дороги, я — сестрой в неврологическое отделение. Детей приняли в детский сад. Все были добры к нам.

Комната у нас была недостаточна для большой семьи, мы начали строить дом. Через пять лет, в 62-ом году, дом был принят. Построен он был на деньги мамы и ее энергией и оптимизмом и трудом и настойчивостью Ивана Корнильевича. Но Колыма подорвала его сердце, у него начались инфаркты. 3 октября 73-го года, в день 20-летия нашего Андрея, Иван Корнильевич умер.

Героическая мама работала до 72 лет. Ко мне начал приближаться пенсионный возраст, а у меня катастрофически не хватало стажа. Кроме того, хотя я в лагере прослушала великолепные курсы с фельдшерской программой, у меня не было настоящих прав. Я решила взять себя в руки и кончить заочно школу сестер. Мне позволили сдавать в любые сроки, на любом курсе, таким образом, трехгодичный курс я сдала за один год. Одновременно я подала на реабилитацию. Эстония мне отказала. Москва реабилитовала.

В августе 75-го года мама перенесла тяжелую операцию и стала лежачей больной. Я неотлучно при ней.* С мая 77-го года перестала работать. За эти годы мои сыновья кончили учебу, женились, стали взрослыми людьми.

Таллин, август 1978

*) Клавдия Николаевна умерла 12 октября 1979 г., за три дня до своего 90-летия. (Прим. П. Н.)

К ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР ОБРАЩЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПИСКОПОВ ИЗ СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВОВ

Мы заново печатаем целиком Обращение соловецких епископов к правительству СССР, так как оно в дни "перестройки" и "гласности" вновь приобретает актуальное значение. Закон 1929 г. "о религиозных объединениях", принятый в годы коллективизации, носит сугубо дискриминационный характер и фактически служит легальной базой для преследования Церкви. Между 1945 г. и 1961 г. он по целому ряду пунктов не соблюдался, так как противоречил Уставу православной Церкви, принятому в 1945 г. Не соблюдался он никогда и в своих положительных пунктах, в частности в том, что формально достаточно просьбы 20 человек для регистрации религиозной общины.*

В наши дни все чаще раздаются голоса, требующие полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства. Это требование и было основным устремлением Соловецкого Обращения.

Несмотря на основной закон советской Конституции, обеспечивающий верующим полную свободу совести, религиозных объединений и проповеди, Православная Российская Церковь до сих пор испытывает весьма существенные стеснения в своей деятельности и религиозной жизни. Она не получает разрешения открыть правильно действующие органы центрального и епархиального управления, не может перенести свою деятельность в ее исторический центр — Москву, ее епископы или вовсе не допускаются в свои епархии, или, допущенные туда, бывают вынуждены отказаться от выполнения самых существенных обязанностей своего служения —

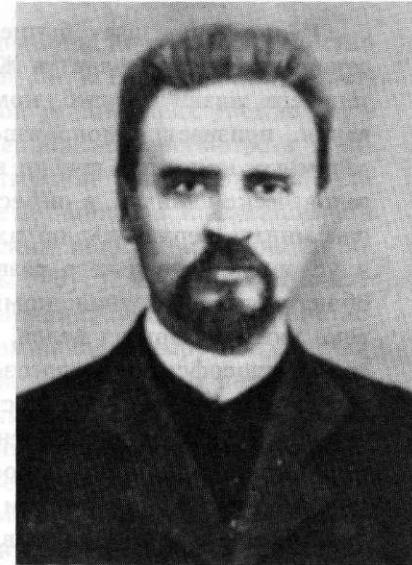
*) Впервые оно было напечатано в *Вестнике РСХД*, № 7/1927. Затем, в частности, в книге Л. Регельсона *Трагедия Русской Церкви*.

проповеди в церкви, посещения общин, признающих их духовный авторитет, иногда даже посвящения. Местоблюститель патриаршего престола и около половины православных епископов томятся в тюрьмах, в ссылках или на принудительных работах. Не отрицая действительности этих фактов, правительственные органы объясняют их политическими причинами, обвиняя православный епископат и клир в контрреволюционной деятельности и тайных замыслах, направленных к свержению советской власти и восстановлению старого порядка. Уже много раз Православная Церковь, сначала в лице покойного патриарха Тихона, а потом в лице его заместителей, пыталась в официальных обращениях к правительству рассеять окутывающую ее атмосферу недоверия. Их безуспешность и искреннее желание положить конец прискорбным недоразумениям между Церковью и Советской властью, тяжелым для Церкви и напрасно осложняющим для государства выполнение его задач, побуждают руководящий орган Православной Церкви еще раз с совершенной справедливостью изложить перед правительством принципы, определяющие ее отношение к государству.

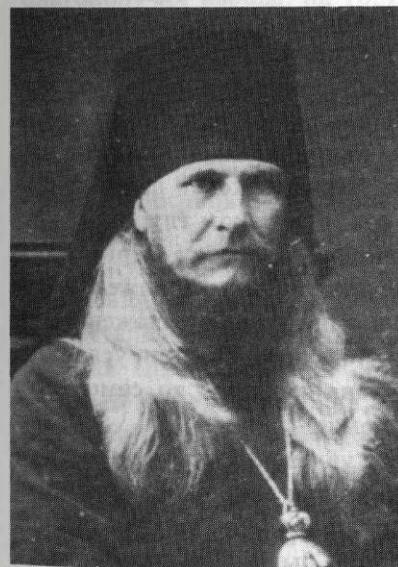
Подписавшие настоящее заявление отдают себе полный отчет в том, насколько затруднительно установление взаимных благожелательных отношений между Церковью и государством в условиях текущей действительности и не считают возможным об этом умолчать. Было бы неправдой, не отвечающей достоинству Церкви и притом бесцельной и ни для кого не убедительной, если бы они стали утверждать, что между Православной Церковью и государственной властью Советских Республик нет никаких расхождений. Но это расхождение состоит не в том, в чем желает видеть политическая подозрительность и в чем его указывает клевета врагов Церкви. Церковь не касается перераспределения богатств или их обобществления, т. к. всегда признавала это правом государства, за действия которого не ответственна. Церковь не касается и политической организации власти, ибо лояльна в отношении правительства всех стран, в границах которых имеет своих членов. Она уживается со всеми формами государственного устройства, от восточной деспотии старой Турции до республики Северо-Американских Штатов. Это расхождение лежит в непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, официальной философией коммунистической партии и руководимого ею правительства Советских Республик.

Архиеп. Иларион (Троицкий)

Проф. И.В. Попов
(1867-1938)

Архиеп. Петр (Зверев)

Архиеп. Прокопий (Титов)

Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в Живого Бога, Творца мира, Руководителя его жизни и судеб, коммунизм не допускает его существования, признает самопроизвольность бытия мира и отсутствие разумных конечных причин в его истории. Церковь полагает цель человеческой жизни в небесном призвании духа и не перестает напоминать верующим об их небесном отечестве, хотя бы жила в условиях наивысшего развития материальной культуры и всеобщего благосостояния, коммунизм же не желает знать для человека никаких других целей, кроме земного благоденствия. С высоты философского мирозерцания идеологическое расхождение между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического значения, в сферу нравственных принципов. Церковь верит в незыблемость начал нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условным результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью. Церковь охраняет плотскую чистоту и святость плодородия, коммунизм не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, не только обеспечивающую человеку достижение его вечного предназначения, но и служащую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию, как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий энергию, как на источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм — ее уничтожения. При таком глубоком расхождении в самых основах мирозерцания, между Церковью и государством не может быть никакого внутреннего сближения или примирения, как невозможно примирение между положением и отрицанием, между да и нет, потому что душою Церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицается коммунизмом.

Никакими компромиссами и уступками, никакими частичными изменениями в своем вероучении или перетолковываниями его в духе коммунизма Церковь не могла бы достигнуть такого сближения. Жалкие попытки в этом роде были сделаны обновлениями: одни из них ставили своей задачей внедрить в сознание верующих мысль, будто христианство по существу своему не

отличается от коммунизма и что коммунистическое государство стремится к достижению тех же целей, что и Евангелие, но свойственным ему способом, т. е. не силой религиозных убеждений, а путем принуждения. Другие рекомендовали пересмотреть христианскую догматику в том смысле, чтобы ее учение об отношении Бога к миру не напоминало отношение монарха к подданным и более соответствовало республиканским понятиям, третьи требовали исключения из календаря святых "буржуазного происхождения" и лишения их церковного почитания. Эти опыты, явно неискренние, вызвали глубокое негодование людей верующих.

Православная Церковь никогда не станет на этот недостойный путь и никогда не откажется ни в целом ни в частях от объективного святости прошлых веков вероучения в угоду одному из сменяющихся общественных настроений. При таком непримиримом идеологическом расхождении между Церковью и государством, неизбежно отражающемся на жизнедеятельности этих организаций, столкновение их в работе дня может быть предотвращено только последовательно проведенным законом об отделении Церкви от государства, согласно которому ни Церковь не должна мешать гражданскому правительству в успехах материального благополучия народа, ни государство стеснять Церковь в ее религиозно-нравственной деятельности.

Такой закон, изданный в числе первых революционным правительством, вошел в состав Конституции СССР и мог бы при изменившейся политической системе до известной степени удовлетворить обе стороны. Церковь не имеет религиозных оснований его не принять. Господь Иисус Христос заповедал нам предоставлять "кесарево", т. е. заботу о материальном благополучии народа, "кесарю", т. е. государственной власти, и не оставил своим последователям завета влиять на изменение государственных форм или руководить их деятельностью. Согласно этому вероучению и традициям, Православная Церковь всегда сторонилась политики и оставалась послушной государству во всем, что не касалось веры. Оттого, внутренне чуждая правительству древне-римской империи, или в недавней Турции, она могла оставаться и действительно оставалась лояльной в гражданском отношении. Но и современное государство с своей стороны не может требовать от нее ничего большего. В противоположность старым политическим теориям, считавшим необходимым для внутреннего скрепления политических объединений религиозное единодушие граждан, оно не признает последнего

важным в этом отношении, решительно заявляет, что не нуждается в содействии Церкви в достижении им поставленных задач и предоставляет гражданам полную религиозную свободу.

При создавшемся положении Церковь желала бы только полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства.

К сожалению, действительность далеко не отвечает этому желанию. Правительство, как в своем законодательстве, так и в порядке управления, не остается нейтральным по отношению к вере и неверию, но совершенно определенно становится на сторону атеизма, употребляя все средства государственного воздействия к его насаждению, развитию и распространению, в противовес всем религиям. Церковь же, на которую ее вероучением возлагается религиозный долг проповеди Евангелия всем, в том числе и детям верующих, лишена по закону права выполнить этот долг по отношению к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, между тем, в школах и организациях молодежи детям самого раннего возраста и подросткам усиленно внушаются принципы атеизма со всеми логическими выводами из них. Основной закон дает гражданам право веровать во что угодно, но он сталкивается с законом, лишаящим религиозное общество права юридического лица и связанного с ним права обладания какой бы то ни было собственностью, даже предметами, не представляющими никакой материальной ценности, но дорогими и священными для верующего исключительно по своей религиозной значимости. В целях пропаганды противорелигиозной по силе этого закона у Церкви отобраны и помещены в музеи почитаемые ею останки святых.

В порядке управления правительство принимает все меры к подавлению религии: оно пользуется всеми поводами к закрытию церквей и обращению их в места публичных зрелищ и упразднению монастырей, несмотря на введение в них трудового начала, подвергает служителей Церкви всевозможным стеснениям в житейском быту, не допускает лиц верующих к преподаванию в школах, запрещает выдачу из общественных библиотек книг религиозного содержания и даже только идеологического направления и устами самых крупных государственных деятелей неоднократно заявляло, что та ограниченная свобода, которой Церковь еще пользуется, есть временная мера и уступка вековым религиозным навыкам народа.

Из всех религий, испытывающих на себе всю тяжесть перечисленных стеснений, в наиболее стесненном положении находится Православная Церковь, к которой принадлежит огромное большинство русского населения, составляющего подавляющее большинство и в государстве. Ее положение отягчается еще тем обстоятельством, что отколовшаяся от нее часть духовенства, образовавшая из себя обновленческую схизму, стала как бы государственной Церковью, которой Советская власть, вопреки ею же изданным законам, оказывает покровительство в ущерб Церкви Православной. В официальном акте правительство заявило, что единственно законным представителем Православной Церкви в пределах СССР оно признает обновленческий синод. Обновленческий раскол имеет действующие беспрепятственно органы высшего и епархиального управления, его епископы допускаются в епархии, им разрешается посещение общин, в распоряжение их почти повсеместно переданы отобранные у православных соборные храмы, обыкновенно вследствие этого пустующие. Обновленческое духовенство в известной степени пользуется даже материальной поддержкой правительства, так например, его делегаты получили бесплатные билеты по железной дороге для проезда в Москву на их так называемый "священный собор" 1923 г. и бесплатное помещение в Москве в 3-м доме Московского Совета. Большая часть православных епископов, находящихся в тюрьме и ссылке, подверглись этой участи за их успешную борьбу с обновленческим расколом, которая по закону составляет их бесспорное право в порядке управления, но рассматривается в качестве противодействия видам правительства.

Православная Церковь не может, по примеру обновленцев, засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она пользовалась бы столь полной свободой. Она не скажет вслух всему миру этой позорной лжи, которая может быть внушена только или лицемерием, или сервиллизмом, или полным равнодушием к судьбам религии, заслуживающим безграничного осуждения в ее служителях. Напротив, со всей справедливостью она должна заявить, что не может признать справедливым и приветствовать ни законов, ограничивающих ее в исполнении своих религиозных обязанностей, ни административных мероприятий, во много раз увеличивающих тяжесть этих законов, ни покровительства, оказываемого в ущерб ей обновленческому расколу. Свое собственное отношение к государственной власти Церковь основывает на

полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, она никого не призывает к оружию и политической борьбе, она повинуется всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей Конституцией, и не может стать слугою государства. Лояльности Православной Церкви советское правительство не верит. Оно обвиняет ее в деятельности, направленной к свержению нового порядка и восстановлению старого. Мы считаем необходимым заверить правительство, что эти обвинения не соответствуют действительности. В прошлом, правда, имели место политические выступления патриарха, подавшие повод к этим обвинениям, но все изданные патриархом акты подобного рода направлялись не против власти в собственном смысле. Они относятся к тому времени, когда революция проявляла себя исключительно со стороны разрушительной, когда все общественные силы находились в состоянии борьбы, когда власти в смысле организованного правительства, обладающего необходимыми орудиями управления, не существовало. В то время слагающиеся органы центрального управления не могли сдерживать злоупотреблений и анархии ни в столицах, ни на местах. Всюду действовали группы подозрительных лиц, выдававших себя за агентов правительства, а в действительности оказавшихся самозванцами с преступным прошлым и еще более преступным настоящим. Они избивали епископов и священнослужителей ни в чем неповинных, врываются в дома и больницы, убивали там людей, расхищали имущество, ограбляли храмы и затем бесследно рассеивались.

Было бы странным, если бы при таком напряжении политических и своекорыстных страстей, при таком озлоблении одних против других, среди этой всеобщей борьбы одна Церковь оставалась равнодушной зрительницей происходящего. Проникнутая своими государственными и национальными традициями, унаследованными ею от своего векового прошлого, Церковь в эту критическую минуту народной жизни выступила на защиту порядка, полагая в этом свой долг перед народом. И в этом случае она не разошлась со своим вероучением, требующим от нее послушания гражданской власти, употребляющей свой меч во благо народа, а не анархии, являющейся общественным бедствием. Но с течением

времени, когда сложилась определенная форма гражданской власти, патриарх Тихон заявил в своем воззвании к пастве о лояльности в отношении к советскому правительству, решительно отказался от всякого влияния на политическую жизнь страны. До конца своей жизни патриарх оставался верен этому акту. Не нарушили его и православные епископы. Со времени его издания нельзя указать ни одного судебного процесса, на котором было бы доказано участие православного клира в деяниях, имевших своей целью ниспровержение советской власти. Епископы и священнослужители, в таком большом количестве страждущие в ссылке, в тюрьмах или на принудительных работах, подверглись этим репрессиям не по судебным приговорам, а в административном порядке, без точно формулированного обвинения, без правильного расследования дела, без гласного судебного процесса, без предоставления им возможности защиты. Часто даже без объяснения причин, что является бесспорным доказательством отсутствия серьезного обвинительного материала против них.

Православную иерархию обвиняют в сношении с эмигрантами, политическая деятельность которых направлена против советской власти. Это второе обвинение так же далеко от истины, как и первое. Патриарх Тихон осудил политические выступления зарубежных епископов, сделанные ими от лица Церкви. Кафедры ушедших с эмигрантами епископов были замещены другими лицами. Когда созванный с его разрешения Карловацкий собор превысил свои церковные полномочия и вынес постановления политического характера, патриарх осудил его деятельность и распустил Синод, допустивший уклонения Собора от его программы. Хотя канонически православные епархии, возникшие за границей, подчинены российскому патриархату, однако в действительности управление ими из Москвы и в церковном отношении невозможно по отсутствию легальных форм сношений с ними, что снимает с патриарха и его заместителей ответственность за происходящее в них. Можем заверить правительство, что мы не принимаем участия в их политической деятельности и не состоим с ними ни в открытых, ни в тайных сношениях по делам политическим. Отсутствие фактов, уличающих православную иерархию в преступных сношениях с эмигрантами, заставляет врагов Церкви прибегать к гнусным подлогам. Таков "документ", предъявленный в октябре 1925 г. Введенским, именующим себя митрополитом, на так называемом "священном соборе" обновленцев, не постыдившимся

сделать вид, что он поверил в подлинность этой грубо сфабрикованной подделки.

Свои отношения к гражданской власти на основе закона об отделении Церкви от государства Церковь мыслит в такой форме: основной закон нашей страны устраняет Церковь от вмешательства в политическую жизнь. Служители культа с этой целью лишены как активного, так и пассивного избирательного права и им запрещено оказывать влияние на политическое самоопределение масс силою религиозного авторитета. Отсюда следует, что Церковь как в своей открытой деятельности, так и в своем интимном пастырском воздействии на верующих не должна подвергаться критике или порицанию гражданские мероприятия правительства, но отсюда вытекает и то, что она не должна и одобрять их, так как не только порицание, но и одобрение правительства есть вмешательство в политику, и право одобрения предполагает и право порицания, или хотя бы право воздержания от одобрения, которое всегда может быть понято как знак недовольства и неодобрения. Соответственно этому Церковь и действует.

С полной искренностью мы можем заверить правительство, что ни в храмах, ни в церковных учреждениях, ни в церковных собраниях от лица Церкви не ведется никакой политической пропаганды. Епископы и клир и на будущее время воздержатся от обсуждения политических вопросов в проповедях и пастырских воззваниях. Церковные учреждения, начиная с приходских советов и кончая патриаршим синодом, отнесутся к ним как к предметам, выходящим за пределы их компетенции. Они не будут также вносимы в программу приходских собраний, благочинных собраний и епархиальных съездов, всероссийских соборов и не будут на них совсем затрагиваемы. В избрании членов церковных учреждений и представительных собраний Церковь совершенно не будет считаться с политическими взглядами, социальным положением, имущественным состоянием и партийной принадлежностью избираемых, каковы бы они ни были, и ограничится предъявлением к ним исключительно религиозных требований и чистоты веры, ревности о нуждах Церкви, безупречности личной жизни и нравственного характера.

В республике всякий гражданин, не пораженный в политических правах, призывается к участию в законодательстве и управлении страной, к организации правительства и влиянию в установленной законом форме на его состав. И это является не только его

правом, но и обязанностью, гражданским долгом, в выполнении которого никто не в праве стеснять его. Церковь вторглась бы в гражданское управление, если бы, отказавшись от открытого обсуждения вопросов политических, стала влиять на направление дел путем пастырского воздействия на отдельных лиц, внушая им либо полное уклонение от политической деятельности, либо определенную программу таковой, призывая к вступлению в одни политические партии и к борьбе с другими. У каждого верующего есть свой ум и своя совесть, которые и должны указывать ему наилучший путь к устройению государства. Отнюдь не отказывая вопрошающим в религиозной оценке мероприятий, сталкивающихся с христианским вероучением, нравственностью и дисциплиной, в вопросах чисто политических и гражданских Церковь не связывает их свободы, внушая лишь общие принципы нравственности, призывая к добросовестному исполнению своих обязанностей, к действию не в интересах личного блага, не с малодушной целью угождать силе, а по сознанию справедливости и общественной пользы. Совершенное устранение Церкви от вмешательства в политическую жизнь в республике с необходимостью влечет за собой и ее уклонение от всякого надзора за политической благонадежностью своих членов. В этом лежит глубокое различие между Православной Церковью и обновленческим расколом, органы управления которого и его духовенство, как это видно из их собственных неоднократных заявлений в печати, взяли на себя обязательство перед правительством следить за лояльностью своих единоверцев, ручаться в этом отношении за одних и отказывать в поручке другим. Православная Церковь считает сыск и политический донос совершенно несовместимыми с достоинством пастыря. Государство располагает специальными органами наблюдения, а члены Церкви, ее клир и миряне ничем не отличаются в глазах современного правительства от прочих граждан и потому подлежат политическому надзору в общем порядке. Из этих же принципов вытекает и недопустимость церковного суда по обвинению в политических преступлениях. Обновленческий раскол, возвращая себя в положение государственной Церкви, такой суд допускает. На так называемом обновленческом соборе 1923г. по обвинению в политических преступлениях были подвергнуты церковным наказаниям, по справедливости вмененным Православной Церковью в ничто, Патриарх Тихон и епископы, удалившиеся с эмигрантами за границу. Православная Церковь такой суд отмечает. Те церковно-

гражданские законы, которыми руководилась Церковь в христианском государстве, после падения его утратили силу, а чисто церковные законодательства, которыми единственно в настоящее время может руководиться Церковь, не предусматривают суда над клириками и мирянами по обвинению в политических преступлениях и не содержат в своем составе еще канонов, которые налагали бы на верующих церковные наказания за преступления подобного рода. В качестве условия легализации церковных учреждений представителем ОГПУ неоднократно предъявлялось патриарху Тихону и его заместителям требование доказать свою лояльность по отношению к правительству путем осуждения русских епископов, действующих за границей против Советской власти. Исходя из изложенных выше принципов, мы не можем одобрить обращение церковного амвона и учреждений в одностороннее орудие политической борьбы тем более, что политическая заинтересованность зарубежного епископата бросает тень на представителей Православной Церкви в пределах СССР, питает недоверие к их законопослушности и мешают установлению нормальных отношений между Церковью и государством. Тем не менее мы были бы поставлены в большое затруднение, если бы от нас потребовали выразить свое неодобрение в каком-нибудь церковном акте судебного характера, так как собрание канонических правил, как было сказано, не предусматривает суда за политические преступления. Но даже если бы православная иерархия, не считаясь с этим обстоятельством, по примеру обновленцев решилась приступить к такому суду, то встретила бы целый ряд специальных затруднений, создающих неустранимые препятствия к закономерной постановке процесса, при которой единственно определение суда может получить непрекаемый канонический авторитет и быть принято Церковью. Зарубежных епископов мог бы судить только Собор православных епископов, но вполне авторитетный собор не может состояться уже потому, что около половины православных епископов находятся в тюрьме или ссылке и следовательно их кафедры не могут иметь законного представительства на соборе. Согласно церковным правилам вселенского значения, необходимо личное присутствие обвиняемых на суде, и только в случае злостного уклонения их от суда разрешается заочное слушание дела. Зарубежные епископы, тяжкие политические преступники в глазах Советской власти, в случае их прибытия в пределы СССР были бы лишены гарантии личной безопасности, а потому их уклонение и не могло

бы быть злостным. Всякий суд предполагает судебное следствие. Православная Церковь не располагает органами, через посредство которых она могла бы расследовать дело о политических преступлениях православных епископов за границей. Но она не могла бы произнести свой суд и на основании того обвинительного материала, который собран правительственными учреждениями, и если бы даже он был представлен в собор, так как в случае возражения против него со стороны обвиненных или представления ими новых данных и оправдывающих документов собор был бы поставлен в необходимость пересмотра правительственного расследования, что со стороны Церкви было бы совершенно недопустимым нарушением гражданских законов.

Обновленческий собор 1923 г., сделавший опыт суда, которого от нас требуют, и пренебрегший церковными законами, которые его не допускают, тем самым сделал свои постановления ничтожными и никем не признанными. Закон об отделении Церкви от государства двусторонен, он запрещает Церкви принимать участие в политике и гражданском управлении, но и содержит в себе и отказ государства от вмешательства во внутренние дела Церкви: в ее вероучение, богослужение и управление.

Всецело подчиняясь этому закону, Церковь надеется, что и государство добросовестно исполнит по отношению к ней те обязательства по сохранению ее свободы и независимости, которые в этом законе оно на себя приняло.

Церковь надеется, что не будет оставлена в этом бесправном и стесненном положении, в котором она находится в настоящее время, что законы об обучении детей Закону Божию и о лишении религиозных объединений прав юридического лица будут пересмотрены и изменены в благоприятном для Церкви направлении, что останки святых, почитаемых Церковью, перестанут быть предметом кощунственных действий и из музеев будут возвращены в храм.

Церковь надеется, что ей будет разрешено организовать епархиальное управление, избрать патриарха и членов священного синода, действующих при нем, созвать для этого, когда она признает это нужным, епархиальные съезды и всероссийский православный собор. Церковь надеется, что правительство воздержится от всякого гласного или негласного влияния на выбор членов этих съездов и собора, не стеснит свободу обсуждения религиозных

вопросов на этих собраниях и не потребует никаких предварительных обязательств, заранее предreshающих сущность их будущих постановлений.

Церковь надеется также, что деятельность созданных таким образом церковных учреждений не будет поставлена в такое положение, при котором назначение епископов на кафедры, определение о составе священного синода, принимаемые решения проходили бы под влиянием государственного чиновника, которому, возможно, будет поручен политический надзор за нами.

Представляя настоящую памятную записку на усмотрение правительства, Российская Церковь еще раз считает возможным отметить, что она с совершенной искренностью изложила перед Советской властью как затруднения, мешающие установлению взаимно благожелательных отношений между Церковью и государством, так и те средства, которыми они могли бы быть устранены. Глубоко уверенная в том, что прочное и доверчивое отношение может быть основано только на совершенной справедливости, она изложила открыто, без всяких умолчаний и обоюдностей, что она может обещать Советской власти, в чем не может отступить от своих принципов и чего она ожидает от правительства СССР.

Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если ее ходатайство будет отклонено, она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целости внешней организации заключается ее сила, а в единении веры и любви преданных ей чад ее, наипаче же возлагая свое упование на непреоборимую мощь ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его Создания.

май 1926 года

Никита СТРУВЕ

СОЛОВЕЦКИЕ ЕПИСКОПЫ И ДЕКЛАРАЦИЯ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ 1927 г.

В недавнем послании Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей* приводится ряд аргументов, которые не позволяют Синоду положительно ответить на призыв Московской Патриархии к юбилею 1000-летия крещения Руси воссоединиться с Матерью-Церковью. Не входя в проблематику по существу,** мы хотели бы коснуться одного исторического вопроса, а именно отношения соловецких епископов к декларации лояльности митр. Сергия.

Справедливо отмечая, что "декларация митр. Сергия 1927 г. о тождестве интересов Церкви и безбожного государства до сих пор лишает патриархию свободы" (но не только декларация, а создавшееся десятилетиями зависимое положение), члены Зарубежного Синода пишут: "Мы знаем о том, что декларация эта не была принята в свое время на родине большинством иерархов-исповедников, верным им клиром и паствою, в силу чего все они окончили жизнь мученически в страшных лагерях смерти. Находясь еще в Соловецком лагере, эти исповедники, обреченные на смерть, обратились к советскому правительству с памятной запиской..."

К сожалению, в этих словах все, или почти все, исторически неточно. И последовательность событий, и сделанные из них выводы изложены неправильно. У неискушенного читателя создается впечатление, что большинство исповедников, находившихся в Соловецком лагере и подписавших Обращение 1926 г., затем, в 1927 г., будучи в лагере или на свободе, не приняли декларации митр. Сергия, за что поплатились жизнью. Но эта лубочная картина совершенно не соответствует исторической истине.

*) См. "Русскую Мысль", №3711 от 12.2.1988 г.

**) Но все же нам трудно обойти молчанием "филетическую ересь", содержащуюся в этом послании: "Мы, живя вне пределов родины, не отказались от имени русского, не искали чужих омофоров". Как будто в единой Православной Церкви может быть чужой омофор!

Обращение Соловецких епископов к Советскому правительству было составлено в мае 1926 г., по инициативе епископа Илариона Троицкого,* совместно с проф. И. Поповым, и одобрено, насколько известно, всеми соловецкими святителями-узниками.** В то же самое время, в июне 1926 г., митр. Сергей составил и разослал проект декларации, очень близкой по духу к Соловецкому обращению: лояльность Советской власти, несовместимость христианства и марксизма, полное отделение Церкви от государства, отмежевание от эмигрантского политиканства. Послание митр. Сергия — как бы сокращенный вариант Соловецкого обращения и свидетельствует о полнейшем единстве в то время между соловецкими узниками и тогдашним заместителем сосланного на остров Хэ местоблюстителя патриаршего престола митр. Петра.

Как Соловецкое обращение, так и первый вариант декларации митр. Сергия советскую власть не удовлетворили. Вероятно, из Ц.И.К. никакого ответа не последовало. Митр. Сергей был в то время под арестом в Нижнем Новгороде, и вышел из тюрьмы в 1927 г. только благодаря новой декларации, составленной им с целью получить легализацию церковного управления (необходимую и по существу, и для борьбы с обновленцами). В ней митр. Сергей пошел на дальнейшие уступки. Пресловутая фраза: "Мы хотим быть православными и в то же время созавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи", — ставила Церковь в союзно-подчиненное отношение к государству в тот момент, когда оно проводило политику полного ее разрушения.

Вследствие этой декларации, но иногда и по мотивам побочным, личного характера (перемещение епископа с одной кафедры на другую, когда власти отказывали данному епископу в прописке), в Церкви произошел новый раскол. Несколько иерархов, во главе с митр. Ростовским Иосифом (назначенный на Ленинградскую кафедру, он был перемещен в Одессу, куда отказался

*) Выдающийся богослов, в 1917 г. исполнял должность ректора Московской духовной академии.

***) В имеющейся в нашем архиве машинописной копии, присланной из Запада тогда же из Москвы, есть характерная "историческая" приписка карандашом: "Это инициатива еп. Илариона. Ответа из Ц.И.К. еще нет. Если будем знать, какой ответ получен, сообщим. Н."

поехать) и еп. Гдовским Дмитрием, откололись от митр. Сергия. Но это отнюдь не были Соловецкие епископы и ни о каком большинстве говорить не приходится: всего пошедших за митр. Иосифом насчитывалось от 8 до 12 епископов, к которым можно присоединить еще десяток других иерархов, не признавших, в личном порядке, действия митр. Сергия, в то время как с 1927 г. по 1940 г. погибло в лагерях и ссылках более 200 епископов, оставшихся верными митр. Сергию. Соловецкие епископы, все за исключением одного (еп. Прилуцкого, Василия Зеленцова), решили не раздирать хитон церковный и не порвали отношений с заместителем местоблюстителя. Точно известны имена некоторых соловецких епископов, стоявших на страже церковного единства: тот же еп. Иларион Троицкий, автор соловецкого обращения, архиеп. Прокопий Титов, архиеп. Амвросий Полянский, архиеп. Евгений Зернов, архиеп. Петр Зверев, еп. Глеб Покровский, еп. Мануил Лемешевский и др. За исключением еп. Мануила, отсидевшего в общей сложности четверть века, но умершего на свободе в сане митр. Куйбышевского, все вышеуказанные епископы погибли мученической смертью. К епископам в поддержку митр. Сергия присоединились некоторые священники, в частности прот. Иоанн Шестов (из Оренбурга) и проф. Иван Васильевич Попов (соавтор Соловецкого послания).

Нового коллективного обращения соловецкие епископы не составили. Но сохранилось два письма еп. Илариона Троицкого от июля 1928 г. (за год до смерти от сыпного тифа в ленинградской пересыльной тюрьме), в которых он недвусмысленно осуждает новое (после обновленцев) разделение в Церкви и личные действия митр. Иосифа. Приводим здесь эти два документа, никогда еще не печатавшиеся целиком:

"Что реку о сем. А то, что всем отделяющимся я до крайней степени не сочувствую. Считаю их дело совершенно неосновательным, вздорным и крайне вредным. Не напрасно каноны 13-15 Двукр. Собора определяют черту, после которой отделение даже похвально, а до этой черты отделение есть церковное преступление. А по условиям текущего момента преступление весьма тяжкое. То или другое административное распоряжение, хотя и явно ошибочное, вовсе не есть "казус белли". Точно также и все касающееся внешнего права Церкви (т. е. касающееся отношения к государственной политике и под.) никогда не должно быть предметом раздора. Я ровно ничего не вижу в действиях митр. Сергия и Си-

нода его, что бы превосходило меру снисхождения или терпения. Ну, а возьмите деятельность хотя бы Синода с 1921 по 1927 г. Там, пожалуй было больше сомнительного, и однако ведь не отделялись. А теперь будто смысл потеряли, удивительно, ничему не научились за последние годы, а пора бы, давно пора бы... Утверждаются часто на бабьих баснях... Что подделаешь. Ухищрения беса весьма разнообразны. А главное, есть терциус гаудеус, и ему-то все будто подрядились доставлять всякое утешение. Да, не имеем мы культуры и дисциплины. Это большая беда . . . ”

”Открыточку Вашу получил. Рад, что письмо мое Вы получили, которое долго ждали, но только что не по моей вине долго дожидаться не могли. Больше тут Ваши приятели виноваты, которые совсем нехорошо поступают, что хоть не пиши совсем. Ну, еще какие письма получил, то скажу так. Везде писаны пустяки, кто напротив пишет. Какую штуку выдумали. Он мол отступник. И как пишут, будто без ума они. Сами в яму попадают и за собой других тащат. А Осиповы* письма уж очень не понравились. Будто и не он пишет вовсе. У него будто злоба какая. И самый главный грех тот, что его на другую должность перевели. Значит и отступник. Это глупость. Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Допрежде по каким пустякам должность меняли и еще рады были, а теперь заскандалили. А теперь для пользы дела, не по интересу какому. Лучше дома жить, это зависит. С ним ничего не подделаешь, хоть об стенку лбом бейся, все то же будет. Значит ругаются по пустякам и зря, вред себе и другим делают. Так-то, дорогой мой”

Итак, можно с полной уверенностью сказать, что огромное большинство всего епископата и, в частности, соловецких епископов, не согласились пойти на разрыв с митр. Сергием, хотя вряд ли его декларация пришлась им по душе.

В области вероучительной большинство не считается критерием истины. Христианство — меньшинство на земном шаре, православие — меньшинство в христианском мире. Были времена в церковной истории, когда истина исповедовалась меньшинством в Церкви, или, как после Флорентийской Унии, всего лишь одним епископом (Марком Ефесским). Синод Зарубежной Церкви понимает, что в данном случае (отношение к Московской Патриархии) речь идет не о вероучении, а о вопросе порядка нравственно-

*) Речь идет здесь о митр. Иосифе (Петровых).

канонического, где ”большинство” придает решению нравственную силу, потому, вероятно, к нему и апеллирует.

Исторические факты лишают Зарубежную юрисдикцию одного из излюбленных ею аргументов в пользу ее независимости (”мы были на стороне *большинства* исповедников”). Но они отягчают грех иерархов Московской патриархии, замалчивающих мученическую кончину своих же епископов, пострадавших за веру, а не за неприятие советской власти: солидарность с митр. Сергием обеляет исповедников от всякой тени политической вины.

О. Иоанн Кронштадтский

ПАСТЫРИ И ПОДВИЖНИКИ

XIX – XX ВЕКА

ОБ О. ИОАННЕ КРОНШТАДТСКОМ *

(1828-1908)

В. В. РОЗАНОВ (1856-1919)

ЛИЧНОСТЬ ОТЦА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Личность о. Иоанна Кронштадтского является одною из самых достопамятных в русской истории XIX века. Вместе со святителем Филаретом, митрополитом Московским, он является высшею точкою нашего церковно-религиозного развития, и оба они стоят около третьего великого старца, Серафима Саровского. Преподобному Серафиму дан был дар чудного прозрения в будущее, — ум вещей, а сам он был старец уединенных, безмолвных лесов. Филарет Московский все время стоял в самом центре государственного и церковного движения, и отчасти он был двигателем событий; ум его и слово его были несравненны в определении догматических истин и в вещании речей величественных и торжественных.

Обе эти личности прекрасно дополнялись отцом Иоанном Кронштадтским, *народным* священником, *народным* старцем, все дни коего протекли среди людской громады, среди шума, молвы и народного стечения, на улице и в частных домах, выразившись в делах милосердия, помощи и чуда. Иоанну Кронштадтскому дарована была высшая сила христианина — дар *помогающей, исце-*

*) О. Иоанн Кронштадтский — подлинный святой, окруженный живым почитанием церковного народа. Увы, несвобода Московской Патриархии не позволяет ей причислить его к лику святых в дни торжественных канонизаций, связанных с 1000-летием крещения Руси.

ляющей молитвы, тот дар, о котором глухие легенды дошли до нас из далекого прошлого христианства, и коего Россия XIX века была очевидцем и свидетелем.

Без сомнения, в непродолжительном времени будут собраны все факты этого чудного дара: но мы, и не дожидаясь подробно и документально засвидетельствованных данных, можем сказать, ссылаясь на всеобщую память и на факты, слишком яркие и дошедшие до стоустой печати, что этих фактов было много, и что они вполне достоверны. За помощью к нему, не ожидаемой, не сомнительной, а твердой и уверенной, шли люди на краю последнего страдания и когда уже оказывалось бессильным всякое человеческое могущество, могущество знания и науки, — шли не одни православные, но лютеране, католики, даже магометане и евреи, и Иоанн Кронштадтский, как бы преступив за пределы своей Церкви и даже выйдя за границы своего исповедания, шел, как всемирный молитвенник и целитель, на помощь всякой нужде, всечеловеческому страданию.

В этом явлении, средоточие которого приходится на последнее десятилетие XIX века, было столько умиленного, трогательного, наконец, оно было так поразительно и величественно, что совершенно объяснимо, почему около Иоанна Кронштадтского образовалось такое же народное движение, то же восхищение и изумление, хотя в другом совершенно роде, в духе русском, — какое некогда возникло около таких удивительных и народных личностей, как великая Иоанна д'Арк. Здесь были преувеличения, как и там; молва поднимала выше факт, чем сам он стоял в действительности; около слез умиления здесь и там поднялась клевета мелких и мещанских душ, умов здравосмысленных и в здравосмыслии немощных; но и здесь и там стояла личность, чрезвычайно поднявшаяся над обыкновенным уровнем, и в которой действительно было нечто чудесное и сверхъестественное.

Велика или мала была эта доля сверхъестественного, — не теперь и не нам рассуждать, но совершенно бесспорно, что она действительно была в нем, и именно это-то и возбудило вокруг него то необычайное волнение, коего мы были свидетелем. Многие иностранцы и неверующие, и между ними ученые медики, старались увидеть отца Иоанна Кронштадтского и потом засвидетельствовали, что он в своем роде являет чудо изумительного *душевного и физического здоровья*, удивительную гармонию и равновесие психических и физических способностей. Это — тот язык, которым только

и умеет говорить наука; мы можем перевести этот язык на ту более простую речь, что Иоанн Кронштадтский с рождения получил некоторый избыток, некоторый излишек сверх нормы жизненности, *вечной жизни*, и ее богатство он черпал и раздавал вокруг болящим, немощным и слабым. Чудо физическое, духовное и религиозное здесь сплетены в одно.

Здесь мы не отрицаем физики, но физик столь же мало имеет права отвергнуть здесь религию и подлинное чудо. Вот — присутствие этого осязаемого, очевидного дара свыше, т. е. сверх-обыкновенного человеческого, и подняло вокруг Иоанна Кронштадтского неопишное волнение, люди потянулись к нему не за *помощью себе*, не по *слабости своей*, не среди *своего страдания*, — они потянулись к нему как к живому свидетельству небесных сил, как к живому знаку того, что Небеса живы, божественны и благодатны. Все это так естественно! Все это — обычная история религии на земле!

Мы убеждаемся из *книг* и *доводов*; народ этого не может; он не может читать толстую книгу, частью не может вообще читать. Он, как апостол Фома, ищет вложить персты и *осязать*. Иоанн Кронштадтский для своего поколения, и поколения *народного*, явился *личным свидетелем* истины религии, и религии вот нашей русской, православной; он "доказал религию" воочию тем, что он *молился*, и вот — исцеление *наступало!* Эта вторая, последующая часть его народного значения чрезмерно превысила первую, собственно благодетельную и целебную. Он стал вождем *уверования*, воскресителем *веры*; он поднял волну религиозности в народе.

(Из газеты "Новое время",
СПб, 21.12.1908, №11775, с.5)

М. О. МЕНЬШИКОВ (1859-1919)

ПАМЯТИ СВОЕГО ПАСТЫРЯ

Сегодня Петербург хоронит отца Иоанна Кронштадтского. В субботу, как мне передавали, были такие сцены. Священник вышел после всеношной к народу и сказал: "Теперь отслужим панихиду по молитвеннике Земли Русской, по отце Иоанне Кронштадтском!" Как сказал он это, народ на минуту замер. Точно ветер — шелохнулся тихий ужас и раздалось рыдания. Бабы заре-

вели, заплакали дамы в шляпках... Не стало "батюшки отца Иоанна"!

Умер человек воистину исключительный, можно сказать — единственный по близости к народному сердцу. Какие бы великие наши люди ни умирали — Достоевский, Тургенев, Чайковский, Менделеев — их смерть производит впечатление лишь в небольшом культурном слое, совершенно не проникая в глубины народные. Гораздо обширнее чувствуется смерть замечательных полководцев, Суворова или Скобелева, носителей народного героизма, но и их имена почти чужды женской половине населения. Только "святой" объемлет все воображение народное, всю любовь — и особенно восторженную любовь наиболее любящей половины нации — женщин.

За эти тридцать лет ни один человек в России не сосредотачивал на себе такого всеобщего поклонения, как "кронштадтский батюшка". Сколь ни громадна слава гр. Л.Н. Толстого, он подавляющему большинству простонародья неизвестен вовсе. С именем его не соединено таинственных, заветных чувств, что связывают с "отцом Иваном" всякую деревенскую бабу, всякого пастуха, всякого каторжанина в рудниках Сибири. Да, даже каторжники — кроме немногих изгладивших имя Божие из своей души — знают об отце Иване и представление о нем в них светит, как свеча перед божницей совести.

Заслуженно или нет, отец Иоанн занимал более, чем кто-нибудь, психологический центр народной жизни. Он умер в преклонных летах. Преимущество великих людей — не умирать душою. Разве это не чудо — последнее чудо святого священника, что, хотя он умер, но именно теперь и ожил перед всеми, утвердился навсегда, и один уже образ его, непрерывно возобновляемый, начинает неокончаемую работу? Разве св. Николай Чудотворец умер? Разве он не продолжает влиять существеннее, чем при своей жизни, на поступки, т. е. на судьбу целых сотен миллионов народа?

Я помню отца Иоанна 35 лет назад, еще до возникновения его шумной славы как чудотворца. Меня поразила прежде всего манера его службы, единственная, какую я слыхивал когда-нибудь. Все священники и дьяконы на ектениях возглашают нараспев, с установившеюся веками благолепной певучестью. Отец Иоанн возглашал просто, точно разговаривал с кем-то громко, то понижая, то повелительно возвышая голос в самых неожиданных местах. Вначале

мне казалось это признаком эпилепсии. Потом я понял, что это от искренности, от самозабвения во время молитвы. Впоследствии я не раз встречался с отцом Иоанном. Вторая его памятная черта — светлый взгляд и всегда как бы освещенное изнутри лицо. Глаза его — светло-голубые — были женские по яркой нежности; голос был простой, как у северян, несколько резкий, без всякой елейности.

На моих глазах отец Иоанн выступал как угодник Божий. Одно из чудес (если их можно назвать чудесами) я видел — как, подобно Христу, простым наложением рук, отец Иоанн остановил нервный припадок. Я наблюдал общую исповедь "батюшки", необыкновенно трогательную. Ее сто раз описывали. Видел, как, благословляя тысячи народа и давая целовать крест, отец Иоанн молился вполголоса в сдержанном, высоком пафосе. Слышал проповеди отца Иоанна, не производившие, впрочем, на меня впечатления. К несчастью, он окончил когда-то Духовную академию, и она наложила, сколько могла, свое мертвящее влияние даже на этот огромный дух. Отец Иоанн проповедовал не столько словом, сколько "подвигом добрым", примером жизни. Девизом его было: "Священники Твоя облукуются правдой".

Я кое-что читал из ученых сочинений отца Иоанна, например, замечательное исследование о кресте, просматривал его знаменитый дневник "Моя жизнь во Христе", находил там, как у Фомы Кемпийского — не только страстную, неугасимую веру в Бога, но иногда удивительную силу мысли, поэтическую, как в псалмах Давида.

Живя в Кронштадте, я мог наблюдать отца Иоанна ближе, чем приезжие. Этот праведник был тем примечательнее, что никак не складывался в театральный облик "святого", не впадал ни в аскетизм, доходящий у нас (в лице юродивых) до цинизма, ни в святость, ни в ханжество. Я знал, что о. Иоанн — подвижник, что он почти не спит и молится, встает рано — и у себя в садике, при бедной квартире, все молится.

Скромность его доходила до того, что он, например, не позволял в бане мыть себя и сам скорехонько мылся, когда никого не было, и уходил. И это в то самое время, когда в ванну, из которой он вышел, считал за великое счастье сесть один бывший губернский предводитель дворянства. Я сам видел, как к недопитому "батюшкой" стакану чая устремились женщины и, крестясь, благоговейно допивали. И уже зная, как он прославился на земле, он не то чтобы

сохранил смирение, но действительно был скромнее до наивности. Помню, сидя за завтраком после поездки в Берлин, куда его приглашали помолиться за хворавшего нашего посла, отец Иоанн совершенно по-детски описывал, с каким почетом его встречали. Видимо, вместе с народом, он сохранял уважение к чину власти, к боярам и вельможам, хотя маловерные из знати терпели гнев от него — прямо пророческий.

Известно, с каким ожесточением о. Иоанн осуждал гр. Л. Н. Толстого. С одним из учеников Толстого, князем Х., он не хотел даже говорить, почувствовав сразу его безверие. Мне пришлось два раза обратиться к о. Иоанну от имени погибавших приятелей. Один был революционер, присужденный к смерти и сосланный на каторгу, — ему нужно было освятить крест, посылаемый родителями. Другой был умиравший от чахотки поэт Надсон. Близкая ему М. В. В. просила устроить, чтобы о. Иоанн помолился о нем. В обоих случаях — особенно в первом — о. Иоанн был ласков и прозорлив в своем участливом молчании. Он точно видел и слышал что-то тайное — не факт, а суть факта.

Последний раз я встретил о. Иоанна при посещении им чайной общества трезвости, где я когда-то работал с сенатором Барановым. Всегда он был крайне прост и лишен всего показного. Хулители о. Иоанна утверждали, что его деятельность была направлена на добывание денег, что все его молебны и благословения будто бы оплачивались. Грубая клевета! Сколько мне известно, он никогда ничего не просил. Что предлагали, брал, но для передачи нищим. Весьма возможно, что его обманывали и около него наживались. Ведь через его руки проходило около миллиона в год. Сам он ходил в последние десятилетия в роскошных подаренных ему шубах и рясах, снимался в орденах и митре, но, я думаю, он делал это не для своего удовольствия, а чтобы не обидеть тех, кому это было приятно. Роскошь одежды иным резала глаза: какой же это святой — не в рубище! Но может быть тут было больше смирения, чем спеси. Помните слова Сократа ученику Антисфену: "Твоя гордость смотрит из дыр плаща". Подобно Христу, о. Иоанн ел и пил с грешниками, может быть с блудницами, ел иногда тонкие блюда. Он, сын дьячка, выросший в крайней бедности, пил тонкие вина, но на моих, например, глазах он едва притрагивался ко всему этому. Веточка винограда, глоток вина, не более. Дома же ему почти не приходилось бывать, и в мое время обстановка его квартиры была очень скромная.

Наконец, разве в этих пустяках человек? В одежде, в пище, в мебели? "Дух Господен на мне!" — вот что вместе с Исаяей чувствовал с неизреченным счастьем покойный старец. В него веровали как в чудотворца — это не диво. Еще чудеснее, что он сам глубоко веровал в себя как в чудотворца. Вообразите же безмерную радость знать, что ты избранник Божий, что Господь действительно тебя слушает и на мольбу сердца твоего снисходит!

В дневнике отец Иоанн записал случаи чудес, им совершенных. Записи эти иногда отличаются детским чистосердечием. "Я молился о нем (некоем Василии), — пишет он, — Господу, чтобы Он исцелил его. Господи! — говорил я, — исцели раба Твоего от болезни его. Достоин есть, ему же да си, люби бо священников Твоих и дары своя присылает им. Молился и в церкви у престола Господня за литургией, во время молитвы "иже общия сии согласныя даровавый нам молитвы..." и перед самыми Тайнами. Я молился между прочим так: "Господи! Животе наш! как мне помыслить легко об исцелении, так Тебе исцелить легко всякую болезнь; как мне помыслить легко о воскресении из мертвых, так Тебе легко воскресить всякого мертвеца. Исцели убо раба Твоего Василия от лютой его болезни и не допусти его умереть, да не предадутся рыдания жена и дети его, — и благопослушливый Владыка помиловал. А то был на волоске от смерти. Слава всемогуществу, благодати и благопослушеству Твоему, Господи!"

Вот как бесхитростно молился праведный батюшка. Восхитительна эта наивность веры и интимность отношения к Богу. Вы чувствуете, что престол в алтаре для о. Иоанна был действительно престол Господень, и Святые Тайны действительно тайны — во всем грозном величии влагаемого в них верой чуда. Подумайте о претворении вина и хлеба в кровь и плоть Божию! Подумайте о перерождении природы человека в божественную! Греческие мудрецы, зачинатели нашего культа, может быть довольствовались символами, но вот чистое дитя Севера, как и весь наш северный народ: им мало символа, они верят в Бога реально, как в свою жизнь. Предстатель за народ свой перед Богом, совершенно как добросовестный слуга, упрашивающий хозяина, действует доводами чисто практическими и, наконец, убеждает "благопослушного" Создателя. Это, пожалуй, и есть настоящая вера, и иной, вероятно, быть не может.

”Горе вам, — сказал Христос, — когда все люди будут говорить о вас хорошо! Ибо так поступали с лжепророками отцы их” (Лк. 6, 26). Только фарисеи и лицемеры ухитряются не иметь врагов и быть всеми уважаемыми. Христос и апостолы имели много врагов и погибли от их лютой злобы. Не мог не иметь врагов и праведник кронштадтский. Насмешливым презрением он пользовался со стороны нигилистов и интеллигентных безбожников, которых сам он насмешливо презирал. С оскорбленной завистью относилась к нему значительная часть духовенства, главным образом — высшего. Митроносцы со сверкающими бриллиантами на клобуках, украшенные омофорами и панагиями, не могли не чувствовать, что при всем своем академическом либерализме, при всей тюбингенской светскости взглядов, при всем искусстве царедворства, — они бесконечно ниже кронштадтского священника, ниже в глазах Божиих и в глазах народных. Без долгих споров в народе установилось, что он — *настоящий*, а они как будто *не настоящие*. При современном искусстве подделки алмазы Тэта изумительны; их трудно отличить от природных, но цена им все-таки полтора рубля. Этого никак не могли простить великому священнику Земли Русской, и его затирали долго, сколько могли. Лишь незадолго до смерти, когда он стал совсем немощен, он удостоился назначения в Синод, — он, которого часть восторженных поклонников провозгласила живым Христом, сошедшим с неба!

Отец Иоанн сурово порицал поклонение иоаннитов, предавал их анафеме, но, конечно, для него была еще более затаенная ненависть к нему и анти-иоаннитов. Как я писал три года назад, более решительное, чем у нас, правительство воспользовалось бы драгоценным случаем, чтобы в лице о. Иоанна — признанного заживо святым — начать новую линию патриархов всероссийских, — но разве чиновники Святейшего Синода заботятся о величии Русской Церкви?

Третьим, самым грязным и низким врагом великого священника являлась еврейская пресса. В течение трех лет она, пользуясь оплошностью гг. министров-октябристов, ежедневно глумилась над благочестивым старцем, издевалась над его чудесами, над его милостыней, над благоговением его поклонников. Сочинялись клеветнические легенды, сквернилась женская к нему преданность, оплевывался народный порыв. Как известно, о. Иоанн мужественно выступал против нашей революции и в церковных проповедях напоминал власти ее долг подавлять смуту. Не только народу, но

и начальству о. Иоанн предложил к исполнению знаменитую 13-ю главу Послания к Римлянам. ”Начальник не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое”. Начальство русское с изумлением узнало, что употреблять меч обязывает сам апостол.

/ ... / Оба великих сверстника, кронштадтский и яснополянский старцы, полярно противоположные по духу, составляют гордость России, ибо оба выражают с исключительной силой наш национальный гений. Толстой воплотил в себе могущество оторвавшейся от народа аристократии: знатный, богатый, художественно одаренный, Толстой вместил в себе все утверждение и все отрицание мира. Выросший под громадным влиянием Руссо и Шепенгауера, Толстой доразвился в наитиях Будды и Лаоцзы. Не то отец Иоанн: подобно Ломоносову, он вышел из народа, из глухих северных преданий, из той благочестивой старины, которая осталась в полузабытом прозвище ”святая Русь”. Невдалеке от освещающих север, точно полярное сияние, гробниц угодников соловецких, отец Иоанн воспринял свое озарение веры, свою глубокую приверженность к непостижимому Богу, свою страсть к Христу и к общению с Ним через трогательные образы, древние, как сам народ, священные, как родное прошлое.

Бурно-мятущийся и гневный Толстой — самое великое, что создала интеллигенция наша. Неподвижный и пламенный в своей вере отец Иоанн — самое великое, что создал простой народ за последние 80 лет. Отец Иоанн — носитель народной культуры, от Антония и Феодосия Печерских, от Сергия Радонежского до Тихона Задонского и Серафима Саровского. Плоть от благороднейшей плоти народной, кость от костей его, кронштадтский старец не мечтал только о святой Руси, как Толстой, а сам был святою Русью, сам нес ее в своем сердце! Вот чем он был дорог народу. Вот почему народ сразу признал его своим, как все сразу видят светильник на верху горы.

Не только православие русское, мне кажется, в лице святого священника все христианство утратило величайшего своего представителя. В самом деле, поищите в теперешнем павшем христианстве такое же горение веры и ту же осязаемую для народа благодать Духа Святого с прерогативами апостолов — исцелять тела и изгонять бесов! Поищите этих евангельских даров Христа у восточ-

ных патриархов, у западных генерал-суперинтендантов, у кардиналов и у самого папы! Именно в России родился и умер последний христианин, какого знает мир.

Да будет мир его святой душе! Пусть, поминая народного отца, своего батюшку Иоанна, все сильное и пророческое, что осталось еще в России, скажет словами Елисея к отходящему Илии: "Дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне" (4 Цар. 2, 9).

(Из газеты "Новое время",
СПб, 23.12.1908, № 11777, с. 3-4)

НЕИЗДАННЫЕ ЗАМЕТКИ АФОНСКОГО СТАРЦА СХИМОНАХА СИЛУАНА

(на полях каталога огородных растений и цветов)

Душа кроткая и смиренная лучше этих цветов, и запах и аромат лучше и красивее. Господь украсил цветы, но Он любит больше человека и дал ему Духа Святого, а Он слаще всего мира и приятен для души.

* * *

* * *

Цветы сотворил Бог для человека, чтобы душа в твари прославляла Творца и любила Его. Не должно забывать Бога ни на одну секунду в сутки, потому что Он любит нас. Возлюбим и мы Его всею силою и будем просить Его милости и исполнять Его святые заповеди.

* * *

Люблю я цветы, но любишь ли Господа и любишь ли врагов, которые оскорбляют тебя? Если любишь — то хорош ты человек.

* * *

Святые любили слезы проливать пред Богом, ибо веселы были духом; но они скорбят о нас, кто плохо живет.

* * *

Хорошо, если душа привыкла молиться за весь мир и проливать слезы за весь мир. Есть много таких монахов, которые плачут за весь мир, я знаю, верю. Любит Матерь Божия тех монахов, которые послушливы и часто исповедуются, и не принимают плохих мыслей. Зело Божия Матерь скорбит, кто нерадиво живет и нечисто, и Духа Святого в душе не будет. Жить в душе будут скорби и уныние и раздражительность.

* * *

Бог познается Духом Святым, а не умом простым. Человек Бога не зная подобен скоту несмысленному. Монахи знают, как они любят Господа и как Господь любит монахов. "Любящие мя — люблю", — говорит Господь. "Прославляющие мя прославлю". Хорошо быть с Богом, душа спокойна в Боге; признак любви к Богу то, кто исполняет заповеди Его. Гордый не может любить Бога. Кто любит много кушать — не может как должно любить Бога. Бога любить — всего надо лишиться земного, ни к чему не иметь пристрастия, но все думать о Боге и Его любви и сладости Духа Святого.

* * *

Послушание нас смиряет, а пост и молитва — иногда заставляют злые помыслы, горделивые молиться и поститься. Если послушник привыкнет размышлять, что моим старцем управляет Господь, то он легко спасется за послушание. У послушливого есть все добродетели, как то: сердечная молитва, данная ему за послушание, умиление и слезы. Он любит Господа и боится, как бы Его не оскорбить преслушанием, ибо милостивый Господь дает ему мысли святые, смиренные, он любит весь мир и проливает за мир слезные молитвы, — так благодать учит душу за послушание.

* * *

Будем думать: меня в это место привел Господь и к этому старцу: дай, Господи, нам спастись. Много козней у врага, но кто исповедует помышления — тот спасен, ибо духовнику дан Дух Святой нас спасать.

* * *

Господь дает Себя познать послушливым простякам. Царь Давид был меньший брат и пастух, и Господь его любил за кротость, кроткие всегда послушливы. Он написал нам Псалтирь Святым Духом, живущим в нем. И Моисей пророк был пастух у тестя — вот послушание. И Матерь Божия была послушлива и святые апостолы. Этот путь показал нам Сам Господь, его будем держаться и получим на земле плоды Духа Святого.

* * *

Преслушники мучаются злыми помыслами, да вразумит нас Господь быть послушливыми и узрим милости Его богатые еще на земле. Ум наш всегда будет занят Богом, душа наша всегда будет смиренна.

* * *

Когда я был в миру, то люди меня хвалили, и я думал, что я хорош. Но когда пришел в монастырь, я узнал хороших людей — не стою одного пальца их и их портянок. Вот как можно ошибаться и попасть в гордость и погибнуть. От хороших людей идет радость и веселие, не как я.

* * *

По своей воле живем — сами себя мучим; по воле Божией хорошо, рад и покоен. О, Адаме, скажи, как скорби на земле миновать, нету на земле утешения, но одна печаль съедает душу.

* * *

Предайся воле Божией, скорбь будет меньше и легче, потому что душа будет в Боге и в Нем находить будет утешение, ибо Господь любит душу, которая предалась воле Божией и отцам.

* * *

Скрытная душа не сказывает духовному отцу, но падает в прелесть. Она хочет высокое стяжать, а это сатанино желание — говорит преп. Серафим. Нам нужно страсти изгонять из души и тела и избежать прелести. Господь являет Себя простым, незлобивым, не только святым, но и грешникам: вот нас любит как Господь.

* * *

Мы живем на войне; если кто попал в прелесть (искушение, грех, смущение), то иди скорее к духовнику и все расскажи, чтобы духовник стоял в эпитрахили, веруй, что поправился ты и изнутри вышел бес, которого ты принял по ошибке; а если не будешь каяться — тебе до гроба так не исправиться. Они в наши тела входят и выходят. Если человек раздражился, то бес в него вошел, а если смирился — то бес вышел.

* * *

Но если станешь молиться Богу, а бес стоит против тебя и не дает тебе сделать поклон, то ты смири себя и скажи — хуже меня нету на свете, и сейчас же бес исчезнет; они боятся сильно смирения и сокрушения, и боятся чистой исповеди. Если ты слышишь, что в тебе есть бесы и слышишь их разговор, то не робей — они в тебе живут в теле, но не в душе, и смирай себя, люби пост, а водки и вина не пей. Если старца или игумена не послушался — то в тебе бес есть, и так за каждый грех.

* * *

Кто нечисто исповедуется и творит свою волю, то хотя он и приобщается Святых Таин, но бесы в нем живут в теле и возмущают ум. Если хочешь, чтобы бесы не жили в тебе, то смири себя и будь послушлив и нестяжателен, люби в точности исполнять послушание и чисто исповедуйся. Духовник стоит в эпитрахили в Духе Святом и похож на Господа нашего Иисуса Христа и сияет в Духе Святом: и вот когда духовник говорит, Дух Святой его словами прогоняет грех. И духовник и священники имеют Духа Святого. Один старец видел духовника в образе Христа — вот как нас Господь любит.

* * *

Господь любит душу мужественную, чтобы она крепко надеялась на Господа. Мы должны подражать Адаму в покаянии и терпении. Пастырей надо любить и пред ними благоговеть. Мы не видим, в какой благодати Святого Духа находятся пастыри, за свою гордость и за то, что не любим друг друга.

* * *

Душе, которая кается, Господь за покаяние дает дар Святого Духа. Душа Бога любит, и от этой любви не могут оторвать ее люди. Господь хочет, чтобы мы Его любили и из любви к Нему себя смиряли. Господь хочет, чтобы мы Его просто просили, как дитя мать просит. Если мы гордые, то надо просить у Бога смирения, и Господь дает смиренному видеть сети врага. Господь много нас любит и дает знать, что делается на небесах и как живут там стар-

шие братья, которые угодили Богу смирением и любовью. Смирением святым Господь показывал рай.

* * *

Царство Божие в нас. Надо разобрать, не живет ли в нас грех. Когда духовник скажет слово, погорает в душе грех и душа чувствует свободу и мир. И если душа будет приносить покаяние, то Господь даст познать радость и веселие в Боге. И тогда будет Царствие в нас.

* * *

Крепко надо душу смирать, каждую минуту, до тех пор, чтобы она и во сне смирялась. Святые любили себя смирать и плакать, и за это Господь их любил и давал Себя им познать. Любовь Божия познается от Духа Святого, живущего в нашей православной Церкви.

* * *

Если бы мы были смиренны, то Господь дал бы нам видеть рай каждый день. Но так как мы не смиренны, то нам дана борьба с самим собою вести войну: кто сам себя побеждает, то Господь дает ему за смирение и труд помощь Свою Святую.

ДНЕВНИК ДУХОВНЫЙ*

8/21 марта 1924

Вчера вечером, после тяжелых впечатлений от суеты века сего, неудач и личной горечи, я пришел отравленный и всю ночь — во сне и без сна — тосковал и скорбел. Я чувствовал себя погруженным в глубокую тьму, и, как часто бывает, вся жизнь казалась мне ошибкой и неудачей. И я чувствовал в себе и на себе дыхание *смерти*: она входила и выходила и владела мною. Я молился, звал Бога, но не в силах был прорваться из глубины. Был сон: куда-то едем, высылают, и с нами новорожденное, хилое, несчастное дитя, и сердце изнемогает от боли и жалости за это дитя. Таким и встал, мертвым, тоскующим, и стал молиться. Сначала трудна была молитва, но потом чудесно возгорелось сердце. Господь умилосердовался надо мною, сердце оттаяло, слезы радостной любви к Господу оросили меня, и я почувствовал в сердце одну радость, одну любовь и одну муку: все, все отдать для Господа, принять от Господа, понести от Господа. Христос мой, дай мне одно: любить Тебя, истаять в этой любви. Свете мой, Сладчайший Иисусе! Радость моя, Услаждение! Не оставляй это хладное, мертвое сердце, Ты, воскрешающий мертвецов!

9/22 марта 1924

Целый день облежала меня тьма и тщетно взывал я из глубины к Господу. А вечер принес целый сноп света. Скончалась жена пр. К-ра. Она была, вернее, считала себя неверующей. Господь удостоил ее, руками меня грешного, приобщиться св. Таин. Еще на исповеди она лепетала о своем неверии, а ее прекрасное, чистое, верное сердце уже любило и знало Господа. А перед смертью она просила положить с собою в гроб тот плат, которым отирала она

*) Первые страницы "духовного дневника", кот. о. Сергей Булгаков начал вести в Праге. Полностью Дневник, охватывающий два года, выйдет в скором времени в издательстве YMCA-PRESS.

губы при причащении. Радость моя, родная моя, это Господь Сам пришел вечерять с тобою. И положу тебе в гроб не только плат, но и стеклянный сосуд и ложечку, которыми тебя причащал. Ограждайся ими от приражения демонского и гряди к последнему суду, доблестная! И лежит она родная ясная, спокойная, словно спящая, спорхнула ее душа, как птица, и где-то здесь, среди нас. И почувствовал я, что и моего окаянного сердца касается Господь руками и молитвами новопреставленной Екатерины, и затрепетало сердце мое от радостного зова. Прав Ты, Господи, и правы пути Твои.

10/23 марта 1924

После смуты и смятения сердца Господь дает Свой свет и мир и радость. Разрываются облака, тают тучи, и то, что вчера еще казалось мрачным и безотрадным, ныне горит радостью небесной. Ничто не изменилось, только Господь коснулся сердца, и оно возрадовалось. Не нужно ничего, чем дорожат люди, не нужно талантов, успехов, достижений, все это — мнимое богатение в себя. Есть одно богатство и радость, которые Бог дал ровно всем людям: жизнь свою, содеваемую в Боге, и сердце, способность любить и радоваться любовью.

О, сердце человеческое, седалище образа Божия в человеке! Что тебя краше и сладостней, что радостней любви! Бог есть Любовь, и любящий пребывает в Боге. О, радость! О, радостей радость! Звонит песнь радости в любящем сердце и изнемогает оно в блаженстве. "Я сплю, а сердце мое бодрствует", в него стучится Жених.

12/25 марта 1924

Господь дал нам духовный меч — молитву, но как трудно владеем мы им, когда разливается и хладеет сердце наше. Спешит человек, чтобы скорее миновать молитву и взяться за дела дневные, спешит от молитвы. И лишь когда преодолет он разлечение сердца своего, когда загорится он молитвою, увидит он, что спешить некуда и не к чему, что нет ничего на земле нужнее и сладостнее молитвы.

14/27 марта 1924

Господь мой, Радость, Сладчайший Иисусе!

Бог послал мне радость видеть чистое творчество женской души. И удивлением пред чудесами Божиими и благодарностью полна душа моя. Трепещет сердце и не знает слов и мыслей, хочет оно, маленькая личинка, растаять и излиться в океане божественной любви, нас окружающей. О, любовь Божия, Любовь, и наша человеческая любовь, любовь Любви, они безмерно различествуют, но изливаются в океан каждая капля, и пусть, пусть прольется в это море и капля моего сердца. Господь мой, Радость, Сладчайший Иисусе!

15/28 марта 1924

Господь дает новый день жизни, новую возможность любить Его, угождать Ему, созидать храм свой, дает новую радость жизни. Он как бы снова творит мир Свой радостным этим днем. Надо каждодневно чувствовать это новое благоденствие Божие, это новое творение мира, возгревать в сердце своем благодарность и умиление. Когда на молитве утренней благодаришь Бога за этот день, данный Им, то с радостным удивлением смотришь на этот день, на эти небеса, на этот мир, опять тебе данный. И тогда невольно смотришь и на конец, когда по мановению десницы Божией отнимется от тебя мир сей и не будет уже новых дней, а только старые дни, в суете тобою загубленные, будут смотреться в зеркало души твоей.

19 марта/1 апреля 1924

Что краше чистой человеческой души, обращенной к Богу! Эти дни я был у одра умирающего и зрел его молитвенные восторги, и чувствовал себя недостойным стоять у сего святого места, ибо Господь был zde... Как будто распахиваются врата вечности, и через них доносится свет и звон и радость, радость на веки...

21 марта/3 апреля 1924

Из глубины воззвах к Тебе, Господи. Когда сердце обуревают печаль, и мрак сходит на душу, Ты, Господи, только Ты утешение мое и прибежище мое. Я хватаюсь за край ризы Твоей, и утихает скорбь, и радость, благодарная радость, заливают сердце. И я чувствую, что этой радости ничто не отнимет от меня. Но когда

я по малодушию выпускаю из своих рук эту ризу, я тону. Господи, услыши глас мой и помоги всем сирым и скорбящим душам. Как высоко служение священства — стоять у скорбных и умирающих, зреть борения их и свет души их, молиться с ними и о них. Я был у постели молодой чахоточной девушки, и душа моя горела, и трепетал я от жалости и умиления пред этим срезанным цветом жизни. Близ Господь всем призывающим Его.

23 марта/5 апреля 1924

Блаженны кроткие... Слова Господа о блаженстве кротости приходят на сердце, когда искушения некротости, запальчивости, гнева посещают грешную душу, а они всегда ее посещают; и как сладостно не отдаться этим чувствам, какую свободу и радость дает кротость. Недаром Господь о Себе сказал, что и Он кроток и смирен сердцем и дает покой душам нашим.

26 марта/8 апреля 1924

У одра умирающего... Как высоко и блаженно служение священническое. Господь дает священнику стоять у врат вечности, когда они открываются, чтобы принять отходящую душу, и сам он смотрит в эти отверстые врата, и это созерцание — как обличение, и вместе как освежающий душу призыв входит в душу. Оно должно бы вносить в нее непрестанное памятование о смерти и сознание близости обоих миров. И особенно, когда в мире отходит праведник в полном сознании и преданности воле Божией, как ныне... "Готово сердце мое", говорит он о себе священнику, и тот нудит его самого к самоиспытанию: готово ли его сердце, и если нет, почему оно не готово? Исыхающую душу освежает небесная роса, чувствуешь близость Господа и руку Его над собой, и сердце горит любовью и радостным удивлением. Нет смерти, а есть лишь два мира, вернее один, но пока для нас разделенный.

28 марта/10 апреля 1924

У одра умирающего о Господе. Нет страха смерти, нет ее раздражающего ужаса, но есть радость, блаженство и готовность послушно повелениям Господа перейти в другой мир, Ему одинаково покорный и близкий, как этот мир. Стояние перед лицом вечности и потеря чувства собственной тяжести... О, как это освобождает

душу, как исполняет ее небесного восторга... И как перед *этим* ничтожны наши земные события. Мы оторваны от России, это *духовная* наша родина, и однако *что значит и это*, когда пред нами наша общая духовная родина. И ни разу об этом не вспомнил и не почувствовал отходящий друг, ибо пред ним родина по плоти — семья его, и родина по духу — священник, в котором живет эта русская земля и с этой родиной и из этой родины грядет в родину духовную. Все не так, как здесь, иные измерения, иное видение. Благословен Бог, сподобляющий меня недостойного видеть и переживать все эти чудеса.

5/18 апреля 1924

Радость творчества. Перед моими глазами совершилось чудо человеческого творчества о Господе и для Господа: чистыми девическими руками начертались иконы Спаса и Приснодевы, как плод глубокого благоговения и тихой молитвы, а вместе настойчивого самоотверженного труда. Как возвышенно и свято это делание! Господь дает силы, Он посылает вдохновение, Духом Святым печатлеется красота. Ему довлеет искусство человеческое, и блажен тот, кто может и хочет Ему отдать это искусство. И если в малом, в уголке неприметном для мира так благостно это творчество о Господе, какое блаженство наступит, если люди станут все делание совершать в Господе, если вся жизнь станет славословием, литургией. Ей, гряди же, гряди, Господи Иисусе!

18 апреля/1 мая 1924

Страстная седмица и Пасха Христова — дивные и явные чудеса Божии, ежегодно являемые, как возмущение вод в Силоамской купели. Это высокие горы, к которым ведет долгое восхождение великого поста, высота которых даже не чувствуется во время нахождения на ней. Душа воспламеняется и пылает все разгорающимся огнем в дивные дни Страстной седмицы, и умирая блаженствует, и блаженствует умирая. А затем огонь этот сразу и непосредственно меняется и переходит в райский, светлый и веселящий, не жгущий и не жгущий, белый огонь пасхальный. Если бы люди, чуждые Церкви, знали это, как загорелись бы, как засветились бы души их. И это явное чудо благодати Божией, спасающей и милующей. Все преобразуется, и это и есть уже заря преображения, все предстает в другом свете, благодатно, изнутри освященным. И

такая жуткая и сладкая вместе с тем милость Божия. Порою душа хочет как будто разрешиться от тела в сладостной истоме, отдать себя Богу, замереть... И этот свет Воскресения, облиставающий вдруг в пасхальную ночь, сменяющий все цвета и краски, все облекающий в белизну, которой не знает земной белильщик, как он входит в сердце, свивается там белым огнем, и горит, и светит. О радостей радость, сладчайший Иисусе!

6/18 мая 1924

Нужно любить *труд* молитвы и никогда не ослабевать в нем. Люди ищут духовных наслаждений, и, если благодать явит им лицо свое, когда она отнимется от них, они тоскуют и хладеют душой. Но труд молитвы, настойчивый, неослабный и упорный, есть выражение нашей действенной любви к Богу, которая стремится связать наше греховное естество и принести к алтарю. Царство Божие силою нудится. И никогда не остается неоправдан этот труд. Бывает, что молишься, а сердце остается холодным и черствым, и язык деревянным, а все-таки, если понудишь себя и ни в чем не дашь уступки и поблажки лени своей, после молитвы душа чувствует себя обновленной, упругой и окрепшей.

Это бывает и при богослужении церковном, когда и оно сопровождается охлаждением: и после него чувствуешь себя укрепленным. Поэтому, трудитесь, братья, трудись и ты, лукавый раб, ибо труд есть любовь, и нетрудящийся леновствует в любви, он холоден сердцем.

19 мая/1 июня 1924

Какое чудо — молитва. Грешный и недостойный человек в безумном дерзновении шлет свои мольбы, бросает свои слова в небо, и услышана бывает молитва, об этом знает сердце молящегося, когда он искренно молится. Это не значит, что *всякое* наше желание немедленно исполняется так, как нам этого хочется, это может и быть — и тогда молитва является непосредственно чудотворной, — может и не быть, но молитва искренняя, сердечная, *всегда* имеет действие и *всегда* исполняется, она *всегда* чудотворна, ибо движима всемогущим и страшным Именем Божиим. Молись, человеке, научись молиться, и великая сила, радость, спокойствие будут с тобою. Не отрицайся силы молитвы по немощи греховной, не говори о себе, что такому немощному и грешному

не внемлет Бог. Он всякому сердцу молящемуся внемлет, и оно внемлет слышащему его Богу. И Бог не где-то вдали, высоко в небесах, Он здесь, в твоём сердце, везде, где призывается с благоговением Имя Его, ибо Он есть в этом Имени.

О, какая милость Божия молитва! Приучай себя к дыханию молитвы, вверь себя молитве, научись ничего не предпринимать без молитвы, и благо тебе будет! Молись и в горе и в радости, в нужде и благодарении, и будешь чувствовать Господа, держащего тебя за руку твою, и никогда не будешь один... Предзрех Господа предо мною, откуда приидет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворшего небо и землю.

26 мая/8 июня 1924

Сегодня я шел к литургии ранним утром по освеженным после ночи улицам города. Я думал: Господь дает это утро в мире Своем. Все живет в нем в необъятной шире и глубине. Неисчислимые творения: люди и птицы, рыбы в глубине и пивавки на Эвересте, вся чисть и нечисть, и все поет хвалу Богу в это утро, и все Им исполнено, и всюду Он близ... И близок Он и тебе, и ты создан в этот мир как его часть, не худшая других, ты удостоен бытия, ты гражданин и этой земли, и этих звезд, и всех бесконечностей великих и малых. И ты можешь, и поэтому должен внимать песне мира, несущейся к тебе отовсюду, славе Бога, которой полно небо и земля. И нет ведь здесь иного *тогда* или *там*, а есть только неподвижное *здесь* и *теперь*. Вся жизнь, пока Господь не загасил этот свет твоей жизни, есть непрерывное *теперь*. И какой грех против себя и против мира, какое малодушие ты обличаешь в себе, уходя в это *тогда*. Вот здесь, сейчас близ Господь и Слава Его, близ вечность и этот бесконечный Божий мир: и ангелы, поющие хвалу Богу, и вся тварь. Как это почувствовать во мгновении, биение мирового сердца и себя как частицу теплой мировой крови, несущейся по мировому телу? Как мне предзреть Господа пред собою выну? Но могу и хочу, Ты Сам помоги и научи меня, Господи!

ИЗ ПИСЕМ *
ИГУМЕНА НИКОНА ВОРОБЬЕВА
(1894-1963)

15. 12. 1962

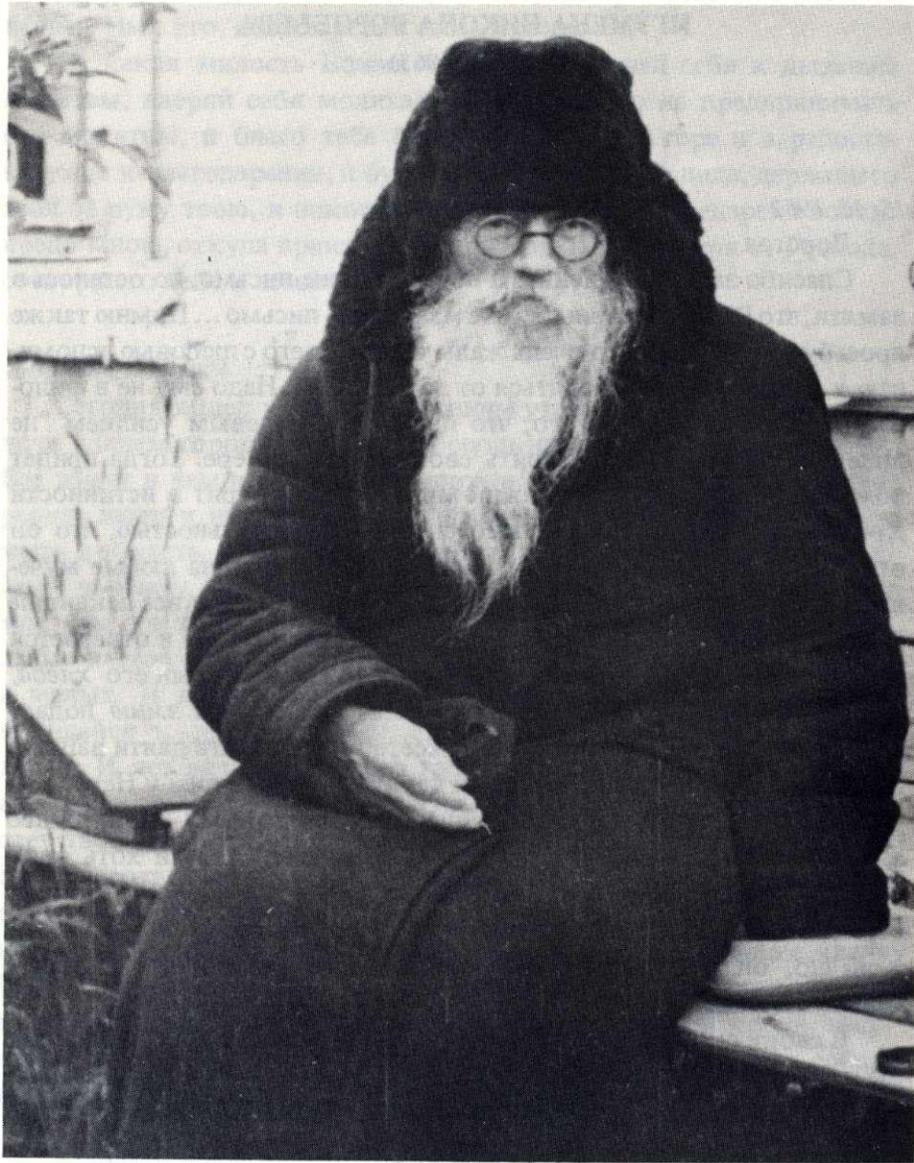
Дорогая...

Спасибо за поздравление. Я потерял Ваше письмо, но осталось в памяти, что Вы благодарны за мое маленькое письмо... Помню также просьбу от... Мне его очень жаль. Иногда я его с любовью вспоминаю и желаю ему освободиться от лап дьявола. Надо ему не в философии и науке искать того, что потерял, а волевым усилием "не видевши уверовать", и строить свою жизнь по вере. Тогда придет помощь свыше, изгонит вражий мрак и удостоверит в истинности Христовой с такой всемогущей силой и убедительностью, что он от всего сердца воскликнет: "Господи, готов идти на любые мучения, только не отрини меня от Себя!.." Это испытали все искавшие Бога. "Ищите и найдете, просите и дастся вам, стучите и отверзется вам... Кто есть от вас человек, его же еще спросит сын его *хлеба*, *еда камень* подает ему; или еще *рыбы* просит, *еда змию* подаст ему? Аще убо вы, лукави суще, умеете даяния блага даяти вашим, кольми и паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него".

Зачем он питается свиной пищей и бросил отцов? Неужели все они находились в обольщении, по его мнению? А если хоть один говорил истину, то и все Христово истинно. А мученики какими страданиями свидетельствовали об истине, которую они познали! Конечно, он нуждается в личном опыте. Пусть просит, и обязательно получит.

В своих скорбях не отчаивайтесь и не опускайте рук. Читайте чаще и больше Евангелие. Иисус Христос всех кающихся прощал, но и предупреждал: иди и впредь не грехи. Прибегайте чаще к Нему, сознавайтесь в своих неправдах, просите помощи, понуждайте всегда, когда вслух, когда про себя, творить молитву Иисусову.

*) Эти письма не вошли в собрание, изданное YMCA-PRESS в 1971 г. и печатаются впервые.

Игумен Никон (Воробьев)

Да вразумит и сохранит Вас Господь от всякого зла. Если будете писать, то передайте от меня поклон, а также скажите ему, что *св. отцы считают неверие такую же страстью, как и блуд, тщеславие, гордость и проч.* Здесь больше действует враг, чем человек. Бороться нужно с неверием, как и с прочими страстями, не рассуждением и беседой с помыслами, а *изгнанием их волевым усилием ("не соизволяю") и молитвой, особенно молитвой Иисусовой*, по возможности непрерывной, с просьбой от всего сердца о помиловании. От этого св. имени, пред которым преклоняется всякое колено небесных, земных и преисподних, ослабеет действие вражие, войдет в сердце мир, надежда и вера и умиление ... и пройдет все искушение. А пока он будет читать научные и философские книги и всякие апологии, то увязнет еще глубже. Надо все это бросить и обратиться к Тому, Кто есть и Путь и Истина и Жизнь.

Да поможет ему Господь! Пишу это как брат, а не как учитель. Пишите. Напишите о получении этого письма.

Н.

Конец мая 1963 г.

Дорогая ...

Не следует слишком много требовать от себя. Лучше смириться пред Богом. Открывайте себя Ему со всеми сквернами и, как прокаженный, говорите: "Господи, если хочешь, можешь очистить меня". Не давайте сроков для этого Богу. Делайте по силе своей, что нужно, а Господь все сделает необходимое для спасения. Только не отступайте от Бога. Не поддавайтесь внушениям врага, что бесполезно трудиться, что все погибло, и т. п. Это дело дьявола, извечного клеветника на Бога и на всех. Твердо держитесь Церкви и учения св. отцов. В каких бы сомнениях ни были — твердите про себя, а иногда и вслух (чтобы бесы слышали): Господи Иисусе Христе, верую, что Ты — Сын Божий и Господь, верую, что Ты всячески пострадал, чтобы спасти нас, верую, что и меня не оставишь, если я сама сознательно не отрекусь от Тебя. Господи, будь милостив ко мне. Предаю себя и свое спасение в Твои руки. Верю, что не попустишь погибнуть мне. Слава Тебе Боже, Слава Тебе Боже, Слава Тебе Боже!

Да хранит Вас Господь. Спасайтесь!

Н.

13. 3. 1949

Дорогая ...

Как ты себя чувствуешь? Как несешь свой крест? Не ропщешь ли? Да поможет тебе Господь без ропота, с благодарностью претерпеть все, что ни пошлет Он ради твоего спасения, ибо без Его святой воли никто и ничто не может нам сделать вреда. Господь доказал нам Свою Любовь к человеку, дозволив распять Себя на кресте. Бог есть Любовь, а Любовь не может попустить зла любимому. Вот почему все случающееся с человеком скорбное или радостное попускается для блага нашего, хотя мы и не всегда понимаем это, лучше бы сказать — никогда этого не видим и не понимаем. Только всевидец Господь знает, что нам необходимо для стяжания вечной блаженной жизни.

Итак, покоримся под крепкую любящую руку Божию и будем со своей стороны употреблять все усилия к исполнению заповедей Его и непрестанно каяться в невольных нарушениях их и тем докажем любовь ко Господу. По слову Господа Иисуса Христа, тот любит Его, кто исполняет Его заповеди, а кто не исполняет, тот не любит.

Да вразумит тебя Господь, да даст терпение, усердие ко спасению и молитву от сердца сокрушенного и смиренного.

Будь ласкова и мягче с людьми, с которыми тебе приходится иметь дело, и с начальством не из человекоугодия, а из любви к ним, заповеданной Христом.

Мир тебе и благословение от Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа.

Н.

29. 1. 1958

Дорогая ...

Прочел твое письмо. Жаль мне тебя, еще более жаль ... Ты стоишь на верном пути, а он на гибельном. Путь этот один: сознать, что мы грешники, искаженные душой и телом, прокаженные, нечистые, недостойные Царствия Божия, недостойные даже обратиться к Богу с молитвой. Я рад, что ты и сознаешь себя такой и скорби свои принимаешь, как от руки Божией, как заслужившая их, во очищение грехов своих. Держись этого устройства. Оно единственное правое. Кто не сознает себя грешным, тот сбился с правого пути, удалился в болото тщеславия и прелести, отошел

от Бога в страну далеке пасти свиней мысленных, в рабстве гордым бесам.

Кого любит Господь, тому посылает скорби для испытания веры и преданности Ему. Закон духовный говорит: "многими скорбями подобает внити в Царствие Божие", "в мире скорби будете", — говорил Иисус Христос своим ученикам перед смертью. "В терпении вашем стяжите души ваши". "Претерпевый до конца, тот спасется". И многими другими подобными этим словам убеждает Св. Писание к терпению. Без скорбей и искушений человек не может придти в смирение. Тщеславие, самолюбие и гордость так глубоко гнездятся в сердце человеческом, что нужны сильные средства и длительный период обучения скорбям и искушениям, чтобы искоренить их и привести хоть к некоторому смирению. Без смирения высшие ангелы стали бесами, а Адам и Ева изгнаны из рая. Как же нам без смирения да еще с грехами войти в потерянный рай? Никак нельзя, пока человек не поймет своего падения, своей гордыни, пока глубоко не смирится и не будет от всего сердца взывать ко Господу, как мытарь: "Боже, милостив буди мне грешному!", "Господи, от дел нет мне спасения, помилуй мя по велицей Твоей милости".

Старайся оградиться от ... , когда враги возбудят его, и вещественно (прячь все опасные предметы), а главное, молитвой. Господь ни на одну секунду не оставляет нас. И если Ему неуютно, чтобы тебя обидел ... , то ни он, ни весь ад, ничего тебе не сделают. Господь попустил избить преп. Серафима, дал ему стать мучеником и участником Креста Христова. Если ты будешь способна к этому, то и тебе может Господь попустить страдания, а если еще нет терпения и смирения и любви к обидевшему, то и не попустит. "Сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим".

Очень сочувствую тебе, желаю всяких милостей от Господа. Господь да благословит тебя и да оградит от всякого зла ныне и во веки веков. Аминь.

Прошу не забывать меня в твоих молитвах..

Н.

Молись всегда за ... , чтобы Господь не допустил его до гибели.

16. 6. 1958

Дорогой ...

Получил твое письмо. Наверное тебе уже сделали операцию, и надеюсь — удачно. Я все время помню о тебе и желаю здоровья, и не только телесного, но и, что неизмеримо важнее, душевного. Поверь мне, что болезнь твоя не случайна, она послана тебе по великой милости Божией для спасения твоей души. Нужно было оторвать от той безобразной жизни, которая губила тебя и огорчала всех любивших тебя. Я уверен, что ты вполне осознал свое неладное прошлое и раскаиваешься о нем. Очистить душу от прежних скверн может один только Господь. И если ты без ропота, а с благодарностью к Богу потерпишь свою телесную болезнь, то этим покажешь свою веру, свое покаяние и смирение, и получишь не только прощение сделанных прежде грехов, но и помощь на будущее время для борьбы с дурными влечениями, а после смерти — вечную жизнь в общении со всеми святыми, неизреченную радость. Не унывай, дорогой, отгоняй уныние и неверие, чаще призывай имя Божие, и Господь утешит тебя, хотя и даст потерпеть болезнь. Закон Духа говорит, что "многими скорбями подобает внити в Царство Божие". Знаешь, через какое страдание прешли в будущую жизнь апостолы, мученики, подвижники? Как же нам, грешным, войти в Царство Божие без скорбей? Невозможно это. Поэтому и сказано, что кого любит Господь, тех наказывает скорбями и болезнями, чтобы принять в Свою Славу по смерти и очищенными через покаяние и болезни.

Когда тебя будет бороть уныние, тоска, то понуждай себя мысленно говорить: "Слава Тебе Боже, Слава Тебе Боже! Достойное по делам моим приемлю. Благодарю Тебя Господи, что послал мне болезнь для спасения души моей. Слава Тебе Господи, Слава Тебе".

Говори эти слова десятки, сотни раз, говори убежденно, от всего сердца, и через некоторое время почувствуешь облегчение на сердце, мир и спокойствие, твердость и терпение. Это признаки посещения благодати Божьей. Дай обет Господу оставшуюся жизнь провести по-христиански, и Господь продлит дни жизни твоей на земле для покаяния и для приобретения новых свойств душевных, необходимых в Царствии Божием: смирения, кротости, воздержания во всем, милосердия, благоговения и благодарности к Богу и проч.

Старайся меньше разговаривать с людьми, а упражняйся во внутренней молитве.

Господь да благословит тебя и вразумит на все благое. Но и сам ты "уклоняйся от зла и твори благо", борись с грехом, живущим в каждом человеке, ибо Царствие Божие усилием берется.

Н.

Наши все кланяются тебе, желают скорого выздоровления. Приезжай к нам.

(без даты)

Дорогая С.! Мир тебе!

Жалею, что у вас там не кончаются всякие неприятности. Я тебе предлагаю выполнить совет евангельский, именно: отступи от земли (т. е. всей суеты житейской), прилепись молитвой, памятью Божией, чтением книг *духовных*, покаянием, частым причащением, подавлением в себе неприязни к окружающим и проч. *духовным* деланием — прилепись к Богу. Пока ты в суете, пока ты в воде, окуналась во все дрязги окружающего мира, ты неминуемо будешь страдать, будешь подвергаться действию людей и бесов. Не думай, что можно от этого избавиться переселением в другое место. Нет. Если здесь не умеешь стать выше суеты, то также и в другом месте, вдвое и втрое потерпишь в новом месте. Приложи все усилие умом, сердцем, волей, всей душой угодить Господу. А как угодить — знаешь. Читай не умом только, а душой Евангелие, оно тебя всему научит. Научись читать не глазами только или даже умом, этого недостаточно, а научись читать *сердцем* и душой. Хоть раз испытай это, чтобы понять, о чем я пишу. Проси Господа.

А главное, сохраняй мир с близкими, поскольку это зависит от тебя. Считай, что там собрались в кучу всякие больные, так это и есть. Поэтому и надо относиться ко всем, как относятся в больнице. Там не ругают, т. е. в больнице, что кто-нибудь заболел легкими, сердцем, животом; не говорят: ах, ты негодяйка слепая, ишь глазами заболела! Так и вам друг друга не ругать надо за душевные болезни, а терпеть и жалеть друг друга. "Тяготы друг друга носите, и тако исполните закон Христов", — говорит Апостол. Старайся исполнять мой совет, если хочешь себе добра душевного и телесного. Когда будет душа в мире, в молитвенном настроении,

в покаянии, тогда и тело будет здорово, и обиды легко будут переноситься. При правильном духовном устроении ты на всякую обиду, несправедливость, скорбь будешь говорить от всего сердца: "достойное по делам моим приемлю, Слава Тебе Господи, что Ты обучаешь меня терпению и исполнению заповедей Твоих".

Будь мудрой, вылезай из моря суеты на берег молитвы, покаяния, всепрощения, и Господь оградит тебя от всякого зла и устроит жизнь твою, как тебе и не мечталось.

Да хранит тебя Господь, да вразумит на все доброе, да удержит от зла и неприязни! Благословение Божие да будет с тобой во веки.

Дедушка

Привет от всех наших.

4. 5. 1961

Христос Воскресе!

Дорогой ... , я слышу, что ты совсем попал в сети вражия. Неужели ты этого не видишь? Неужели тебе не ясно, что враги хотят тебя погубить? Жить тебе осталось немного. Если не одумаешься, то после смерти попадешь прямо в руки бесов. Ты знаешь, как они жестоки. Для них существует одно только удовольствие — губить и мучать людей. Никто и представить не может, какой ужас, какие муки терпят те, кто попадает в руки бесов. Иногда безумные пустые люди говорят: что другим, то и нам будет. Разве это утешение? Для всех хватит бесов. Пусть этим утешаются.

... , тебе Господь многое показал. Ты дал сам обещание исправиться: ты просил дать тебе время для покаяния. Господь дал тебе время: продлил жизнь, освободил от работы, обеспечил всем. Дал и для покаяния помощь в лице о. Павла и *твоей собственной жены*. А ты что делаешь, кое-как исповедаешься и чуть ли не в пьяном ударе причащаешься. Что это такое? О чем ты думаешь? Знай, что "Бог поругаем не бывает". Господь ждет покаяния от людей грешных, потому и долго терпит. А безумные люди думают: грешники благоденствуют, значит Бога нет. Бог жалеет их, вразумляет и добром, и скорбями, и болезнями, ожидая их исправления. И если не каются, то оставляет их в земной жизни на их волю, чтобы воздать должное после смерти. И праведникам часто тяжело

умирать, а про грешников сказано: "смерть грешников люта", а жизнь после смерти еще лютее.

... , ты ведь не глупый и не без сердца. Подумай, куда ты идешь. Покайся искренно, от всего сердца, не внешне по обычаю, без сокрушения, как очень многие делают, а потом причащаются в осуждение себя. Ты у себя дома, один поплачь пред Господом, проси от всего сердца прощения за прошлую безобразную жизнь. Проси помощи для исправления. А прежде всего искренне попроси прощения у ... , помирись с ней, чтобы и она от всего сердца простила тебя. Когда человек находится во вражде, то его молитвы не принимаются Богом. Это ты знаешь. Поэтому помирись с ... и со всеми, кого чем обидел, и тогда смело припадай ко Господу, кайся, проси Господа не допустить тебя до гибели. Ты стоишь на краю пропасти. Бесы легко могут столкнуть тебя в бездну. Если не можешь бросить пить, то пей дома, не оскорбляй ... Прежде чем выпить, помолись хоть одну-две минуты, скажи: Господи, я не могу сам удержаться от водки, сейчас буду пить, напьюсь, может быть, буду сквернословить и ругать жену. Господи, если можно, удержи меня или прости, что я опять напьюсь. Когда помолишься так, тогда пей, старайся выпить поменьше. А когда протрезвишься, первым делом спроси, не оскорбил ли ты ... , не ругался ли скверно и пр., помирись с ней и помолись, проси прощения у Господа.

Дорогой ... , знай, что радость бывает на небе об одном даже кающемся грешнике. Не можешь удержаться, так плачь пред Господом, умоляй простить и дать силу воздержаться. Только искренне желай не оскорблять Бога и ближних. Не оправдывай себя никакими обстоятельствами, не обвиняй никого, кроме себя. В самооправдании гибель. Это голос бесов. Смирись пред Богом и людьми. Не тщеславься, не осуждай никого, чтобы тебя не осудил Бог. Вынь бревно из своего глаза, тогда увидишь, как вынуть сучок и из глаза другого человека. Пожалей себя, не губи окончательно. Да вразумит и поможет тебе Господь, да не попустит твоей гибели.

Жалеющий тебя Н.

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Князь Е. Н. Трубецкой

ПЕРВОЕ МОЕ ЗНАКОМСТВО С СОЛОВЬЕВЫМ (Из письма, написанного кн. С. Н. Трубецкому в 1887 г.) *

С Соловьевым было два чрезвычайно длинных и горячих разговора. Во-первых, у Лопатиных в среду: наверху, в комнате Льва Лопатина, у нас был целый диспут. Разговор зашел сначала о моих занятиях по части древности, причем Соловьеву весьма нравилось то, что я ему излагал. Наконец, зашла речь о противоположности эллинского религиозного начала, как культа теоретического отвлечения, и Рима, как обожествления практического отвлечения воли. "Эта противоположность, — заметил Соловьев, — сохраняется и в самом отношении церквей, восточной и западной". Отсюда спор невольно перешел к основному догматическому вопросу об отношении церквей. Я поставил ему вопрос: признает ли он, что между обеими церквями существует *единение*, общение церковное, или нет? На что получил ответ: "не единение, а единство, единство общей мистической основы, единство общего вероучения, общих догматов". — Но одного *единства* мало, чтобы признавать единую церковь, нужно еще доказать, что существует *единение*; в этом для Соловьева роковой вопрос, он видимо смешивает эти два понятия, подставляя беспрерывно одно на место другого, вследствие чего получается игра слов. Когда он пытается доказать единение, общение, — он становится слаб и прибегает к нефилософскому способу аргументации: указывает, напр., на русских мужиков, которые идут в Рим на поклонение гробнице

*) Печатается впервые.

слева направо:
В. С. Соловьев, Кн. С. Н. Трубецкой, Н. Я. Грот, Л. М. Лопатин

св. Петра, на что я отвечаю, что в Петре они, разумеется, видят не католического святого; указывает и на то, что католические иерархи получают власть вершить таинства у нас без нового рукоположения и на принятие католиков без перекрещивания. Трудно видеть во всем этом признаки единения, когда для принятия требуется формальное проклятие, отречение от католичества! Наконец, пришли к тому, что Соловьев признает *единство церкви невидимой*, которая проявляется в *двух видимых* половинах, взаимно друг друга отрицающих. Богословские школы спорят и проклинают друг друга, но тут еще нет разделения церквей, а только раздор богословских школ. "Итак, вы признаете, что спор Востока с Западом сводится только к разногласию нескольких богословов?" "Конечно, нет, есть антагонизм национальный и богословский, но разделения все-таки нет: употребляя грубое сравнение, церковь представляется деревом, в котором растреснулась кора, но ствол всем ветвям общий и сердцевина общая". "Если вы не признаете самого разделения церквей, то зачем же хлопотать о соединении? — сказал я. — Какого соединения вы еще хотите: раздоры богословских школ всегда были и будут, а также и национальный антагонизм не есть то же, что формальный разрыв церквей. Чего же вы желаете?" "Я желаю устранения противоречия между мистической основой, невидимой церковью, и ее видимыми проявлениями", — т. е. противоречия между ноуменом и феноменом. Но это значит попасть из огня да в полымя; это значит допустить противоречие, смерть, разрыв, в самом Телес Христовом. Соловьев это чувствует, а потому говорит то о глубоком национальном антагонизме, то о богословских спорах, то, наконец, о поверхностном разделении, о надтреснутой коре. Если признавать невидимое братство между нами и католиками, то придется признать такое же невидимое братство и с протестантами и, наконец, с язычниками.

Соловьев: "Конечно, тут существует только степенная разница".

Я: "Но в таком случае куда же денется свобода верующего, во что обратится свободное согласие верующих, если можно быть язычником и атеистом, враждовать против церкви, хулить ее и все-таки оставаться православным; значит можно принадлежать к церкви и против воли?"

Соловьев: "А как же младенцы через крещение принимаются в церковь, может ли быть тут речь о свободном согласии: свобода верующего не есть начало, а конец". Но это грубый софизм: Соло-

вьев не может не понимать, что отсутствие свободной воли младенца в крещении, которое совершается в предположении *будущей свободы* и только в этом предположении *действенно*, не есть то же, что сознательный формальный разрыв свободной воли с церковью; если же можно принадлежать к церкви против воли, во что же обратится анафема, спросил я.

На это Соловьев отвечал рядом софизмов: "Что такое анафема? Может ли она лишать таинственного и благодатного общения? Ведь закон обратного действия не имеет: анафема не отменяет крещения, не отменяет и приобщения к Телу Христову, которое совершилось до нее; значит, анафема не лишает приобщения Тела и Крови Христовой".

Я: "Но приобщение не возобновляется, пока действует отлучение".

Соловьев: "Да зачем ему возобновляться, когда Тело Христово, раз принятое, неотъемлемо?"

Я: "Да разве вы отрицаете, что процесс траты и возобновления, процесс *кровообращения* есть физиологический закон Церкви, как и всякого организма, что мы непрерывно отчуждаемся от Тела и Крови Христовых и, следовательно, нуждаемся в возобновлении того и другого; что анафемой этот жизненный физиологический процесс временно приостанавливается (т. е., конечно, для отпавшего)".

Что же касается принадлежности язычников и протестантов к церкви, то Соловьев признает тут только степенную разницу, т. е. что все человечество принадлежит к церкви в большей или меньшей степени (очевидно, Соловьев смешивает формальную принадлежность к церкви и реальную). В разделении невидимой и видимой церкви коренится догмат о папстве.

В другой беседе, между прочим, Соловьев сказал, что Христос всецело принадлежит к невидимой Церкви. Я пришел в ужас: да неужели вы не признаете, что Христос в каждом из нас, поскольку мы составляем церковь, чувственно воспринимаем, видим, осязаем?

Соловьев: "Да, но тут опять-таки подразделение: сам человек принадлежит частью к видимой, частью к невидимой церкви. Внутренний храм, внутренний мир человека составляет посредствующее звено".

Казалось бы, если так, если каждый из нас есть медиум благодати, если посредство видимой и невидимой церкви совершается

невидимым и таинственным образом, то к чему же прибегать еще к внешнему медиуму-посреднику — папе?

Тут опять-таки Соловьев возвращается к старому: Сам Спаситель признал необходимость главы видимой церкви, кроме главы церкви невидимой. Иерархия заканчивается и объединяется в первосвященнике. Так было в Ветхом Завете, так должно быть и теперь. В Восточной церкви иерархия остается без видимого главы: почему вы не заканчиваете вашей иерархической лестницы?

Напрасно я стал говорить, что между текстом: "Ты еси Петр, и на сем камени" и княжением апостолов, иерархическим приматом нет ничего общего, что тут нет никакой особой власти, данной Петру, которая бы не была дана другим апостолам, что, наконец, ветхозаветный первосвященник упразднен новым первосвященником по чину Мельхиседекову, Христом, который раз навсегда раздрал завесу, отделяющую видимую церковь от невидимой, и ввел во Святое Святых чувственную природу человека!

Соловьев стал упираться на текст: "Почему только одному Петру Господь сказал такое слово?"

Я: "Да потому, что была особая необходимость вновь утвердить папскую власть отпавшего апостола, который своим троекратным отречением выказал особое малодушие. Вообще, сказал я, попытка обосновать папство на тексте есть весьма нефилософский способ аргументации и путь весьма скользкий: вам приходится для оправдания папы прибегать к чисто протестантскому способу аргументации, подчиняя ее авторитету Библии; вам приходится зараз выдвигать безграничного папу и вместе оправдывать его путем *субъективного толкования* Библии: такой папа всегда подпадет субъективному критерию".

На слово "субъективный" Соловьев обиделся: спор кончился воплем. "Вы не со мной спорите, а со Христом. Спорить, отрицать иерарх. примат Петра значит кощунствовать над Библией".

Я: "Владимир Серг., я предполагал в вас все-таки известную терпимость, зачем нам обвинять друг друга в кощунстве, когда оба мы одинаково искренни? Обвинение в кощунстве есть также чисто протестантский прием. Всякий протестант, преподнося вам свое толкование Библии, вопиет: "Вы не со мной спорите, вы со Христом спорите".

После этого — долгая пауза. Соловьев остался в раздумье. Я встал, чтобы пройти по комнате, а Соловьеву показалось, что я ухожу, рассердившись. Он меня остановил: "Постойте, вы не

думайте, что я подозреваю вас в неискренности: я погорячился в споре", — и протянул мне руку. Тут мы вдруг почувствовали друг к другу нежность и остальной вечер провели довольно приятно.

На другой день, в четверг, я был у него, мы беседовали часа два о церкви, о вселенской Софии. Он читал мне вновь добавленные несколько страниц предисловия к сочинению о Теократии; эти страницы — одни из лучших, им написанных. Прочел он их потому, что я поставил ему прямо вопрос: "Владимир Серг., вы оставляете себе удобную лазейку: предположим, что собирается собор (который с нашей точки зрения будет вселенским), на котором представлена вся восточная Церковь; что этот собор торжественно осуждает католичество, как ересь (вы говорите, что формального отлучения нигде и никогда не произнесено): признаете ли вы этот собор, подчинитесь ли вы ему?"

Соловьев: "*Конечно, нет*: не только я, но всякий другой православный или католик вправе оспаривать компетентность, самую законность такого собора. Он был бы самозванным, *вселенский собор невозможен* до тех пор, пока соединение не совершилось, и будет уже результатом, след. формальным выражением уже совершившегося соединения обеих половин Церкви".

Затем Соловьев прочел мне эти несколько страниц своего сочинения. Содержание их вкратце такое: спрашивается, почему вот уже 1000 лет, как *Церковь бессильна в своем вселенском действии*; почему соборное начало с самого момента разделения Церковью прекратило свои жизненные проявления; почему остановилось догматическое развитие? Или нет больше сюжетов для всецерковного обсуждения? Но мы видим, что до разделения в первые два века вселенские соборы созывались по причине гораздо меньших разногласий; почему же теперь вселенская Церковь бездействует? Если единственный орган, выражающий вселенское согласие, — вселенский собор, то почему же Церковь не пользуется этим органом, если она его не утратила? Ответ простой: вселенский собор невозможен до тех пор, пока соединение не совершится, и собор восточных епископов *"никогда не посмеет называть себя вселенским"*.

Вечером в тот же день был с Лопатиным в Русалке, потом часов до трех беседовали с ним о том же в Московском трактире. На другой день я повез Соловьева в Руслан, узнав, что он никогда не был; с ним мы также потом поужинали в Московском трак-

тире. Соловьеву Руслан очень понравился. Он говорит: не аллегория ли Людмила? Тут три типа национальностей: Руслан — русский, Ратмир и Черномор — Восток, а Фарлаф — Запад; причем отношение к немцу насмешливое и чисто национальное. Людмила — это София, которая сначала была похищена, пленена Востоком (восточным магом), затем вырвана из плена русским, но вновь пленена Западом. Она оставалась в состоянии усыпления, содержалась в дремлющем состоянии в германской философии, чтобы пробудиться и заговорить в объятиях русского.

В. В. РОЗАНОВ

ВОСЕМЬ НЕИЗДАННЫХ ПИСЕМ К М. П. ИВАНОВОЙ

Образ Марии Павловны Ивановой (1874-1941) требует особого исследования. Она была сестрой Евгения (Жени) Иванова, писателя, ближайшего друга Александра Блока. Вся семья Ивановых и, в частности, Мария и Женя (прозванный "рыженьким" В. Розановым) была сугубо религиозная и православная. В молодости Мария Павловна долгие годы болела. А. Блок дружил с Марией Павловной, прислушивался к ее мнениям и посвятил ей стихотворение "На железной дороге".

В советские годы М. П. Иванова работала врачом. Умерла в один год с братом во время блокады.

1.

(без конверта)

Представьте, адрес не записан у меня!!

"Как зовут Марию Павловну"?! Этот невероятный вопрос помешал мне сейчас же поблагодарить Вас, дорогой и большой друг (пожалуйста, не показывайте мое письмо даже Вашему "апокалипсическому" брату Жене), за Ваше трогательное и глубокое письмо: "Где адрес"? — "Ну, где Иванов, Евг. Павл., но как зовут?!?" — ведь я не справился об имени и отчестве, т. е. сейчас же, как подписал книгу — забыл (у меня чудовищное беспамятство). Итак: "лучше ждать прихода Евген. Павлов., — и через него уже передать благодарность его сестре". И я припрятал так, чтобы всегда и сейчас же найти Ваше письмо. И вот у меня оно на глазах: "Мария Иванова". — Так значит Мария Павловна, ибо — "Евгений Павлович" — и я пишу. Простите, все это похоже на "Нос" Гоголя: писатели часто бывают еще бестолковее, чем знаменитые "бестолковые глухари". Ну, вот какое длинное предисловие: это чтоб объяснить и извиниться, что я так поздно отвечаю. Слова Ваши о болезни, которая была для Вас источником или послужила средством раскрыть и возбудить лучшую сторону людей вообще, и братьев — в частности, тронули лично в отношении к Вам, и осветили (хоть крошечку) бездонный вопрос: зачем вообще люди страдают, зачем есть болез-

ни — когда есть милосердный Бог. Я говорю: крошечку ответило на этот вопрос: ибо, к ужасу, есть страдания без всякого ответного сострадания!!! Тут темь, могила, смерть философии, да и религии. Тут — отчаяние, ад, проклятие.

Слышал я о таком — несколько лет тому, сгнившем заживо (заражение) мальчишке-полуидиоте, брошенном в бане деревянной, и которого проклинали родители, считавшие, что в нем — дьявол! Бррр... У нас небо и земля перевертываются, "Христос как бы не приходил". Ибо уж если я, коллежский советник и литератор, все бы сделал, чтобы избавить его от болезни, то как же всемогущий-то и милосердный Бог "прошел мимо — и не заметил" или "не мог". Бррр...

Нет, человек сохраняет право на полное счастье: это говорю Вам я, всю жизнь писавший "на религиозные темы". Попы и философы только-только "сторожа и сестры милосердия" в больнице; главного доктора, ни "доктора" и "оператора" в горе мы не знаем. Да и не хочу я его знать, ни имени, ни отчества, ни паспорта, ни адреса. "Бог с ним!, Бог с ними!" "Не хочу!, не хочу!" — этого животного крика страдающего человека ничто не в силах заглушить. Простите, что, в ответ на Ваше кроткое "женственное" письмо, я пишу такую грубую, жесткую "мужскую" правду. По натуре я сам "баба" ("жалостливая баба") и это-то и вырывает во мне такие "истерические выкрики". Простите, не осуждайте.

Ваш В. Розанов

Крепкое, крепкое, крепкое спасибо милой Марии Павловне за всегдашнюю праздничную память о нашей семье, и

отсылаю с Н. Г.! всю вашу милую семью, и маму, и сестру, и Женю.

Дай Бог сил и терпения Вам, дорогая...

В. Розанов

3.

(штемпель — 25.4.07)

Мне очень больно и стыдно, глубокоуважаемая и дорогая Мария Павловна, — что я не предупредил Ваше письмо своим. А Вы все нас не забываете, как и Ваш добрый брат, которого мы все в семье называем заочно "рыженький Иванов". Его так любят наши дети, хотя и очень редко видят. У Вас горе и серьезно: захворал плевритом брат, у которого уже есть уплотнение легкого. В его возрасте и положении [недавно мелочь] это как-то [неразб.] прискорбно. Надо будет напрячь все внимание и соблюсти всю осторожность, чтобы миновать эти ["дермотомы" ?]. А он такой красивый, приветливый, но что-то "хрупкое" в лице его было всегда заметно.

Ну, простите позднее мое письмо, и сохраните Вашу милую дружбу к нам.

Ваш искренний В. Розанов

Варвара Димитриевна Вас благодарит за память и поздравляет со Светлым Праздником.

4.

(штемпель — 24.3.12)

Христос Воскресе! Дорогая и милая Марья Павловна!

Простите, что не ответил Вам на новогоднее, милое письмо: но если бы Вы знали, до чего после 25 лет труда с пером в руке мне трудно взять сверх "необходимого" опять и еще перо в руки!..

Я несколько раз Жене об этом говорил.

И наша бедная "мамочка", больная, и Шура, и легкомысленные дети — все шлем Вам привет и желаем терпения и терпения в Вашей ужасной болезни. Так как "заочно" все можно, то позволяю себе поцеловать нашу милую Марью Павловну, М. Петр.* и Клеоп. Михайловне** — привет!

В. Розанов

*) Мать М. П. Ивановой.

***) Косцова, сестра М. П. Ивановой от первого брака матери.

(без конверта)

Дорогая и Глубокоуважаемая Мария Павловна!
Христос Воскресе!

Я и Варвара Димитриевна, а также и прочая семья, шлем Вам поздравления со Светлым Праздником — и тоже Вам и всей Вашей семье, а особенно нашему любимому "рыженькому Иванову" или "милому Жене". Дай Бог, чтобы Вас поддержала и укрепила Ваша семья. Крепко Вас обоих (издали) целуем и обнимаем.

Ваши уважающие и любящие

Василий и Варвара Розановы

(штемпель — СПб, 5.4.14)

Дорогая и милая Мария Павловна!

Поздравляю Вас с Новым Годом, и хочу, чтобы Вы не хворали этот год.

Для меня минувший год был самым грустным из длинного ряда лет... Но всяк о своем горе должен уметь молчать.

Любящий и уважающий

В. Розанов

(штемпель — СПб, 21.3.15)

Как и всегда мысленно целую нежную и добрую руку милой Марии Павловны и говорю

Христос Воскресе!

всей Вашей доброй семье и Марии Петровне, и Клеопатре Михайловне и нашему рыженькому все еще мальчику Жене.

Ваш преданный

В. Розанов

Дорогая и милая, и глубокоуважаемая Мария Павловна!

Поздравляем, Варвара Димитриевна и я, Вас со Светлым Рождеством Христовым, и молим Бога, чтобы Он облегчил Ваши, прекрасной мученицы, — страдания!! Но держитесь своей вечной мысли — что Ваши страдания "неведомому преходящему человеку" полезны, нужны, необходимы, как костыли — убогому. И вот может быть крепят они меня убогого, слабого, и легкомысленного. Совершенно ведь Вы не знаете, кто на Вас из-за уголка смотрит.

И поздравляем с Рождеством Христовым Марию Петровну, Клеопатру Михайловну и милого Женечку. Вам желаю благополучия и радости.

24 декабря у меня было 4 [неразб.] припадка. Моментальное головокружение, почти потеря сознания, пот, слабость.

Пот и сейчас начинается.

В. Розанов

Верно не далеко "†".

ПИСЬМО С.А. АСКОЛЬДОВА В.В. РОЗАНОВУ *

17 мая 1911 г.

Многоуважаемый Василий Васильевич!

Жена и я благодарим Вас за присылку Вашей книги. Хотя мы уже приобрели ее раньше, но мне было очень приятно получить от Вас, как знак того, что наша идейная вражда не помешала Вам проявить некоторое дружелюбное отношение, каковое и с моей стороны всегда было налицо, хотя ему и не было повода проявиться в какой-либо осязательной форме.

Хотя я успел просмотреть всего несколько страниц, но уже вижу, что это вероятно самое многозначительное из Ваших произведений уже по одному тому, что Вы здесь договариваетесь до конца. В этом очень драгоценна уже напр. 68 страница Вашей книги, где Вы решительно отвергаете загробное существование и понимаете торжество жизни чисто биологически и даже зоологически, как продолжение в воспроизводстве потомства. Драгоценно же это потому, что тут Вы открываете для других и для себя Ахиллесову пятю Вашего религиозного мирозерцания, показывая, что оно в конце концов сводилось к чисто позитивистическому пониманию жизни. Здесь Вы говорите в унисон с [неразб.] и с такими биологами, как Мечников и tutti quanti, имя же им легион. А почему же и не так, спросите Вы? Да потому не так, вернее не должно быть так, что Вы по существу совсем не они и они не Вы. Выражаясь Вашими терминами, в Вашей душе и мыслях совсем другой сок,

*) Сергей Александрович Аскольдов (1871-1945), крупный русский религиозный философ. Не эмигрировал и не был выслан, но был сослан в Зырянский край, а затем в Новгород. Во время войны эвакуировался сначала в город Дно, затем в Берлин, где и умер.

В письме речь идет о книге Розанова "Темный лик", носящей подзаголовок "Метафизика христианства".

другая религиозная кровь; впрочем у них-то пожалуй и нет никакой религиозной крови, а так какая-то киселеобразная дрянь; таким и подобает сидеть в глиняной макитре позитивного биологизма, т. е. религиозного нигилизма: "того света нет", "Христос не Бог", "мертвых не воскрешал" и "Сам не воскрес". А Вам-то, Вам-то, Василий Васильевич?! Ведь Вы совсем иной искры. Уж коли Вам воевать с христианством, то поглубже и порешительнее, — не с ними, а с самим Дьяволом в союзе, ибо у Дьявола есть все-таки религиозный сок, а они его лишь тупые наемники. Итак, Ваша *метафизика* христианства есть чистейший *позитивизм*, а *самочувствие* христианства, будь то враждебное, будь то любящее (и такое у Вас есть), по существу *религиозное*, — неладно что-то! Не надо ли пересмотреть заново метафизику? — ведь дело очень серьезное и ответственное. Не лучше ли ветхозаветный юдаизм? Там есть религиозная метафизика, и *если брать в целом*, то и будущая *загробная* жизнь и *будущий Христос*. А потом, еще важный для Вас вопрос, почему христианство потеряло вкус к миру? Так, заболело диспепсией. Или сознательно зная вкус чего-то другого, о чем нам и не снилось (вернее, очень, очень редко снится, именно снится). Одним словом, Христос и святые не понимали мира, не знали, что и как вкусно. (Августин ли — африканский — не знал вкусоности этого мира?).

Простите за набросанные мысли и мыслечувства с оттенком возмущения — это возмущение не мешает и добрым к Вам чувствам.

Ваш Аскольдов

НАСЛЕДСТВО ДОСТОЕВСКОГО *

ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА В СОВРЕМЕННОСТИ

1864-65 год был для Достоевского временем "перелома его жизни надвое", как он писал в одном письме. В апреле 1864 г. умерла его первая жена Мария Дмитриевна Исаева. В июле 1864 г. неожиданно умер любимый брат и верный друг Михаил. В начале 1865 г. прекратил свое существование его второй журнал "Эпоха". В марте-апреле 1865 г. он пишет Врангелю про смерть жены: "16 апреля она скончалась в полной памяти, и, прощаясь, вспоминая всех, кому хотела в последний раз от себя поклониться, вспомнила и об вас... Когда она умерла, я... никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землей... Бросился я, схоронив ее, в Петербург, к брату, он один у меня оставался; через три месяца умер и он... и вот я остался вдруг один и стало мне просто страшно. Вся жизнь переломилась надвое".

В это же время — в апреле 1865 г. — он писал Н. П. Сусловой: "Я кончаю жизнь, я это чувствую". А еще через несколько месяцев он начал писать "Преступление и наказание", т. е., наоборот, началась его новая и большая жизнь. И в том же письме к Врангелю, после слов отчаяния, есть такая фраза: "а между тем все мне кажется, что я только что собираюсь жить. Смешно, не правда ли? Кошачья живучесть". И в письме к А. В. Корвин-Круковской, в том же 1865 г.: "Мне все мерещится, что хандра моя ужасный вздор. Кажется иногда, что столько сил внутри и что мне много, много еще пережить надо".

О христианской жизни Достоевского в период, предшествовавший перелому, мы мало знаем. Может быть небольшой свет

*) Глава из книги, в скором времени выходящей в издательстве УМСА-PRESS.

проливает письмо от брата Михаила в ответ на известие о смерти Марьи Дмитриевны. "Нынче получил я письмо твое с печальной вестью. Милый, добрый друг мой, я все это время, с самой нашей разлуки, так много и так часто думал о тебе... Дай Бог ей царство небесное. Врагом ее ни я, и никто из моих не был... Зазвонили к заутрени, зажгли плошки и по городу пошел гул от колоколов и экипажей. Христос воскрес! Обнимаю тебя крепко". (18 апреля 1864 г.). Через три месяца после этого письма пасхальной ночи умер и тот, кто его писал.

Тяжелые удары смертей и несчастий точно разбудили Достоевского, дали окончательный толчок его духовной жизни. "Отсюда, — пишет Страхов, — начинается лучшая половина его жизни".

В 1865 г. было начато "Преступление и наказание"; в 1868 г. он пишет "Идиота", в 1870 г. — "Бесы". В середине 60-х годов Достоевский, несмотря на все еще живое подполье, обрел, наконец, полноту своего таланта, ту силу, которую он так долго носил в себе точно под спудом. И это произошло тогда, когда в "Преступлении и наказании" он открыто сказал о Христе. Правда, еще в 1864 г. он сделал для этого первую, но совершенно неудачную попытку. По замыслу "Записок из подполья", выход из тупика был в вере во Христа, но цензура вычеркнула это место. В марте 1864 г. он пишет брату Михаилу: "там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал для виду, то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры во Христа — то запрещено. Да что они, цензора-то, в заговоре против правительства, что ли?" Но, вне зависимости от нелепости цензурных действий, святейшее имя, конечно, промыслительно, ушло из этой больной и художественно слабой повести. Ее верные мысли о том, что никакая разумность и никакая социальная необходимость или полезность, вне живой веры в Бога, не удержат человека от той или иной безнравственности — явной или тайной — это, конечно, все те же мысли о неразрывности веры и нравственности, неверия и безнравственности, которые Достоевский будет постоянно развивать впоследствии. Но, очевидно, сама по себе верность мысли еще не дает ей власти над людьми и даже над тем, кто ее носит. Человек подчиняется только любви и любящей мысли, а "Записки из подполья" были еще только — "исповедью человеческой злости". Достоевский заговорил как власть имеющий только с "Преступления и наказания", именно с этой вещи художественная форма вдруг сделалась драгоценной тканью его христианской мысли. Страдальческий перелом сделался

началом великого пути. "Покупается счастье страданием", — пишет он в черновике "Преступления и наказания", и эта фраза стоит после слов: "православное воззрение". Современное литературоведение отмечает, что в этом романе "впервые появляется персонаж, главная роль которого служить воплощением "православного воззрения" (Евнин). "Все последующие (посл. "Зап. из подп.") книги Достоевского, — пишет Гроссман, — посвящены проблеме Христа в современности". Но христианство Достоевского в искусстве — это не речи проповедника. Это почти неопределимая локально, но всегда ясно ощущаемая общая точка зрения на мир, какой-то луч света, откуда-то сбоку освещающий темное царство его художественных трагедий. Попадая в стихию его больших романов, мы знаем, что мы вошли в стихию христианского миропонимания, мы стали видеть и понимать мир по-христиански, что в этом аду нас сопровождает Вергилий, христианское чутье которого адекватно его чутью художественному. И в то же время христианство Достоевского в романах не беспредметно. Он прямо именует Христа, и всегда — начиная с рассказа о нем Мармеладова и кончая видением Его Алешей в Кане Галилейской — это не абстрактное упоминание, а любящее слово о Нем, произносимое человеком и художником. Сцену чтения Евангелия в "Преступлении и наказании" Гроссман называет "одной из величайших страниц Достоевского". Не то же ли самое можно сказать о той странице, где Христос целует мертвые уста инквизитора, или где Хромоножка плачет, припав к земле в молитве, а "солнце заходит", "да такое большое, да пышное, да славное". Начиная с 1865 г. Достоевский по-новому подошел и к основной идее христианства и своего творчества — к нравственному дуализму человека, к идее "двойника", так немело отраженной в повести 1846 г. Человека борет его "двойник", его зло, его грех, причем победа "двойника", если он ее достигает, в том и заключается, чтобы вытравить из сознания человека само понятие о нравственной темноте, о различии между добром и злом, чтобы убедить человека, что никакой духовной борьбы не должно быть, по той простой причине, что никакого духовного зла и не существует. Победа "двойника" в том, чтобы доказать, что его вовсе нет.

"Вы потеряли различие зла и добра, — кричит Шатов Ставрогину... — ощущение различия стирается и теряется у таких господ, как Ставрогин". "Раньше делали подлое, — писал Достоевский в "Дневнике писателя" 1873 г. — но знали, что делают подлое; теперь

же не веруют в хорошее и даже в необходимость его". Об этом же в последнем романе так говорит Зосима: "Те (высшие классы) провозгласили, что нет преступления, нет уже греха. Да оно и правильно, по-ихнему: ибо если нет у тебя Бога, то какое же тогда преступление?"

В объявлении о подписке на второй журнал Достоевского "Эпоха" на 1865 г. (цензорская пометка 22 октября 1864 г.) есть такое место: "Все более нарушается в заболевшем обществе нашем понятие о зле и добре. Кто из нас, по совести, знает теперь, что зло и что добро. Все обратилось в спорный пункт и всякий толкует и учит по-своему". В этих словах вся тема Раскольникова, и роман был начат летом 1865 г.

В "Макбете" хор ведьм поет: "грань между добром и злом сотрись". Это заклинание начало звучать не только с эпохи Шекспира. Человечество уже давно стремится стереть эту грань, разбить каменные скрижали Моисея. В результате потери чувства Бога — чувства света — люди стали терять и чувство тьмы, ощущение греха. В "Патерике" есть рассказ, как одного святого спросили: почему человек не замечает своих грехов? Он ответил: когда луч солнца входит в комнату, он делает заметными даже малейшие пылинки, летающие в воздухе. Так и луч Божий — светильник веры". Об этом осознании своего преступления и был написан роман о Раскольнике, самый простой роман Достоевского, точно иллюстрация к простому рассказу Патерика.

Я уже сказал, что вечерние лучи, начиная с 1840-х годов, занимают в символах Достоевского особое место. В этом романе они появляются с самого начала, как только Раскольников приходит к старухе "для пробы" убийства.

" — Пройдите, батюшка.

Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, гераниями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем". Достоевский дает здесь свой любимый символ как предостережение, укор, мольбу, чтобы не совершилось преступление. Раскольников все же его совершил, и даже два, желая доказать, что никаких лучей нет, что они — пережиток. Ведь "господин Лебезятников, следящий за новыми мыслями, объяснял наперед, что сострадание в наше время даже наукой воспрещено и что так уже делается в Англии, где политическая экономия", говорит в романе Мармеладов. Но

перед убийством была снова душевная борьба и почти победа совести, и опять разговор вечерних лучей.

“Ему вдруг стало дышать как бы легче...” Господи, — молил он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!” Проходя через мост, он тихо и спокойно смотрел на Неву, на яркий закат красного солнца... Точно нарыв на сердце его, нарывавший весь месяц, вдруг прорвался. Свобода, свобода. Он свободен теперь от этих чар”...

Здесь лучи были видением самой блаженной для человека свободы — свободы от своего зла.

Раскольников дан с самого начала как больная, но живая душа. Бог ушел из его гордого разума, но где-то в сердце, как огонь под пеплом, еще хранится Его тепло, и даже Его молитва. В этом все объяснение и его тоски, и возможности его будущего покаяния. В нем нет того свойства, которое было особенно ненавистно Достоевскому: самодовольного или сытого спокойствия. В этой черте он видел отличительный признак своей больной эпохи, и именно то, что больше всего препятствовало ее выздоровлению: больной, считающий себя здоровым, — самый опасный. В этом, а не в его “разночинстве”, надо искать и главную причину его неприязни к Тургеневу и всей, как он говорил, “помещицкой литературе”. “О, выписавшиеся помещики!”... “Жеребец в мундире” (о Вронском) — вот его обычные реплики. Даже о славянофилах, к которым он сам себя стал причислять, во всяком случае с 1866г., он еще в 1863г. как-то с досадой сказал: “какая-то удивительная аристократическая сытость при решении общественных вопросов” (письмо к Страхову). И во внешнем его облике, как передают современники, не было ничего аристократического.

“Меня поражала его скромность. Отсюда происходила чрезвычайная обидчивость, лучше сказать, вечное ожидание, что его могут обидеть” (Штакеншнейдер).

“На нем была какая-то печать скромности, конфузливости, скажем более — заботности и угловатости”, — замечает о нем один редакционный некролог.

“Наружность незначительная, глаза угрюмые, временами мелькает подозрительность и недоверчивость, но большею частью видна какая-то дума и будто печаль” (Опочинин).

Относительно “угрюмости” надо принимать с оговоркой. Летом 1866г., когда писалась пятая часть “Преступления и наказания” он жил на даче в Люблине (под Москвой), где жила семья

его сестры Веры Михайловны, по мужу Ивановой. К ее дочери, своей любимой племяннице Е.А. Ивановой, он впоследствии писал одно из наиболее своих сердечных и глубоких писем. От этой дачной жизни остались воспоминания Н. Фохта. Он пишет: “По вечерам на прогулку нас собиралось со взрослыми до 20 человек. Все это общество было всегда беззаботно весело, всегда царствовало во всем полное согласие... и душой этого общества были А.П. Иванов и Ф.М. Достоевский... Счастливым было это время. Прогулки обычно оканчивались разными играми в парке, которые затягивались иногда до полуночи. Ф.М. Достоевский принимал самое деятельное участие в этих играх, и в этом отношении проявлял большую изобретательность... Он забавлялся с нами, как дитя, находя, быть может, в этом отдых и успокоение... Ф.М. очень любил музыку, он почти всегда что-нибудь напевал про себя, и это лучше всего обозначало хорошее настроение его духа...” Далее Фохт упоминает об игре московских шарманщиков. Эти шарманщики были органической частью того городского пейзажа Достоевского, который проявляется у него уже в “Бедных людях”. И Раскольников любил слушать, как поют под шарманку. Мы в своем детстве еще застали ее и помним точно какую-то мировую ее скорбь, наивно звучащую в каменных колодцах столичных дворов.

Всегда быть веселым и простым Достоевский конечно не мог. Он слишком близко видел тот страшный мир, который ему было дано видеть. Он понимал, что этот разлив зла в человечестве есть величайшая угроза его истории, что это есть признак приближения ее конца. Предчувствием конца он был полон уже в эпоху создания Раскольникова. Вот бред Раскольникова в эпилоге. “Ему грезилось, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве... Все должны были погибнуть, кроме некоторых весьма немногих избранных. Появились какие-то трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей... Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные... все были в тревоге и не понимали друг друга... не могли согласиться, что считать злом, что добром... Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе... Все и все погибало”. Это видение погибающего от неверия и гордости мира автор дает как последний толчок к очищению сознания Раскольникова. Только

после него он бросился окончательно к Соне, хорошо знавшей, что считать злом, что добром: гордость его разума была наконец сломлена.

Показывая, куда может завести гордость, Достоевский создает теорию Раскольникова о делении человечества на людей низших, или "материал", и высших, имеющих "право на преступление", т. е. на убийство низших для высоких и даже высочайших целей человечества. Мы знаем по современности всю страшную живучесть этой теории. Достоевский уводит из нее Раскольникова, смиряя его сначала через Мармеладова — отца, а потом и окончательно, через дочь. Вот почему на первых же страницах романа мы слышим великий монолог Мармеладова о Страшном Суде и о прощении смиренных.

"... потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего"... "И прострет к нам руке свои и мы припадем... и все поймем... Господи, да придет царствие Твое!"

Думаю, что если бы Достоевский и ничего не написал бы больше о Христе, то и этого было бы много. Проповедь смирения, начатая им в "Бедных людях", теперь уже не умолкнет вплоть до "смирись, гордый человек" — этого призыва Достоевского на Пушкинском празднике за несколько месяцев до смерти. Евангельские семена детства и юности пошли в рост.

Смешно иногда читать, когда ставится такая проблема: откуда идут его взгляды на смирение, на очищение страданием, на любовь, — от Руссо, Паскаля, Шатобриана или Диккенса? Они идут от Евангелия, от московского дьякона, учившего его Закону Божию в доме Мариинской больницы, от его каторги с русским народом, от духа Христова, которого если кто не имеет, то и не поймет ничего в Христовом. А Христос, как сказано, был "кроток и смирен сердцем". Это было ясно Мармеладову-Достоевскому, с каким бы трудом ни давались ему самому эти качества. В том и есть сила и власть Достоевского, что он пишет не как живописец прозы, не как "мастер искусства" за богатым письменным столом, а как создатель человека, и прежде всего самого себя, как друг, спасающий гибнущую душу, сам во всем пережив и все еще переживая эту нравственную гибель. Анна Григорьевна, его жена по второму браку, пишет: "Он был больной и раздражительный человек... Ф.М. кричал на Федосью за плохие сливки и кофе или за то, что в доме нет спичек, а эта Федосья была страшно запуганная женщина,

вдова пьяного писаря, без жалости ее колотившего... А ходила она в зеленом драдедамовом платке, таком, который упоминается как общий платок семьи Мармеладовых". Но эта же Федосья рассказывала Анне Григорьевне, как Ф.М. закрывал ночью одеялом ее кашляющих детей.

Преступник Свидригайлов застреливается, преступник Раскольников идет добровольно на страдание — искушение вины. Второй путь раскрыт в том образе евангельского зерна, который так любил Достоевский и который мы до сих пор видим вырезанным на его могиле: "Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода". В "Братьях Карамазовых" есть тоже кающийся убийца — Михаил, — которого Зосима тоже посылает, — как Соня — Раскольникова, — на признание в убийстве, и эти слова Евангелия об умирающем и воскресающем зерне он читает ему в напутствие. Но образ и быль умирания и воскресения дан в Евангелии еще ближе в воскресении "четырёхдневного" Лазаря, и именно это место читает Соня Раскольникову. Михаил, после признания в убийстве, говорит Зосиме: "разом ощутил в душе моей рай, только лишь исполнил, что надо было... теперь предчувствую Бога, сердце как в раю веселится... Господь поборол диавола в моем сердце". Это и есть конец, и именно победоносный, той формулы, которую произносит Митя Карамазов: "диавол с Богом борется, а поле битвы сердца людей". В 40-х годах побеждал "двойник", и человек сходил с ума, а теперь душа обретает Рай победы, освобождение от зла. В искусстве Достоевского это "предчувствие Бога" началось с Раскольникова, когда он пришел на Сенную, чтобы стать на колени и принести покаяние земле. "Он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения. Каким-то припадком оно к нему вдруг подступило: загорелось в душе одною искрой и вдруг как огонь охватило всего. Все разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю". Это — то, о чем говорил Паскаль: "благодать есть Бог, ощущаемый сердцем", то, чем живет всякая живая душа, — благодатью покаяния. Конечно, не случайно и не как только художественный образ Достоевский дает исповедь Раскольникова как покаяние именно земле. "Поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и перед ней согрешил", — велела ему Соня. "Исповедь земле" существовала как обряд в древности народного хрис-

тианства, говорит один исследователь. Перед святыней земли исповедовались в самых тяжких преступлениях, которые совесть воспринимала именно как поругание этой материнской святыни. Ведь слова о земле, что она есть "подножие ног Божиих", сказаны Христом (Мф, 5 гл). В одном древнерусском духовном стихе говорится:

Как расплачется и растужится
Мать сыра земля перед Господом:
"Тяжело-то мне, Господи, под людьми стоять,
Тяжелей того людей держать,
Людей грешных, беззаконных..."
Отвечает земле Иисус Христос:
"О, мати ты мати сыра земля...
Делами человеческими оскверненная" ...

В одной молитве, пишет тот же исследователь, которая в древней Руси читалась над преклоненными до земли молящимися, говорится: "И тебе, земле мати, согрешил есмь душою и телом". Во Владимирской области был записан древний обряд исповеди земле, которая совершалась перед обыкновенной церковной исповедью. В исповеди земле человек мог совершить свое покаяние наиболее открыто, значит наиболее мужественно и убежденно. Тут несомненно было неосознанное стремление к первохристианской силе покаяния. Ведь известно, что в первые века исповедание грехов, и именно тяжких, совершалось открыто перед всей церковью.

На этом, казалось бы, и надо было закончить роман: преступник покаялся, христианская мораль торжествует. Но христианский реализм Достоевского не мог совершить такой ошибки. Автор тут же задерживает его новой бурей сомнений насчет предосудительности уничтожить "зловредную вошь", процентщицу, и делает это, конечно, не рассуждениями, а расхолаживающими образами.

"Он встал с колен и поклонился в другой раз. — Ишь нахлестался! — заметил подле него один парень. Раздался смех. — Это он в Иерусалим идет, братцы, с детьми, с родиной прощается, всему миру поклоняется, столичный город Санкт-Петербург и его грунт лобызает, — прибавил какой-то пьяненький из мещан".

И в полицейской "конторе" Раскольников встал от стола, так и не сделав признания, и пошел домой... "Тут на дворе, недалеко от выхода, стояла бледная, вся помертвевшая Соня и дико, дико

на него посмотрела. Что-то больное и измученное выразилось в лице ее, что-то отчаянное. Она всплеснула руками. Безобразная, потерянная улыбка выдавилась на его устах. Он постоял, усмехнулся и поворотил наверх, опять в контору".

Любовь Сони победила: на нем были ее кресты. Или, как Достоевский записал в черновике романа: "Соня и любовь сломили". Но для правды создания образа, для того, чтобы показать, насколько узок, т. е. труден путь христианства, Достоевскому и этого мало. Ведь вся любовь пока что в Соне, а в нем только как бы предчувствие ее. Раскольников идет на признание точно под насилием любви к нему Сони, сестры Дуни и матери: он не выдерживает их сердца и глаз. А какое же покаяние без любви? И вот Достоевский показывает, что и на каторге покаяние не сразу пришло к нему. Только через год — "как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Они были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь".

Но Достоевский и тут не спешит. Вспомним, что, говоря в "Дневнике писателя" 1873 г. об изменении своих убеждений на каторге, он писал: "это не так скоро произошло, а постепенно". Свой опыт возрождения он передает Раскольникову. "Под подушкой его лежало Евангелие... эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря... До сих пор он ее и не раскрывал. Он не раскрыл ее и теперь, но одна мысль промелькнула в нем: "разве могут ее убеждения не быть теперь и моими?"

Вот когда наказание за преступление из непонятного страдания начнет, наконец, превращаться через живую любовь в подвиг обновления человека.

Во всем замысле и исполнении романа удивителен, конечно, не Раскольников, а Соня, несмотря на всю правду его образа. Все величие в романе отдано ей. Она полюбила, но, собственно, кого? Красивого человека или в нем образ Христов? Ведь ради любви к этому образу она не задумалась послать своего жениха на каторгу, т. е. может быть на вечную с собой разлуку. Выходя из полицейского участка, не сделав признания, он шел прямо к ней, а она глазами послала его обратно. Любовь ко Христу, вновь распинаемому грехами людей, оказалась в ней сильнее ее любви к человеку,

и в свете этой ее божественной любви — "бывший студент" Раскольников. Правда Христова, такая, казалось бы, неподходящая по суровости для романа, дана как самая нужная правда жизни, как то, без чего этой жизни и не может быть. Достоевский объявил своей правдой не вообще религию, не то нечто неопределенно-благородное, что часто выдается за христианство, а только христианство Голгофы. На мировое искусство легла тень от Креста.

«ж» "Христианство не поэма, а подвиг", — сказал недавно один русский старец-монах. Благодаря тому, что Достоевский не побоялся ввести эту великую мысль в свой роман, пронизал его идеей добровольного страдания для искупления греха, — рамки его человеческой поэмы раздвинулись в бесконечность, и обыкновенный роман XIX века стал духовным событием, стал проповедью христианского подвига, стал точно местом явления Христа в современности. Само слово "подвиг" произнесено только в самом конце романа, — к идее подвига Достоевский подойдет еще ближе, когда будет работать в 1870г. над "Бесами". Но по существу, именно в "Преступлении и наказании" эта идея уже дана в полной ясности художественного образа. Интересно отметить, что именно этот конец романа Достоевский писал уже в сотрудничестве, и, конечно, в содружестве, с Анной Григорьевной — своей будущей женой, работавшей у него стенографисткой. Подвиг очищения Достоевского, а не только Раскольникова, был связан с верным и любящим женским сердцем. В ноябре-декабре 1866г. Достоевский диктовал ей последнюю часть романа, а в феврале 1867г. они были обвенчаны.

Но одна истина ведет за собой другую, для живущих в Церкви очень важную: Достоевский расширил в нас понимание церковности. В XIX веке многие хорошие церковные люди не представляли себе церковного, т. е. не фальшивого восприятия христианства вне привычных для них форм византийской церковности. К. Леонтьев, выступая в печати в 1880г. против Достоевского, мог с неудовольствием писать: "Соня Мармеладова читала только Евангелие. В этом еще мало православного . . . молебнов она не служит, духовников и монахов для совета не ищет . . . отслужила только панихиду по отцу . . . в "Бесах" немного получше. Является икона . . . и только". Не стоит говорить о нелепости требовать от романа какой-то богослужебной энциклопедии. Гораздо важнее другое: искреннее непонимание переживания Церкви сердцем.

Такова была эпоха, и нам необходимо это учесть, чтобы осознать прожитый путь. Нужно было пережить эти сто лет, отделяющие нас от романа, нужно было пройти пустыню нашей жизни часто вне видимого храма и в тоске о нем, чтобы понять, что он — храм и его обряды — всегда с нами, если только мы своим сердцем в нем, если явление Христа Спасителя душе, присутствие Его в ней, не богословская или художественная аллегория, а правда.

В этом, не в новом религиозном сознании — а в возвращении нашего сознания к первохристианскому и во все века не умиравшему реальному переживанию веры, нам конечно помог Достоевский. Храм, или, как Леонтьев пишет, "молебен", у Достоевского никак не отрицается. Можно было бы успокоить Леонтьева: Соня служит не только панихиду, но и отпевание и сама надевает на Раскольникова православный крест, ненавистный сектантам. Но стены храма здесь точно раздвинулись, и нерукотворной, т. е. единственно вполне надежной — теперь-то мы это хорошо знаем! — "храминой" сделалась, в данном случае, серая петербургская комната. "Дух дышит, где хочет", и "где двое или трое собраны во имя Его". Мы этого не знали или забыли, через большие испытания мы вошли в новую церковную эпоху, и мы больше всего боимся не уменьшения или, наоборот, увеличения церковных форм, а того, чтобы не потерять это дыхание Духа, созидającego или изменяющего обрядовые формы. Вот почему, может быть, самыми радостными зазвучали для нас эти слова: "Я с вами во все дни, до скончания века", — где бы мы ни были: в "византийском храме", с его привычными и дорогими для нас обрядами, или в серой коммунальной квартире.

Св. Тихон Задонский, столько давший Достоевскому, пишет: "Можем к Богу приступать с прощением нашим в церкви, в доме, в собрании, на пути, на деле (на работе), на ложе, ходя и сидя, трудясь и почивая, и во всяком времени. Ибо везде и всегда можем ум и сердце к Нему возводить и прошение сердца Ему предлагать... К Богу бо не ногами, но сердцами приступаем".

В последнем романе Достоевского — "Братья Карамазовы" — есть идейный центр, он же и вершина его художественного мастерства — глава "Кана Галилейская". Она совершается в стенах монастыря, ночью, когда, как там сказано, "белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе". Этим видением "победы, победившей мир, — веры нашей" окончил свой путь Достоевский. Но начал он свое всемирное исповедание христианства тоже

с "Каны Галилейской", только уже в гораздо более близкой для нас обстановке: в комнате Сони.

"Далее она не читала и не могла читать. Закрыла книгу и быстро встала со стула.

"Все об воскресении Лазаря — отрывисто и сурово прошептала она и стала неподвижно, отвернувшись в сторону, не смея и как бы стыдясь поднять на него глаза... Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением Вечной книги".

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА *

Есть две страны; одна — Больница,
Другая — Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!

Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку
И заунывную кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:

"Ку-ку! Откройте двери, люди!"
"Будь проклят, полуночный пес!
Куда ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?!"

Весна погибла, в космы сосен
Вплетает вьюга седину" ...
Но, слыша скрежет ткацких кросен,
Тянусь к зловещему окну,

И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван, и челнок,
Мелькая птицей чернокрылой,
Рождает ткань, как мерность строк.

В вершинах пляска ветродуев
Под хрип волчицьиной трубы.
Читаю нити: "Н.А. Клюев, —
Певец олонецкой избы!"

*) Написано за несколько недель до смерти. Впервые опубликовано в "Дне Поэзии" за 1987 г. Как известно, Н. Клюев умер в Томске, где жил на положении ссылке.

Я умер! Господи, ужели?!
Но где же койка, добрый врач?
И слышу: "В розовом апреле
Оборван твой предсмертный плач!"

Вот почему в кувшине розы,
И сам ты — мальчик в синем льне...
Скрипят житейские обозы
В далекой брэнной стороне.

К ним нет возвратного проселка,
Там мрак, изгнание, Нарым.
Не бойся савана и волка, —
За ними с лютней серафим!"

"Приди, дитя мое, приди!"
Запела лютня неземная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рая.

И первой песенкой моей,
Где брачной чашею лилея,
Была: "Люблю тебя, Расея,
Страна грачиных озимей!"

И ангел вторил: "Буди, буди!
Благословен родной овсень!
Его, как розаны в сосуде,
Блюдет Христос на Онъй День!"

25 марта 1937

Владимир ЗЕЛИНСКИЙ

"ПОКАЯНИЕ" НА УЛИЦЕ ВАРЛАМА *

"Заполненные залы, аплодисменты в кинотеатрах, невиданное количество рецензий — все это доказательство того, что в кино произошло долгожданное Событие", — писала "Литературная Газета" в феврале 1987 г., вскоре после выхода фильма "Покаяние" на московские экраны.

Событие назревало постепенно. Осенью прошлого года фильм уже шел вовсю в одном из центральных кинотеатров Тбилиси на проспекте Руставели и какими-то неторными тропами пробирался в Москву на закрытые просмотры. В студеную зимнюю пору перестройка надвигалась на столицу, как циклон, мягкими южными волнами. Подтянутые кандидаты киноведения советовали публике закрытых просмотров не поддаваться неконтролируемым ассоциациям: в конце концов фильм — это анатомия диктатуры вообще, что в Чили, что в Кампучии, ну, и у нас были некоторые ошибки... Действие происходит в неизвестной стране, по своему жанру фильм относится скорее к политической фантастике, да и на Западе великий Феллини... Однако уже в апреле в "Московской Правде" можно было, изумившись, прочитать: "... туман рассеивается, цепь фантастических видений обрывается, и мы видим скорбную очередь женщин, будущих вдов, и детей, будущих сирот, выстроившихся к тюремному окошку. Это уже наша, отечественная история. Это — 1937-й год".

Набальзамированный и положенный в пантеоне нашей истории как "год окончательной победы социализма", он все чаще выкапывается из земли и приносится кем-то во двор нашего победившего социализма. Его потихоньку водворяют на прежнее место, восстанавливают памятник, ловят похитителей и даже скромно украшают цветами. Был такой много-многосерийный публицистический фильм "Наша биография", кажется, совсем недавно его показывали по телевизору, и я не удивлюсь, если по случаю юбилея вскоре

*) Из самиздатского журнала "Выбор", № 2, 1988.

покажут вновь. Год-людоед, представленный там, конечно, не в частной подвальной его жизни, но в документальной официальной истории, шагал в ногу со всеми, в мускулистом общем строю, как раз между 36 и 38 годом, такой же славный, улыбающийся, радующийся успехами, преодолевающий невероятные трудности. И писательница Галина Шергова, автор и ведущая этого сериала, не казенно, а как-то по-женски, по-человечески уговаривала там зрителя чуть ли не теми же словами, что и одна из героинь "Покаяния":

"Не забывай, что мы великому делу служим. Нас с гордостью будут вспоминать грядущие поколения. И поскольку у нас масштабы грандиозные, и ошибки будут большие. Может случиться, даже и невинные станут жертвами. Но я уже слышу, слышу бетховенскую Оду к радости, которая неминуемо скоро зазвучит по всей земле..."

Радость — мира украшень,
Дочь родная небесам.
Мы вступаем в упоенье
О, чудесная, в твой храм!"

В этом есть что-то от фантазии Достоевского: под Шиллера и Бетховена судят и казнят художника Сандро. Кто не знает, напомню: столетие гибели Пушкина было главным культурно-политическим событием года "окончательной победы". Народ в храме радости и население тюрем или очереди у тюрем неотделимы друг от друга и часто состоят из одних и тех же людей. Появлению Большого Брата предшествует миф о Большом Братстве и о братском светлом будущем... 37-й год не падает на голову, как булыжник из когтей ястреба, но уверенно подымается по головам годов предыдущих. Посмотрев "Покаяние", мы догадываемся — и в этом правда этого фильма, — что людей убивают не столько железные рыцари, сколько всенародные ликования, сочиненные и организованные ради "великого дела" работниками идеологического фронта.

Разумеется, объем правды или информации о том годе (здесь год как код ко всей той долгой эпохе), которую можно извлечь из нашего фильма, соответствует приблизительно, скажем, тому количеству информации, которую дает о немецкой истории между 1933 и 1945 годами чаплинский "Диктатор" или "Карьера Артуро Уи" Бертольда Брехта, созданные в начале 30-х годов. Но фильм Тенгиза Абуладзе сделан уже о прошедшем и сильно удалившемся

годе, и он — о покаянии. Искусство покаяния, достигнутое здесь, в целом отвечает тому его уровню, который требуется от покаяния на сегодняшний день. Оно — часть перестройки. Оно входит в ее истаблишмент. Ныне, обойдя большинство кинотеатров страны, оно появляется каждый день в один и тот же час в кинозале "Россия" на Пушкинской площади с обязательностью чиновника Министерства Иностранных Дел. О прошлом — полную правду, горькую правду, покаянную правду без всяких дыр и белых пятен на ней — таков лозунг и пафос сегодняшнего дня.

Горькая правда уложена в красивую притчу и от ~~этого~~ чуть менее горька. В цветовом отношении, т. е. еще до пробуждения мысли, она, горькая правда, скорее приятна. Первое, что мы видим, — это диковинный, сказочных форм и размеров торт на экране. Достойная, интеллигентная, иронически-печальная дама Кетеван Баратели, занятая изготовлением и сбыванием этих тортов, узнает от соседа, читающего рядом газету, о смерти городского головы Варлама Аравидзе. Взглянув из-под очков на его перевернутое изображение, она как будто на минуту задумывается... Из этого кинематографического воспоминания начинается сюжет, отдельные части которого извлекаются из прошлого Кетеван, из прошлого Варлама, как сюрпризы из торта... Этих сюжетов много, и они слагаются в своего рода киномозаику на одну из самых грандиозных и загадочных тем нашего столетия — тему о народном диктаторе. Каждый кусок этой притчи построен почти как самостоятельное целое, и его поверхность иногда рябит от наслаивающихся друг на друга намеков и ассоциаций, но все вместе сделано в духе хорошего народного примитива. Просто в целом и сложно в деталях, и в этом нарочитом сочетании того и другого — один из секретов фильма. Яркие краски почти без полутонов, да и речи героев словно бы попадают в тон этой восточной цветистости:

"Разве Варлам был твой родственник? — спрашивает Кетеван шумно горящего соседа. — Больше, чем родственник! Ближе не было у меня друга! — Счастливцев ты, что ты знал такого человека... Кончилось мое счастье, не стало дорогого Варлама!"

В данном случае автор избавлен от необходимости пересказывать сюжет, который всем без исключения известен. Поэтому он видит свою задачу в том, чтобы пригласить читателя к прогулке по тем разнообразным ассоциациям и аллюзиям, которые в таком изобилии настойчиво провоцируются нашим фильмом.

Давно не стало дорогого Варлама, но все у нас как-то не хватает времени разобраться, кто же он был такой. "Аравин", как подчеркивает Тенгиз Абуладзе в своих интервью, означает по-грузински "никто". "Варлам-Никто". Варлам Аравидзе похож на всех. Друг народа, он есть в то же время и пожиратель народа. Вознесенный над всеми, он вместе с тем как бы слит с толпой, он есть ее проецированный образ, простой, понятный, человеческий... Вглядимся в него: складывает руки и ораторствует без бумажки, как правый диктатор, отпускает шуточки и поблескивает пенсне, как левый диктатор, поет арии, как древний диктатор, цитирует классиков, как современный диктатор, покровительствует искусствам и убивает художников, как все диктаторы в мире, и, как все они, призывает к бдительности, и затравленно умирает в бункере... Сталин, Гитлер, Берия, Мао, Нерон, Климент Готвальд или, извините, Фидель... Беззаветно служащий великому делу, любой и никто, он — искуситель истории, заклинатель ее духов, она ему жена и вместе с ним одна сатана.

Но что связует их? И откуда у него власть над нею? Сколько у нее было этих огненных мужей, этих повелителей ее плоти, возникавших из небытия и вне своей исторической миссии ничего не значащих?.. Вопросы толпятся перед загадкой дорогого Варлама, но сам он ничуть не поможет нам разрешить ее. Он — человек простой, без метафизики и, вероятно, симпатичен был бы в роли часовщика, ювелира, чистильщика сапог или, наподобие Джугашвили, псаломщика. Напевал бы он свои арии, поблескивал бы пенсне, сыпал бы афоризмами: "Скромность украшает человека!" (по-русски) или: "Народ и Партия едины" (по-китайски), и никому бы и в голову не пришло, что от его голоса могут сдвигаться земные породы... И не попытаемся мы у него никогда, где у него хранится этот тлеющий уголек, от которого раздуваются мировые пожары, каким слухом он слышит пение труб Апокалипсиса... Или звуком этих труб призывается первый попавшийся, пригодный лишь на то, чтобы стать железным жезлом, звездой "попыню", саранчой из кладезя бездны? Варлам — не зверь, выходящий из земли, не чаша гнева в руке Ангела, он — человек-саранча, человекоорудие, как говорит Даниил Андреев, скользкий, ладный, плотный, в облегающем черном френче, похожий также на большую черную пиявку, человек без возраста, без рефлексии, но со звериным чутьем, с кошачьей сообразительностью, пластичный, неожиданный, готовый в любую минуту сменить любезность на

ярость и обратно, и когда он с чувством декламирует Шекспира, почему-то вспоминается "Аппassionата" и "матерый человечище", и что "любовь побеждает смерть" и "посильнее "Фауста" Гете"... Но за всей его шустрватостью, шутливостью, даже самой жестоко-стью вдруг оказывается, что ничего и нет, какое-то гулкое отсутствие души, метафизическая дыра и "демоны глухонемые"...

Ныне один за другим снимаются запреты на скоромное в нашей разрешенной культуре, и, вероятно, литература и кино, соревнуясь друг с другом, пустятся на розыски горькой исторической правды. И потерпят, боюсь, неудачу. То есть правду событийную, правду фактологическую отчасти, может быть, и найдут и, получив визу Главлита, бесстрашно покажут народу, но сомневаюсь, чтобы приземленная эта правда стала на высоту всей серьезности истории. Как она будет разыскиваться, эта правда, можем мы судить хотя бы по "Детям Арбата" Анатолия Рыбакова: она будет шарить по психологии, обнажать дурной характер вождя, трезво взвешивать заслуги и преступления... Признаться, образ нашего Варлама не вполне удался и самому Солженицыну "В круге первом" (а в "Архипелаге", где его нет, — там как раз удался!), ибо добротное, реалистическое, вскормленное Толстым искусство как-то не вмещает в себя такого героя. Единственная удача, которую я знаю, — это глава из романа "Сандро из Чегема" Фазиля Искандера, потому что там через детективный сюжет показаны два плана в истории этого героя: событийный и inferнальный. В конце концов и "Осень патриарха" Габриэля Гарсия Маркеса можно читать в России как книгу о Сталине, почему бы нет? Интересна и глубока глава о нем в "Розе мира" Даниила Андреева, но там событийного плана и вовсе нет, есть лишь один демонический... Сюжет о Варламе в нашем фильме начинается с ликующего народного волеизъявления: его только что избрали городским головой, льются приветственные речи, хлещет вода из лопнувшей трубы, поливая выступавших и самого Варлама, на дворе отличная грузинская погода, и безобидный душ — это не всерьез.

Однако сюжеты исторические о дорогом Варламе начинаются иным образом, может быть, и не без ликования, но совсем при другой погоде. В конце концов, откуда явился он к нам, этот Варлам? Так прямо-таки и выбрали добрые жители городка нового городского голову себе на голову? Неясность или условность, оставшаяся за кадром, порождает и знак вопроса над той идеей

покаяния, ради которой и сделан фильм. Покаяние – в чем? В грехах Варлама? Это дело самого Варлама. В том, что мы распевали оды к радости, когда шли пытки и казни? Так ведь детьми были, все равно – возрастом или разумом. В том, что жили двойным сознанием, клялись в верности марксизму-варламу, а сами думали лишь о собственном благополучии? Так что ж сделаешь, сегодня один городской голова, завтра другой, а пить-есть каждый день надо... Почему тогда и не каешься? Потому что хотели жить. Да и сегодня – в чем каяться?

Знак вопроса разрастается в образ, который, на мой взгляд, становится центральным в фильме. Ибо не о Каиновом покаянии идет речь, но об Авелевом. Авель Аравидзе, сын Варлама, сначала прелестный девятилетний мальчик, который вместе с отцом приходит в дом художника Сандро и его дочки Кэти, а потом, лет через сорок, тем же погрузневшим, избалованным, всякую невинность утратившим мальчиком присутствует на суде над этой самой Кэти, пожелавшей отомстить его отцу-покойнику, Авель, в отличие от Варлама, не есть образ лица исторического. Он, как и все мы, материал, глина в руках горшечника, который лепит из нее, что ему надо. От великих исторических событий, которые прошли над его головой, у него остался только большой отцовский особняк и разные удобства жизни. История не выжгла своими электродами его души, она оставила ему клочки варламовых убеждений, но также и сомнения и угрызения совести, заставляющие его иной раз заглянуть и в бездну... Потому что все было бы в порядке, и прекрасно жилось бы Авелю и в годы культа, и в годы разоблачения культа и его последствий, если бы грехи отца не обрушились бы на него самоубийством сына. Оно, может быть, не вполне убедительно в фильме, зато убедительно в жизни: грехи отцов иногда настигают нас в судьбе наших детей.

Да, было время Варлама (кровь, грязь и оды) и быльем поросло. Железные латники не часто теперь гремят железом в квартирах, а в цивильном платье, как и все, заседают в учреждениях. Теперь самое время просто жить, строить потихоньку новое общество, строить планы, строить дачи, а потом во благовремение и перестраиваться. Отчего бы и нет? И в это самое прочное, устойчивое, не тряское для жизни время (когда лишь два-три или больше хулигана-гробкопателя сидят в сумасшедших домах), закон возмездия настигает нас во всей его очевидной для смертных глаз несправедливости. Почему старый Варлам грешил, а кару несет

Торнике, почти подросток? Когда он стреляется из дедушкиного ружья ("в подарок дорогому внуку от дедушки Варлама"), а мать бьется перед закрытой дверью, со странным спокойствием подходит Авель, открывает соседнюю дверь (она была, оказывается, незаперта) и безучастно и как будто брезгливо смотрит на тело сына. "Ага, застрелился, – говорит его взгляд, – ну, лежи, лежи..."

И вслед за тем мы слышим его глухой рев: "Да будет проклято имя твое, жизнь и дела твои, Авель Аравидзе!.. Пусть кровь твоя станет водой, а хлеб твой в землю превратится... Пусть в адском пламени сгорит твоя плоть и не удостоится она, как родитель твой, земного погребения. Зачем ты родился, исчадие ада, Авель Аравидзе? А твой отец, а сын твой... Зачем они родились?!.. Господи, как все бессмысленно!"

Это именно рев, а не зов, в нем нет и следа молитвы. И раздается он из какой-то пустоты, из той черной метафизической дыры, откуда явился на свет и куда скрылся судьбоносный Варлам, отец. Это вопль раздавленной плоти, боль плотской душевности, которая корчится на земле. Такое покаяние бывает лишь в аду. Здесь же оно не очищает и не имеет плода в вечности. После него человек не находит Бога, Которого все поминает, но идет, чтобы убить себя или другого или совершить что-то непотребное. Авель идет и делает то, что повелела ему на суде сделать Кетеван: выкапывает труп отца из могилы. Тело Варлама картинно летит в пропасть. Теперь он достанется хищным птицам, ну а мы, мы, Авели-зрители, выстирав вслед за ним взмокшую от тяжелой и грязной работы рубашку и тем самым как бы покаявшись, отправимся потом на свою перестройку.

Выкопать сталинизм из земли и на глазах у всего мира выбросить его вверх тормашками в пропасть – таков нарастающий пафос наших дней. Пусть себе каркает воронье ("наши идеологические противники"), пусть набрасывается на падаль, некогда нам разбираться, кто виноват: выбросить вон – это и значит покаяться... Отделаться демонстративным жестом и не копаться в истоках варламунизма, чтобы затем, как ни в чем ни бывало, произносить юбилейные речи о славных выборах нового городского головы.

Впрочем, здесь может быть и иной подтекст, ускользающий от стороннего нашего взгляда. "Покаяние" – прежде всего грузинский фильм, Грузия же, как все знают, как раз и дала миру двух несомненных прототипов для этого фильма. Один Варлам, большой,

привел за собою другого, маленького, того самого носителя пенсне, соблазителя школьниц, дабы для ускорения исторического процесса трагедия и фарс истории игрались одновременно. И когда оба грузинских Варлама много лет вместе ловили черного кота в темной комнате, отлично зная, что там его нет, то это называлось "классовой борьбой" и "диктатурой пролетариата". Но "Покаяние" должно было придти из Грузии хотя бы и потому еще, что народ там — пусть в смутном предании — сохранил ощущение святости земли. Грузия — об этом мало кто помнит сегодня — это еще и страна несчетных христианских мучеников. "Если сжать горсть грузинской земли, в ней проступит кровь", — сказал однажды нынешний грузинский патриарх Илия II. И такая земля, как и всякая земля, не должна принять в себя Варлама, ни того, ни этого, никакого. Дело здесь не в какой-либо мести. Дело в ощущении сокровенной связи земли и неба, умирания, превращения в прах и воскресения. Но я не думаю, что об этой связи действительно думали авторы фильма.

Мне приходилось читать множество откликов на него. Странным, хотя и вполне понятным образом он оказался поводом для парада либерализма. "Выход в свет фильма "Покаяние" воспринят советскими кинематографистами как глубоко обнадеживающее свидетельство уже свершившихся и свершающихся в нашем обществе, в культуре, в кинематографе живительных перемен, обновления" ("Новое Время", 6 фев. 1987). Тотчас же было забыто, что вообще-то покаяние начинается с печали, а не с поздравлений по поводу правды, наконец пробившей себе дорогу. Среди этих откликов было несколько интервью и самого Тенгиза Абуладзе. Более всех он беспощаден к Авелю. "Я считаю, что Авель страшен, — говорит он. — Он даже опаснее Варлама, потому что тот в каком-то смысле образ цельный, его поступки всегда были поступками дьявола и поэтому их можно было хоть иногда предвидеть. А с Авелем ничего знать наперед нельзя, потому что сознание его раздвоено. Он растленный человек, он не знает границ между добром и злом. "Я проповедую атеизм и при этом ношу крест", — так он говорит, и в этом его суть. Разве нет среди нас таких вот, с раздвоенным сознанием?" ("Литературная Газета", 25 фев. 1987).

Вопрос риторичен: "разве нет среди нас?.." — да и сама дилемма "крест — атеизм" в данном случае не столь уж существенна, она лишь знак какой-то иной, более важной и содержательной раздвоенности. Вопрос здесь можно было бы поставить конкретней

и резче: разве мы, унаследовав прошлое наших отцов, впитав его в себя и лишь осудив преступления или "ошибки", не оказались племенем Авелей? Разве не носим мы в себе его половинчатость, не ведем вместе с ним забавную игру в мораль, в которую не верим, не разделяем его любовь к комфорту, его трусость и даже некоторую душевность, не лишенную и доброты, когда она ничего не стоит? Разве, при всех моральных обновлениях и отречениях от прошлого, не остаемся мы все еще детьми и наследниками нашего разоблаченного, сброшенного с корабля современности и все еще твердо управляющего этим социалистическим кораблем Варлама?

Конечно, в отличие от него самого (и вообще варламитов), который есть только скользкое и кровавое политическое животное, т. е. нечто стоящее гораздо ниже средней человеческой породы, Авель — человек, и даже с некоторыми запросами. В годы Варлама он носит убеждения Варлама, в годы перестройки — идеи перестройки, а когда это становится неопасно и даже некоторым образом входит в систему и моду, вспоминает о "вере отцов". Крест под рубашкой, икона, а то и целый иконостас на стене, христианские символы в произведениях искусства. Эти символы дают искусству какую-то новую притягательную глубину, но в этой глубине есть всегда что-то колеблющееся, расплывчатое и даже двусмысленное.

Храм Пресвятой Богородицы, который Сандро с друзьями отстаивает от разрушения, преломляется в образе Памятника Народного Зодчества, Исторической Памяти, которую надо сохранять, Старой Матери, за которой нужно ухаживать, но никто не помнит, что он может быть *живым* храмом, созданным для молитвы и таинств. Сам Сандро Баратели — художник и вместе с тем "как бы Христос" (сцена пытки и казни навязывает зрителю воспоминание о распятии), на самом же деле — Художник в высшем, жертвенном смысле. Варлам — по фильму городской голова и вместе с тем "как бы сам дьявол", на самом же деле — наше прошлое, "которое не должно повториться". Авель — его раздвоенный сын, "как бы кающийся грешник", на самом же деле — плохой, нечестный строитель нового общества, разве нет среди нас таких?.. Герои "Покаяния" за религиозной символикой прячут содержание социальное или эстетическое. Да и само покаяние — не есть ли имя таинства, играющее в данном фильме роль псевдонима, что изображает реальность, которая ни в какой церковности не нуждается? Авторы фильма этого, разумеется, не скрывают, скорее даже подчеркивают. На осторожный полувопрос корреспондента "Юма-

ните": "Религия играет большую роль в вашем фильме..." — Генгиз Абуладзе столь же осторожно отвечает:

"Без веры в красоту нет ни искусства, ни жизни... Церковь, храм — не только религиозные атрибуты. Это также знаки религиозной культуры, исторические памятники. Мы разрушили много церквей, но сегодня само государство охраняет памятники и реставрирует их". ("Юманите", 30 янв. 1987).

Если перевести этот уклончивый язык на кинематографический, то, на мой взгляд, это и будет приблизительно означать: "проповедую атеизм и при этом ношу крест".

Дело здесь не в одном "Покаянии", но в общей тенденции, которая становится теперь все более влиятельной и почтенной. Оставаясь всецело в рамках прежней, т. е. варламовой идеологической системы с ее ценностями, функциями и худсоветом, которых пока никто не отменял, искусство в наши дни все чаще ищет не там, "где лучше", а там, "где глубже", а из страны прекрасного открывается выход в страну религиозного. Можно было бы только приветствовать эту открытость, если бы художник в своем поиске не принимал бы свой поиск за нечто самодовлеющее и ценное само по себе, если бы, прибегая время от времени к языку веры, он бы дорожил прежде всего ее истиной, а не эстетической привлекательностью. Поначалу это по-своему завораживает, но потом постепенно возникает ощущение, что здесь нас то ли пугают, то ли развлекают, то ли водят за нос. Когда Авель приходит исповедоваться к отцу своему-дьяволу или дьяволу-своему отцу, плотоядно поедающему рыбу (древний христианский символ), где и произносит свою фразу о кресте и атеизме, то среди всех этих религиозных символов, кажется, и не протолкнуться. Но фильм для того и сделан, чтобы помочь нам заблудиться в религиозных аллюзиях и атрибутах, но уберечь от выбора, избежать религиозной ясности. Все в нем есть, все виды искусства на высоте — постановка, мастерство режиссера, сценарий, съемка, игра актеров, работа художников и гримеров, и если чего-то и не хватает в нем, так это самой его основы — покаяния, которое оказывается лишь притчей-воспоминанием. Все помнят, как кончается фильм: на улице рядом с окнами Кетеван Баратели неожиданно появляется старая женщина (последняя роль великой актрисы Верико Анджапаридзе) и настойчиво спрашивает: "Эта дорога приведет к храму?" "Нет", — отвечает Кетеван, очнувшись от своего видения о мести, — "это улица Варлама Аравидзе и не эта улица ведет к храму".

Дорога "Покаяния" кружит вокруг закрытого храма по той же улице Аравидзе, которую просто-напросто недавно переименовали. Ведь покаяние начинается не с Варлама, поставленного над нами, который, слава Богу, смертен и в качестве покойника допускает любое с собой обращение, по сути, оно должно начинаться с Варлама, который живет в нас и превращает нас в стадо Авелей, умеющих лишь менять одного Варлама на другого. Человек-пиявка накрепко присосался и к нашей душе, но как оторвать, смыть, соскоблить его этими снами, притчами, храмами-тортами, религиозными декорациями? Та дорога, которая ведет к храму, начинается не с выкапывания из могилы и выбрасывания нашего дурного прошлого и ведет она не к торжеству нашей смелой культуры и перестройки. Как никак — если называть вещи своими именами — она начинается со Христа, Который искупает это прошлое, и приводит ко Христу, Который соединяется с нами, очищая нас покаянием — скорбным, личностным и меняющим нас изнутри.

"К чему дорога, если она не приводит к храму?" — продолжает настаивать недоуменная старушка, а затем по той же улице Варлама бредет со своим вопрошанием вдаль. Провожая ее взглядом, несколько оторопелым и задумчивым, зритель, покидая кинозал, удаляется вслед за ней.

(октябрь 1987)

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ХРИСТИАНСТВА В РОССИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ
В УНИВЕРСИТЕТЕ «PARIS X — NANTERRE»
(20-23 января 1988)

Международный коллоквиум на тему "Тысячелетие Христианства в России", состоявшийся в январе 1988 г. в университете "Париж X — Nanterre" в связи с празднествами 1000-летнего юбилея крещения Руси, представляет собой событие, показывающее, насколько дело св. князя Владимира и его последствия для судеб русской Церкви, русского народа и всей его культуры рассматривается в нашу эпоху как событие, имеющее первостепенное значение в истории христианства. Этот факт заслуживает быть особо отмеченным, ибо имевшее место сто лет тому назад празднование 900-летия крещения Руси не вышло за пределы России и никаких отголосков на Западе не имело.

Коллоквиум был устроен Парижским университетом по инициативе профессоров-русистов, русского и французского происхождения, преподающих в названном университете и в других высших учебных заведениях Франции. Но в коллоквиуме приняли также участие представители высших школ многих других стран: Православного Богословского Института им. препод. Сергия в Париже, Оксфордского университета, ряда университетов Германии, Свято-Владимирской Семинарии в США, духовных Академий и других научных учреждений СССР, Восточного Института в Риме, нескольких английских и американских университетов, Женевского университета и Университета Szeged (Венгрия), Центра изучения русского языка в Медоне (Франция) и т. д.

Было прочитано около 35-ти докладов. В конце каждого заседания (их было 7) доклады обсуждались. Содержание докладов было крайне богато, и потому, пока не опубликованы материалы коллоквиума, очень трудно дать о них точный отчет. Приходится, по этой причине, ограничиться общей картиной коллоквиума.

В докладах и в прениях оказались затронутыми все аспекты темы тысячелетия христианства в России. Были даны общие обзоры культурной и церковной истории крещенного св. Владимиром

народа. Были сообщены новейшие результаты критики исторических источников. Были затронуты такие области, как история русской святости, русская религиозная мысль, русская церковная миссия, история славянского и русского языка, христианские темы в русской литературе, иконопись, церковное зодчество, русское религиозное возрождение начала XX века, современная религиозная мысль, в частности в православном рассеянии, положение Церкви и верующих в Сов. России после объявления политики гласности и т. д.

Были выдвинуты новые мысли, иногда очень спорные (представление о древних русских святых как об исключительно семейных святых княжеского рода), но призывающие к новым исследованиям (перемена отношения, иногда очень отрицательного, к делу преп. Иосифа Волоцкого, "политический" исихазм у святителей, принадлежащих к течению идущему от св. Григория Паламы). Было обращено особое внимание на свидетельство святых киевского, домонгольского и монгольского периода о том, как новокрещенный народ быстро достиг христианской зрелости в области понимания христианства и христианской жизни. Необходимо отметить очень ценный доклад проф. Harnick'a о принятии в России богослужебных книг Никона Черногорца в домакарьевский период. Особо замечательны и по содержанию, и по форме были доклады Н. А. Струве ("Духовный облик А. С. Хомякова") и М. В. Сémon-Лосской ("Конфликт религии с искусством у Н. Гоголя и Л. Толстого"). Глубокое впечатление произвели свидетельства о тех, кто при самых трудных обстоятельствах, часто несмотря на сверхчеловеческие испытания, продолжает исповедовать Христову веру на родине (доклад Н. В. Лосского о новых свидетелях веры в XX веке и сообщения о прот. Виталия Борового).

Во время коллоквиума были показаны на экране виды Волоколамского монастыря после его реставрации и был дан концерт хора Сергиевского Подворья в Париже под руководством Н. М. Осоргина.

Возвращаясь к прочитанным во время коллоквиума докладам, надо отметить, что как среди их авторов, так среди выступавших во время обсуждений были православные, католики, протестанты, агностики. Однако, несмотря на конфессиональные расхождения и при наличии неодинакового отношения к вере и религии, никто не поставил под сомнение положения о том, что князем Владимиром был крещен единый народ, иначе говоря — тот самый русский

народ, от которого в течение истории произошли другие народы. При этом, из всего того, что было сказано, вытекало молчаливое признание удивительных свойств принятой св. князем Владимиром от Византии православной веры, а именно ее способность предельно оплодотворять жизнь принявших ее народов в области религиозной, культурной и церковно-государственной.

Протопресвитер Алексей Князев
Ректор Свято-Сергиевского Православного
Богословского Института в Париже

ИГОРЬ ОГУРЦОВ ВО ФРАНКФУРТЕ-НА-МАЙНЕ *

21 января 1988г. в помещении *Международного Общества Прав Человека* во Франкфурте-на-Майне (Зап. Германия) выступил долголетний узник советских тюрем, концлагерей и ссылки Игорь Огурцов. В зале присутствовали приглашенные на эту встречу друзья и члены Общества, те, кому была небезразлична судьба И. Огурцова все долгие годы его заключения, кто писал и подписывал письма с ходатайствами о его освобождении, присутствовали и просто незнакомые люди. Начиная свое выступление, И. Огурцов сказал:

Уважаемые дамы и господа,

Мне чрезвычайно приятно сегодня приветствовать вас на свободной земле Германии. Я хочу также передать вам горячий привет от всех борцов с тоталитаризмом из Сов. Союза: там хорошо знают и ценят вашу деятельность. Мне известно, что в 2-х городах СССР (Москве и Ленинграде) созданы секции вашей организации. Надо сказать, что деятельность этих секций не аналогична деятельности таких же секций в свободных странах. В СССР — передовая линия борьбы. Там хорошо знают, что нет счастья без свободы, но для того, чтобы была свобода, необходимо мужество. Мне хочется пожелать вашему Обществу дальнейших успехов в вашей деятельности.

Деятельность таких организаций, подобных вашей, не может измеряться количеством людей, досрочно освобожденных из заключения. В странах восточного блока идет борьба не на жизнь, а на смерть. Поэтому заключенные будут независимо от того, какие усилия вы будете прилагать для их освобождения. Но оценка вашей

*) Основатель и руководитель *Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа* (ВСХСОН) Игорь Вячеславович Огурцов был арестован в 1967г. органами КГБ и приговорен советским судом к 20 годам лишения свободы. Освободился И. Огурцов по сроку в февр.1987г. и 29 ноября того же года выехал из СССР. В настоящее время живет в Мюнхене.

деятельности определяется созданием того особого климата, который возникает в результате ваших усилий. Борцы за железным занавесом сегодня не чувствуют себя изолированными и не чувствуют себя одинокими. И это значит очень много, переоценить это нельзя. Еще раз желаю вам успехов в вашей благороднейшей деятельности.

Я не хочу утомлять всех вас после рабочего дня каким-то специальным длинным докладом. Я думаю, если у вас есть какие-либо интересующие вас вопросы, то лучше я отвечу на них конкретным образом.

— *Вы известны как основатель ВСХСОН. Также известно, что эта организация была разгромлена властями. Какие последствия или значение имела эта организация?*

— Да, мы потерпели первое поражение в 1967 г., но борьба не может быть без поражений. ВСХСОН не был уничтожен. Более того — основание Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа дало толчок для начала широкого социал-христианского движения в различных формах. Некоторые из членов ВСХСОН, осужденные в 1967 г. и впоследствии вышедшие на свободу, были осуждены впоследствии по второму разу. В качестве примера я могу назвать имя Леонида Бородина, известного на Западе в качестве писателя. В настоящее время в Сов. Союзе существует много течений общего социал-христианского движения, существует несколько подпольно издаваемых журналов, и социал-христианское движение является самой серьезной альтернативой коммунистическому тоталитаризму.

Хочу сказать несколько слов о том, как начиналась борьба нашего поколения: она началась более 32-х лет назад, в 1956 г., и совпала с восстанием венгерского народа. Организация создавалась как всероссийская и патриотическая организация, в которую могли входить все национальности Сов. Союза, и более того, к нам примыкали даже наши польские друзья. В известном смысле пафосом нашей борьбы была борьба против тоталитаризма, а это и есть суть борьбы за права человека.

— *Игорь Вячеславович, находясь в заключении, чувствовали ли вы влияние правозащитных организаций Запада?*

— Да, я конечно знал, хотя и недостаточно, в период моего заключения о широкой солидарности с нами во всем мире. Особенно

много свидетельств этому я получил во время 5-летней ссылки. Тогда я получил около 10-ти тысяч писем из 35 стран мира. Это были письма от сенаторов некоторых стран до бразильских негров-безработных, от людей всех поколений, а в политическом спектре — от итальянских правых до коммунистов, которые сидели в Освенциме. Был один интересный случай, когда я получил письмо от одного крестьянина из ГДР. Это письмо лежит в моем личном архиве, и я, думаю, никогда не забуду о нем в течение моей жизни. Крестьянин из ГДР писал, что он выражает свою глубокую солидарность с нашим движением, однако он не хочет ограничиваться словами и хотел бы оказать какую-нибудь реальную помощь. Но в данный момент у него нет средств, но поскольку он надеется в следующем году продать свою землю, тогда он сможет оказать такую помощь. Я был до глубины души растроган этим письмом.

— *Что вы чувствуете сейчас, т. е. после того, когда покинули свою родину?*

— Скажу откровенно, что сегодня, несмотря на то, что я был радушно встречен в Германии и мне приятно видеть всех вас и всех друзей, мне хотелось бы быть в России. Наступил час, когда решается судьба страны, и от этого будет зависеть во многом судьба всего мира. Однако сегодня, при той обстановке, в которой еще находятся борцы за свободу, я не мог принести там той пользы, которая необходима. Я надеюсь, и мы все надеемся, что завтра это уже будет возможно.

— *Вы видели страну при Брежнев, сейчас его место занял М. Горбачев. Какие произошли изменения за это время?*

— Надо сказать, что почти 20 лет правления Брежнева означали стагнацию системы. За эти почти 20 лет система зашла в полный тупик. Идеологический, экономический и политический кризис настолько глубоки, что это осознано даже руководством коммунистической партии Сов. Союза. Такое развитие событий мы предвидели и указали на это в нашей программе 1964 г. Таким образом, сегодняшний курс на перестройку — это результат или следствие глубокого кризиса, в котором находится тоталитарная система. Каковы субъективные намерения Горбачева и его команды, конечно, никому неизвестно. Но, несмотря на мощное сопротивление в партаппарате, в карательных органах и номенклатуре, он держится благодаря тому, что его противники все-таки на-

деются, что курс на перестройку может укрепить систему в этих тяжелых условиях. Определенная часть партии осознает, что неподвижность брежневского типа сейчас уже невозможна. Они готовы пойти на риск, чтобы сохранить систему. В этом смысле они воспринимают Горбачева как такую фигуру, которая сможет изменить представление на Западе в лучшую сторону о реальном социализме. В результате ослабить напряженность военного характера, получить передышку, получить западную финансовую помощь и технологию и использовать это для сохранения системы.

— Как нужно смотреть на происходящие сейчас в СССР перемены?

— Дело в том, что существующая сегодня в СССР тоталитарная система не может развиваться. Она неорганична, она искусственна, поэтому она может быть только построена до конца, а потом демонтирована. Но при этом она попадает в кризисные состояния, и тогда начинаются метания в поисках выхода из этого кризиса. Кроме того, необходимо искусственно изображать движение — бег на месте. Но новый курс на перестройку — это не только отчаянные попытки выйти из кризиса, направляемые сверху. Это также результат борьбы народов против тоталитаризма. Если мы не будем учитывать героической борьбы не только народов Сов. Союза, но и народов Восточной Европы, то мы ничего не поймем в современной ситуации. Хочу напомнить вам, что перестройка началась с 1956 г., после победоносного венгерского восстания. Парадоксально, но факт, что в подавленной танками Венгрии нельзя было ввести тот же режим, который был две недели назад, до восстания. И получилось именно так, что Венгрия как раз стала наиболее либеральной, если можно так выразиться, страной в восточном блоке. Попытки перестройки проводились с этого же времени и в Сов. Союзе (Хрущев, Косыгин), но все они были неудачны. Это пример очень важного значения. Как раз эти два примера являются иллюстрацией того, что система не может быть реформирована. Она отторгает реформы, как организм отторгает чужое сердце. Таким образом, при всякой попытке реформирования происходит или отторжение этих реформ, и система остается такой, какая она была, или эти реформы разрушают систему. Нужно хорошо себе представить, что такое тоталитаризм. Если дать очень короткое неопределяемое определение, то это абсолютная

диктатура во всех трех областях жизнедеятельности общества — в духовной области, в гражданско-политической и в экономической. Эта чудовищная система угнетения может держаться только при абсолютной диктатуре, тотальной во всех трех областях.

— Доходила ли до вас какая-нибудь почтовая корреспонденция в лагерь или в тюрьму?

— В лагере и в тюрьме я не получил ни одного письма. Я получил их в ссылке. Кроме того, это исключительный случай. Для этого потребовалось специальное решение на уровне ЦК.

— Предпринимались ли какие-нибудь шаги в деле вашего выезда из СССР раньше?

— Дело в том, что в течение последних 10-ти лет ряд правительств ставил этот вопрос перед советским правительством. В 1980 г. было даже заключено соглашение между президентом Франции Жискаром д'Эстеном и Брежневым о том, чтобы я был освобожден досрочно и мне было разрешено выехать во Францию. Самолетом я был доставлен из тюрьмы в УКГБ г. Ленинграда, где мне было предложено принять определенные условия, на которых меня соглашались освободить. Понимая, что заставить меня отказаться от своей позиции невозможно, они поставили условия принципиально приемлемые. Тогда же французская сторона с целью поддержки этой договоренности удостоила меня званием почетного гражданина Франции. Но президент Жискара д'Эстен не был переизбран на второй срок, и советская сторона порвала это соглашение. На это президент Миттеран сказал, что если действовать таким образом, то Франция может порвать все соглашения с Сов. Союзом, которые были заключены при умерших генеральных секретарях.

— Правда ли, что Горбачев хочет создать новую форму правления обществом?

— Я уже сказал, что субъективные намерения Горбачева и его ближайшего окружения никому неизвестны. Некоторым хочется видеть в нем советского Дубчека. Но так это или нет, сказать очень трудно, я думаю, это не совсем так. Мне кажется, он не ставит себе втайне задачу преодолеть тоталитарную систему. Но кто знает,

иногда руководителей увлекает за собой внутренняя логика событий. Может быть он, а может быть кто-нибудь другой окажется готовым пойти дальше в соответствии с этой объективной логикой. Конечно, все решается в России и силами внутри России. Но позиция Запада при этом тоже чрезвычайно важна. Ошибочная позиция Запада может продлить существование тоталитаризма и тем самым продлить угрозу мирового уничтожения. Но может помочь и безболезненно вернуть Россию и Восточную Европу в свободную семью европейских народов. Поэтому мне кажется, что Запад должен способствовать новому курсу, но чрезвычайно осторожно и по мере того, как движение в этом направлении дает возможность восстанавливаться гражданскому обществу в СССР. Дело в том, что тоталитарная система уничтожает общество, в тоталитарных странах нет обществ. И единственной гарантией прогрессивной перестройки может быть именно восстановление общества. Оно есть гарант успеха. В свое время Хрущев мог создать себе широкую социальную базу, поддерживающую реформы. Но он не сделал этого и был обречен. Возможно, что Горбачев оценит и учтет этот исторический опыт. В известной степени режим сегодня допускает создание неформальных организаций с оппозиционной платформой. Но их существование парадоксально, законы не изменены. Режим сегодня только воздерживается от репрессий, но в любой момент может их уничтожить.

— Вы уже сказали, что в Москве и в Ленинграде образованы секции Международного Общества прав человека. Как в условиях сегодняшнего времени они должны действовать?

— Что касается правозащитных организаций, то, я думаю, они не должны сами себе ставить ограничения в своей активности.

— Горбачев обещал вывести советские войска из Афганистана, верите ли вы его словам?

— Что касается Афганистана, то конечно это очень больной вопрос для Сов. Союза. Советское руководство убедилось, что в Афганистане оно не может одержать победы теми силами, которые туда введены, а ввести большие силы невозможно. Вместе с тем трудно изображать из себя миротворца на мировой арене в то время, когда эта страна ведет не объявленную и несправедливую

кровавую войну в маленьком Афганистане. Но вместе с тем вывести войска из Афганистана — это означает практически признать свое поражение. Это не так просто, как, например, для такой свободной страны как Америка — уйти из Вьетнама. Но для тоталитарных режимов признать такое поражение — это почти смертный приговор.

— После названия вашей организации появилось слово "русский". Не видите ли вы в этом одну из главных причин особенно жестокого преследования вас и вашей организации? Ведь в данном случае слово "Советский Союз" как бы переходило на второй план.

— Мне хочется этот вопрос разделить на две части. Дело в том, что Россия — это многонациональная страна, и там не может быть чисто русского движения, которое подменяло бы собой все остальное. ВСХСОН был патриотической организацией, в которую был открыт доступ всем народам России. Я хочу подчеркнуть, что ВСХСОН ни в коем случае не является националистической организацией, он является патриотической организацией всех народов.

Что же касается особенно жестоких репрессий, которые были обрушены против ВСХСОН, это объясняется все-таки другими обстоятельствами. ВСХСОН не маскировался, он не прятался за расплывчатые формулы с тем, чтобы ослабить ответный удар. В программе был до конца разоблачен чудовищный тоталитаризм и провозглашена бескомпромиссная борьба с ним. Ни одна организация после гражданской войны не просуществовала так долго и не была такой многочисленной, как ВСХСОН. Именно это привело в панику советское руководство. ВСХСОН был осужден за попытку государственного переворота, а не за подрыв системы путем пропаганды. Конечно, в тот период ВСХСОН не ставил перед собой таких задач, и поэтому это осуждение было фальшивым. Для власти важна была превенция, важен был террористический эффект, с тем, чтобы подавить в зародыше всякое движение такого рода после ВСХСОН.

— Как ВСХСОН относился к христианам других конфессий?

— ВСХСОН считал себя — это было сформулировано в программе, — что он является частью европейского социал-христианского движения. Конечно, для нас была бы чрезвычайно важна

моральная и политическая поддержка родственных партий в Европе. Но в тот период мы имели связи только по частным линиям с Англией, Францией и тремя странами коммунистического блока — Польшей, Чехословакией и Болгарией.

— *Какова роль христианства в России? И как вы представляете свое участие в нем?*

— Я уже сказал, что христианство в России является серьезным противовесом коммунистическому тоталитаризму. Отвечая же на второй вопрос, скажу, что мы не видим непереходимых барьеров между антитоталитарными движениями в нашей стране. Мы никому не бросаем перчатку, но всем протягиваем руку. Мы думаем, что успех может быть достигнут только при создании широкого патриотического фронта. Вместе с тем христианское движение испытывает и ряд трудностей. Главная трудность заключается в том, что практически в стране существует только церковь молчания. В СССР не существует такого положения, как в Польше, где роль Церкви чрезвычайно сильна и христианские силы могут опираться на нее.

— *Слышали ли вы об историко-патриотическом объединении "Память"? Что это за объединение и как вы к нему относитесь?*

— Дело в том, что я не могу исчерпывающим образом и ответственно ответить на ваш вопрос, потому что я освободился из весьма жестокой изоляции несколько месяцев назад. Однако о "Памяти" можно сказать следующее: все организации, которые сейчас создаются, создаются стихийно. Кроме того, они создаются в условиях, когда в стране совершенно отсутствовало общественное мнение и общественное мышление в течение 70-ти лет. В связи с этим на первых порах они не застрахованы от разного рода ошибок. Но, насколько мне известно, "Память" очень децентрализована, она имеет отделения почти в 50-ти городах СССР. И даже название этих организаций различное. Поэтому ошибки, сделанные в одном пункте, могут быть быстро исправлены в другом. Кроме того, эта организация еще не базируется на твердо выработанном мировоззрении, и внутри ее идет серьезная борьба. Не исключено, что некоторая терпимость властей к этой организации объясняется тем, что власть не прочь использовать ее в своих целях. Но никто не знает,

удастся ли это. В сущности, всякая неформальная организация, которая сейчас создается в СССР, даже если она ставит перед собой чисто культурные цели, является политической оппозицией.

— *Вы пробыли долгие годы в заключении. Пытались ли вас там перевоспитать идеологически?*

— Коммунистическая идеология настолько уже мертва, что даже в лагерях перевоспитания они не пробуют перевоспитывать идейными методами. Они пытаются только убить или подавить человека. Сегодня они говорят — мы научились работать без крови. Это означает, что они не стреляют в зоны в живот из пистолетов, но три карцера подряд практически означают гибель для самого крепкого человека.

— *Имели ли вы в лагере общение с другими заключенными и имели ли вы какую-нибудь информацию о положении в стране, в частности о неофициальных объединениях?*

— Мы все имели контакты и знали, что делается в стране. О подпольном движении в стране лучше всего можно узнать в лагерях, потому что в брежневский период все оппозиционные группы были в подполье, и только в лагере встречались их представители со всей страны. Политические лагеря были своего рода академией. И если бы на свободе была бы такая же солидарность, какая была в лагерях, то может быть мы бы уже победили.

— *В вашей организации были только православные или были еще люди и других вероисповеданий?*

— Я уже однажды говорил на одной пресс-конференции в Мюнхене, отвечая на аналогичный вопрос, что Социал-Христианский Союз Освобождения Народа был политической организацией, а не монастырем, куда принимались люди только одной конфессии. У нас были даже неверующие, которые разделяли нашу программу. Некоторые приходили к христианству уже в рядах нашей организации.

— Десятилетиями у Сов. Союза была тенденция расширять свои границы. Прекратится ли эта тенденция с приходом к власти Горбачева?

— Если Горбачев сломает тоталитарную систему, то эта тенденция кончится. Сущность тоталитаризма в непрерывной агрессии, он не может существовать, не расширяясь. Только непрерывное расширение как бы подтверждает правоту их идеологии, ибо идеологически они исходят из того, что коммунистическая система — это будущее всего человечества. Мне хочется специально для людей, граждан свободного мира сказать, что коммунисты, которые еще не находятся у власти, это еще не те коммунисты, которые уже захватили власть. Это очень существенный момент. Честные, наивные коммунисты, когда их партия захватывает власть, одни из первых погибают в тоталитарной системе.

— 20 лет вы были изолированы от общества. Какие изменения произошли за это время в сознании людей?

— Изменения в сознании колоссальные. Люди открыто обсуждают все проблемы, в то время как, например, в сталинский период два ближайших друга боялись говорить о том, что они думают. Сегодня в России говорят: мы устали бояться. Наибольшие изменения произошли в политике средств информации. Практически, мыслящая часть общества однозначно уже высказалась, что сегодня стоит вопрос: быть или не быть. И что этот вопрос может быть решен только с ликвидацией тоталитарной системы.

— Какими техническими возможностями располагал ВСХСОН в вашей борьбе?

— Уже в 1964 г. мы имели свою типографию. Но граждане западного мира должны представить, что борьба в условиях тоталитарной системы фантастически трудна. Мы боремся голыми руками с системой, которая угрожает и подавляет весь мир. Мы идем в тюрьмы на свои деньги.

— Как вы относитесь к передачам западного радио, транслируемого на Сов. Союз.

— Это очень интересный вопрос, который вы задали. Западное радио слушает большинство граждан в Сов. Союзе. Но в последнее время интерес к западным передачам падает. Во-первых, потому, что западные средства массовой информации внезапно отстали от событий в Сов. Союзе. А во-вторых, делается ряд серьезных стратегических ошибок. Но мне особенно приятно отметить для немецкой публики, что "Немецкая волна" является самой серьезной станцией. Наверное этим объясняется, что ее передачи глушатся до сих пор. Надо сказать, что мы всегда предпочитаем, чтобы западное радио глушилось. Это звучит странно, но в этом большой смысл. Когда снимается глушение, то самоцензура выхолащивает передачи, делает их бессмысленными.

— Есть ли на сегодня какой-то позитивный сдвиг в мышлении рядового состава советской армии?

— Безусловно. Дело в том, что новое поколение целиком вышло из-под идеологического влияния партийной бюрократии, даже не на 90%, а на все 100%. Это то поколение, которое составляет рядовой состав армии. Но вместе с тем новое поколение испытывает состояние духовного вакуума. Оно освободилось из-под влияния коммунистического гипноза, но оно не приобрело еще возможности приобщиться к подлинным духовным ценностям.

— Как смотрят на Германию средние русские?

— Два раза, во время Первой и Второй мировых войн, была совершена роковая ошибка, в результате которой обе стороны были приведены к фронтальному столкновению. У среднего русского нет никакой неприязни к немцам. Достаточно хорошо известно, что еще со времен Екатерины Великой в России мирно и дружелюбно проживали большие немецкие колонии, которые жили совершенно свободно, зажиточно, и никогда никаких конфликтов с русским населением у них не было.

— Как Запад может помочь демократическим преобразованиям в СССР?

— Я не могу сейчас остановиться на каких-то подробных пунктах программы помощи. Но, разумеется, — прежде всего духовная, моральная, политическая поддержка, и конкретные формы такой помощи зависят от конкретной ситуации, которая будет складываться завтра и послезавтра. Несколько лет тому назад А. И. Солженицын, обращаясь к Западу, в отчаянии сказал: "Не помогайте зарывать нас бульдозерами". Я сегодня не сказал бы так и не повторил бы этих слов. Я хочу обратиться к Западу с призывом оказать всевозможную поддержку не столько отдельным личностям, — Горбачев ли, или кто-то другой возглавляет эту линию, — сколько народам и обществам поработанных стран. Вообще говоря, я думаю, что весь спектр имеет значение, даже туризм. Туризм в какой-то мере способствует личным контактам людей. Тоталитарная система всегда хочет контактов на официальном, на государственном уровне и всегда хочет изолировать граждан свободного мира от граждан тоталитарных стран. Поэтому все, что способствует личным контактам, лучшему знанию друг друга, снимает недоверие, снимает страх, — и это способствует прогрессивным переменам в коммунистическом блоке.

— Что вы сейчас намереваетесь делать в Германии?

— Первая моя задача — это познакомиться с обстановкой. Нельзя принимать серьезных решений, досконально не зная всей ситуации. Но я также могу уже сейчас сказать, как я уже сказал на первых пресс-конференциях, что я считал бы мой выезд в эмиграцию бессмысленным, если бы я не мог содействовать важным переменам в лучшую сторону на моей родине. Героические борцы в тоталитарных системах в который раз уже надеются на минимальную поддержку в странах свободного мира.

(Подготовил к печати Валерий Фефелов)

ПАМЯТИ П. А. ЖУРОВА

В Москве, 5 октября 1987, на 103 году, мирно и безболезненно скончался Петр Алексеевич Журов, — старейший спутник "серебряного века".

П. А. Журов родился в 1885 г. под Иваново-Вознесенском, окончил Петербургский университет по славяно-русскому отделению историко-филологического факультета. Первые свои стихи, навеянные поэзией Соловьева и Блока, П. Журов опубликовал в 1908 г. в разных столичных журналах. В том же году он познакомился с С. А. Клычковым, с которым будет дружить до конца его жизни и которому он посвятил статью, являющуюся до сих пор основной для изучения поэта (*Русская литература*, 2, 1971). В ней дано замечательное описание их совместного паломничества на озеро Светлояр (Китежское озеро). П. Журов был связан и с группой иваново-вознесенских поэтов, в особенности с Д. Н. Семеновским. После революции он тесно общался с Вяч. Ивановым (в Баку), которому посвятил несколько стихотворений.

Вернувшись в Москву, П. Журов стал работать в Государственной Академии Художественных Наук (ГАХН) и писать рецензии в *Красной нови* (1923-1927); в 1924, по поручению "Блоковской Ассоциации", он разыскивал остатки библиотеки Бекетовых-Блока в окрестностях Шахматова (см.: "Шахматовская библиотека Бекетовых", *Ученые записки Тартуского университета*, 1975, вып. 358, и "Впервые в Шахматове. Лето 1924 года", *Revue des Etudes Slaves*, LIV, 4, 1982). В 1939 г. статья П. Журова о набросках "Казаков" Толстого была опубликована в *Литературном наследстве* под псевдонимом: С. Павловский — П. Журов сидел тогда в лагере. Потом (1959-1969) он работал в Толстовском Музее в Москве. В 1985 г. его столетие было отмечено в *Литературной газете* статьей Ст. Лесневского ("Вспоминая Блока", 28 августа).

П. А. Журов сохранил до конца своей жизни светлый ум и бодрый дух, живую память о прошлом и просветленный взгляд на мир ("гляжу на Божий мир и радуюсь" — говорил он в последние годы, когда уже не выходил из дому). Дневники, которые он вел

с конца прошлого века, хранятся в ЦГАЛИ, и надо надеяться, что они не останутся там захороненными. В них отражены его духовные и поэтические искания. Вслед за В. Соловьевым, он верил во "Вселенскую церковь", оставаясь в лоне православной Церкви (духовным его отцом был о. В. Шпиллер).

Отпевали П. Журова в церкви Иоанна Воина, что напротив французского посольства, и похоронили его на Введенском (немецком) кладбище. Светлая ему память!

М. Никё

Ниже мы приводим неизданное стихотворение П. Журова.

За тайной тайн мы гнались по пятам.
Безмолвная, она опережала.
И змий грозил кровавой пастью нам,
Кровавое выбрасывая жало.

И я сорвал последнее кольцо,
И пали ниц ненужные покровы,
И Тайна Тайн палящее лицо
Вперила в нас пытливо и сурово.

Не открывай сей древней ткани —
Испепелит тебя огонь!
В короткой и неравной брани
Падешь и ты, и верный конь!

Почий у нераскрытой тайны, —
Пусть ангел воскресит тебя,
И ты войдешь, родной и ранний,
В двойную тайну бытия!

Сочи, 1920

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции : 988 – 1988 – Н. Струве	3
О том, где и когда крестился св. князь Владимир и о времени крещения Руси — В. З. (Москва)	5
Патриарх Филофей и Русь — Прот. И. Мейендорф	28
Подъем духовной жизни в XVII-XIX в. — Прот. С. Четвериков	57
70 лет Вавилонского пленения — В. Аксюциц (Москва) ..	67
■ МЫСЛИ О ТЫСЯЧЕЛЕТИИ	
АНКЕТА "ВЕСТНИКА" : Свящ. Н. Артемов (Мюнхен), Прот. Г. Бенигсен (США), Анна Великанова (Франция), В.А. Зандер (Франция), Ю. Кублановский (Мюнхен), М.В. Назаров (Мюнхен), Б. Филиппов (США)	
	93
■ МУЧЕНИКИ XX-го СТОЛЕТИЯ	
Поминовение и покаяние — Б. Павлов	123
Из службы св. Новомученикам и Исповедникам российским	124
Несколько слов об еп. Вассиане Пятницком — С. Волков .	126
Речь, сказанная архим. Вассианом при наречении его во епископа Егорьевского	133
Архиепископ Онуфрий Гагалюк (Самиздат)	137
Речь архим. Онуфрия при наречении его во еп. Елизаветградского	146
Письма из тюрем и лагерей — О. Павел Флоренский	155
Автобиография — Т.М. Милютина	182
Обращение православных епископов из Соловецких островов к Правительству СССР	193
Соловецкие епископы и декларация митр. Сергия 1927 г. — Н. Струве	207

■ ПАСТЫРИ И ПОДВИЖНИКИ XIX-XX ВЕКА

Об отце Иоанне Кронштадтском — *В.В. Розанов, М.О. Меньшиков* 213
 Неизданные заметки старца Силуана 223
 Дневник духовный — *Прот. С. Булгаков* 228
 Из писем игумена Никона Воробьева 235

■ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Первое мое знакомство с Соловьевым — *Кн. Е. Трубецкой* 245
 Восемь неизданных писем к М.П. Ивановой — *В. Розанов* 251
 Письмо С.А. Аскольдова В.В. Розанову 256
 Наследство Достоевского — *С.И. Фудель* 258
 Последнее стихотворение Николая Клюева 271
 "Покаяние" на улице Варлама — *В. Зелинский* 273
 Тысячелетие Христианства в России — Международный коллоквиум в "Paris - X - Nanterre" — *Прот. А. Князев* 284
 Игорь Огурцов во Франкфурте-на-Майне 287

Памяти П. А. Журова — *М. Нике* 299

SOMMAIRE

Editorial : 988-1988 — Nikita Struve 3
 Le baptême de saint Vladimir et le baptême de la Russie — *V. Z.* 5
 Le patriarche Philothée et la Rus' — *P. Jean Meyendorff* 28
 Les sommets de la vie spirituelle aux XVIII et XIX s.
 — *P. Serge Tchvetverikov* 57
 L'Eglise russe ou 70 ans de captivité (1917-1987)
 — *V. Aksoutchitz (Moscou)* 67

■ ENQUETE SUR LE MILLENAIRE DU BAPTEME DE LA RUSSIE

Contributions de *P. Nicolas Artemov (Munich), P. Georges Benigsen (USA), Anna Velikanova (France), Valentine Zander (France), Youri Kublanovski (Munich), M. Nazarov (Munich), Boris Filippov (USA)* 98

■ LES MARTYRS RUSSES DU XX SIECLE

Mémoire et repentir — *B. Pavlov* 123
 Extraits de l'Office aux Nouveaux martyrs russes 124
 L'évêque Vassian Piatnitski — *S. Volkov* 126
 Discours d'investiture de l'évêque Vassian 133
 L'archevêque Onuphre Gagaliouk (*Samizdat*) 137
 Discours d'investiture de l'évêque Onuphre 146
 Lettres de captivité — *P. Paul Florenski* 155
 Autobiographie — *T. Milioutina* 182
 Lettre des évêques captifs sur les îles Solovki au gouvernement de l'URSS (mai 1936) 193
 Les évêques captifs et la Déclaration du métropolite Serge (1927) — *N. Struve* 207

ВЕСТНИК

И з д а н и е

"Русского Студенческого Христианского Движения"

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "ВЕСТНИКА"

В Америке — East :

Mrs Elisabeth Dorman, 321 Varick St., Jersey City, N.J. 07302, USA.

— West :

Mrs Olga Hughes-Raevsky, P.O. Box 1207, Berkeley Ca 94701, USA.

В Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal P.Q. H2L 2R7.

В Англии :

«Aid to the Russian Church», (Miss Ellis),

P.O. Box 200, BROMLEY, Kent, BR1 1QF.

■ PASTEURS ET MOINES DU XX s.

Le Père Jean de Cronstadt — V. Rozanov, M. Menchikov	213
Pensées inédites du starets Silouane	223
Journal spirituel — P. Serge Boulgakov	228
Lettres inédites de l'higoumène Nikon Vorobiov	235

■ PENSEE RELIGIEUSE ET CULTURE RUSSE

Ma première rencontre avec V. Soloviev — E. N. Troubetskoi	245
Huit lettres inédites de V. Rozanov à M. P. Ivanova	251
Lettre de S. Askoldov à V. Rozanov	256
L'héritage de Dostoévski — S. I. Foudel'	258
Le dernier poème de Nicolas Kliouev	271

"Le Repentir" rue Varlam — V. Zéliniski	273
«Mille ans de christianisme en Russie» (Colloque international à l'Université de Paris-X-Nanterre) — P. Alexis Kniazeff	284
Igor Ogourtsov à Frankfort-sur-le-Main	287

In Memoriam P. A. Jourov — M. Niqueux	299
---	-----

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лице России, в напоминании о страданиях русского народа.